

Л и т е р а т у р н а я А р м е н и я

Литературно-художественный
и общественно-политический
орган Союза писателей Армении

Հայաստանի գրողների միության
գրական-գեղարվեստական
և հասարակական-քաղաքական հանդես

Журнал основан в декабре 1958 года

№2 2026

В номере:

Проза, поэзия

- Григор Джаникян.** Армянский Гаврош, или однодневная республика Киликия. *Рассказ. Перевод С.Мардаряна* 3
- Гурген Баренц.** Стало меньше красивых людей...
Стихи 10
- Эдуард Халд.** Убийца черепах. Страна альбиносов.
Рассказы. Перевод Ж.Шахназарян 17
- Армен Пашаян.** Лампада встречи. *Стихи. Перевод К.Шакаряна* 67
- Ашот Бегларян.** Правда. *Притча* 74
- Нушик Микаэлян.** Небо вошло в твою клетку. *Стихи. Перевод Г.Баренца* 78
- Мария Дохоян.** Бениамин и Константин. Другая жизнь. Опус с многоточием. *Рассказы* 83
- Владлен Левин.** В янтаре застывшее время. *Стихи* 101

Очерк, публицистика

Анна Сухарева-Анопьян, Лариса и Владимир Ягубянц. Династия Анопьян	105
---	------------

Диаспора в лицах

Татьяна Янгайкина. Эчмиадзинский монастырь глазами заключенного Дубровлага. Каспийский триптих вне кадра. <i>Очерки</i>	114
Армен Меружанян. А что это за город Новониколаевск?...	122

Критика, библиография

Каринэ Месропян. Великая действительность. Из творческой истории повести Юрия Карабчиевского «Тоска по Армении». <i>Перевод С. Мардакьян</i>	129
---	------------

Книжный глобус

Сергей Ишханян. После тумана	147
---	------------

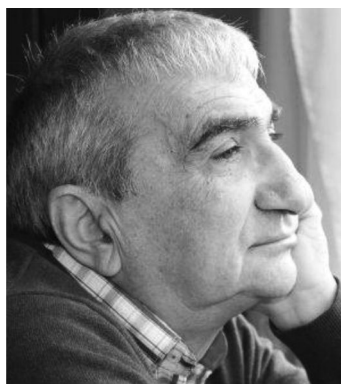
Искусство

Руслан Семяшкин. Неразгаданный Таривердиев	152
Арцви Бахчинян. Где-то в глубине души. <i>Беседа с композитором Кармеллой Цепколенко.....</i>	166

РЕДАКЦИЯ

Альберт Налбандян, *главный редактор*
Сергей Мурадян, *заместитель главного редактора*
Жанна Шахназарян, *отдел прозы*
Ирина Маркарян, *отдел очерка и публицистики*

ГРИГОР ДЖАНИКЯН

Прозаик, публицист, переводчик. Родился в 1944 г. в Болгарии. Окончил университет иностранных языков им. В.Брюсова (Ереван), затем Высшие литературные курсы при Союзе писателей СССР (Москва). Автор повестей и рассказов, удостоенных литературных премий. Перевел на армянский произведения А.Камю, С.Беккета, Ф.Саган и других известных западноевропейских писателей.

АРМЯНСКИЙ ГАВРОШ, ИЛИ ОДНОДНЕВНАЯ РЕСПУБЛИКА КИЛИКИЯ

Перевела Светлана Марданян

Пейзаж изменился мгновенно: вблизи плескалось ласковое и родное Средиземное, на прибрежных аллеях из-за листьев маленькими солнышками выглядывали апельсины. Командир Ромио́ никогда не подбадривал армянских гайдуков так, как после победы при Арара¹:

¹ *Сражение при Арара (19 сентября 1918г.) – Армянский легион в 5000 добровольцев, действовавший на палестинском фронте в составе англо-французских войск, прорвал турецкий фронт, взял стратегически важную высоту Арара, обеспечив тем самым объединенный удар союзников и тотальное поражение турок. (Здесь и далее примечания переводчика.)*

– Придай силы ногам, легионер, знай, каждый твой шаг приближает тебя к твоей любимой родине на семьдесят сантиметров...

Госпожа Виктория Аршаруни не была богатой, но, овдовев, продала после большого бедствия² их с мужем особняк, драгоценности, переехала в Египет, в Порт-Саид, где и основала приют для сирот «Апавен»³. Прибывшую из Харберда новую группу воспитанников приняла, как всегда, ласково, покормила, собрала в приемной и попросила заходить по одному в кабинет, чтобы зарегистрироваться. Занося в журнал описание внешности вошедшего, она спрашивала:

– Как тебя называли при крещении, дитя мое?

Достигшие Порт-Саида харбердские малыши видели, как зверски вырезают их родителей, грабят дома, поджигают. Были свидетелями и отвратительных сцен – непонятых, но преисполнивших их желанием мести.

Девочки обычно называли данные им при крещении имена, мальчики же выявляли свои предпочтения: одним хотелось называться Варданом – по имени спарапета Вардана⁴, другим больше по душе был полководец Андраник⁵ – эти называли себя Андраником.

Когда настала очередь Ариса, он, не колеблясь, выпалил:

– Вардан мое имя, матушка.

Брови хозяйки приподнялись за очками. Почувствовав, что та огорчилась, подросток тут же «исправился»:

– Извиняюсь, ошибся, Андраник меня зовут.

Госпожа Виктория положила ручку.

– Пойми, мой мальчик, в одном небольшом приюте не может быть столько Андраников и Варданов, дай-ка я назову тебя

² Имеется в виду Геноцид армян 1915 г. в Османской империи.

³ Апавен (арм.) – упование.

⁴ Вардан Мамиконян – армянский полководец, предводитель восстания армян против иранских Сасанидов, пытавшихся навязать армянам зороастризм.

⁵ Андраник Озanian – один из лидеров армянского национально-освободительного движения конца XIX – начала XX в., национальный герой армянского народа.

Нждэ⁶, он тоже храбрый полководец, он тоже разбивал наших врагов.

Арис не слышал о Нждэ, но постеснялся отказаться.

Спустя время мальчик узнал, что из Восточной и Западной Армении, Франции, Америки прибыли добровольцы, чтоб вместе с египетскими присоединиться к Французскому легиону и освободить Киликию. Нждэ не знал, где находится Киликия, но помнил своего учителя, господина Паргева Партевяна, который не полных двадцати лет уехал в Соединенные Штаты, учился в Йеле и Гарварде, а окончив, вернулся в Харберд и преподавал в колледже «Евфрат» химию, философию, социологию... Харбердцы вскоре, забыв его имя-фамилию, стали называть его Сократ Харберда. На уроках истории он, Сократ Харберда, рассказывал ученикам об армянском царстве на берегах Средиземного, о царе Левоне Львиносердом, воздвигшем нерушимые крепости, непробиваемые стены, вместе с крестоносцами спасшем от мусульманских грабителей мощи Христа... Говорил он не прямо, но давал детям понять: настанет день, и историческая справедливость восторжествует, победный стяг царя Левона вновь взойдется в Киликии.

По мнению Нждэ, этот день настал.

Он сбежал из приюта, нашел на строевой площадке главнокомандующего войсками тройственного союза генерала Эдмунда Алленби, всхлипывая, прильнул к нему. Тот удивился:

– Почему плачешь, малыш?

– Я тоже хочу освободить Киликию.

Алленби улыбнулся – глазами:

– Папа с мамой знают, что ты хочешь освободить Киликию?

Нждэ заплакал навзрыд:

– Нет у меня папы и мамы, один я, сирота.

Главнокомандующий растрогался:

– Ну, раз так, раз ты один, сирота и хочешь освободить Киликию, иди садись в мой броневик и смотри мне, не двигайся с места.

⁶ Нждэ – выдающийся армянский полководец, мыслитель, идеолог национально-освободительного движения армянского народа, отстоявший Сюник от посягательств младотурок.

Водитель-адъютант Алленби сел за руль и, увидев в зеркало сидевшего на заднем сиденье мальчика, спросил удивленно:

– Мой командир, кто это?

– Армянский Гаврош, – ответил Алленби.

– Куда он едет с нами?

– Едет освободить Киликию...

– *В бой, ребята, смело в бой...* – слышался над маршевым строем зычный голос гайдука-мусалерца⁷ Хачера Думаняна.

– *Клич раздался с эрзерумских гор армянских*, – эхом вторил ему другой мусалерец, гайдук Петрос Дмлакян.

Нждэ воодушевился, подался вперед:

– Господин, а оружие мне дадите?

Алленби повернулся к нему, строго сдвинул брови:

– Армянский Гаврош, ты представление о знаках воинского различия имеешь, полосы считывать умеешь? Я для тебя не господин, а высокопоставленный офицер, а ты – новобранец-легионер. Так что после этого ты мне не желания свои высказывай, а выполняй мои приказы – ни с места!

На подступах к Адане объявили привал. Еще раз строжайше наказав Нждэ не двигаться с места, Алленби вышел из автомобиля перед вступлением в город, чтоб перераспределить войско, уточнить обязанности подразделений.

Он был еще занят распоряжениями, когда задняя дверца автомобиля открылась, и легионер Гаспар Менак⁸ потянул Нждэ за руку:

– Слезай!

Гаспар Менак был из Бостона. Почему он поменял свою родовую фамилию и назвал себя Менак, не знал никто. С сыном полка, армянским Гаврошем, он успел познакомиться раньше, а

⁷ *Мусалер* – деревня в исторической Армении. Жители его не подчинились приказу османов покинуть родные дома и решили подняться на вершину горы Муса, организовать самооборону. Сорок дней они противостояли турецким вооруженным силам. Основанный на реальных событиях роман австрийского писателя Франца Верфеля «Сорок дней Муса-Дага» впервые был опубликован в 1933 г., издан на 34 языках.

⁸ *Менак* (арм.) – одинокий.

узнав, что его боевое имя Нждэ, обнял, поцеловал и не отпускал, пока не научил петь «На берегу Араза», а научив, распевал вместе с ним:

Ура-а, ура-ура-ура!

Сабля храброго Нждэ, сверкай!

– Слезай скорее! – повторил Гаспар Менак.

– Но зачем? – испугался мальчик. – Сэр Алленби приказал мне не двигаться с места.

– Киликия родина армян, а не Алленби.

Победа при Арара, по сути, обеспечила победу и в Адане: турецкие командиры, дабы вновь не потерпеть сокрушительного поражения, отодвинули войско в окрестные лесистые горы, избрав тактику партизанской войны...

Снимок сохранил исторический момент. Армянские легионеры вступают в столицу Киликии под победную песню «Бамб воротан»⁹. Во главе марша шествует воевода гайдуков Есаи Ягубян, за ним следуют мусалерцы Акоб Искандарян, Мовсес Тер-Галстян, Хачер Думанян, Петрос Дмлакян. Над ними высоко развевается армянский триколор и флаг царя Левона Львиносердного. За флагами, на военных медицинских носилках стоит армянский Гаврош, над его головой – плакат «Да здравствует армянская Киликия!» на армянском, французском и английском, написанный и разрисованный Гаспаром Менаком... Семь сотен лет средиземноморская Армения не видела воина-армянина, пусть даже во французской форме. Высыпавшие на улицы жители Аданы преклоняли в молитве колени, ликовали, плакали.

– Добро пожаловать, родные вы наши!

– Поздно вы пришли, но зато с победой!

Одетые в белое студентки гимназии Абгарян бросали под ноги солдат полевые цветы, дарили цветочные гирлянды. Вся площадь в один голос пела:

Увидеть мечтаю Киликию мою...

⁹ «Бамб воротан» (*Грозный рокот*) – песня Барсега Каначяна на слова Гевонда Алишана, воспекает непреодолимую стихию природы и волю армянского народа.

Победное шествие военных давно закончилось, но народное ликование продолжалось: люди стекались на главную площадь, стоял разноголосый гвалт, тут и там слышались звуки народных инструментов. К армянам присоединились греки, ассирийцы, сирийцы, халкедоняне и даже – нефанатичные турки.

Полковник Бремон, назначенный французскими властями генеральным правителем региона, в своем первом выступлении заявил:

– Армяне, эта страна принадлежит вам. Я продолжу исполнять свои обязанности до той поры, когда вы сами сможете осуществлять руководство своим суверенным государством. А затем я с вами по-дружески распрощаюсь и вернусь к себе домой...

Людское море на площади притихло, не сводя глаз с окон администрации губернатора. Там, за сдвинутыми занавесками, под председательством известного общественно-политического деятеля, писателя и педагога Миграна Дамадяна формировался новый кабинет. И вот, наконец, на балкон вышел Дамадян, единогласно избранный главой кабинета, чтобы поименно назвать собравшемуся народу имена членов правительства армянского государства Киликия. В состав его входили представители всех проживавших в стране народов и народностей. Каждое прозвучавшее имя площадь приветствовала возгласами одобрения и бурными аплодисментами. Откуда было знать Дамадяну, что, пока он на окраине Османской империи провозглашал создание Киликийского Армянского государства, в столице, в Стамбуле, высокопоставленные должностные лица вели тайные переговоры и уже ставили подпись под соглашением об уступке Киликии османам...

Полковник Бремон заперся в своем кабинете, но периодически входившие к нему помощники держали его в курсе того, что происходило на главной площади Аданы.

Один из них вбежал и, запыхавшись, доложил:

– Все кончилось, мой полковник!

– Что кончилось?

– Армяне провозгласили Киликию независимым национальным государством, избрали правительство, члены заняли свои места в резиденции губернатора.

Бремон побагровел.

– Как? Кто позволил?..

Тот молчал.

– Кто позволил? – разъяренно повторил Бремон и велел отряду личной охраны немедленно отправиться в резиденцию и разогнать избранное правительство.

– Ты посмотри, что этим армянам в голову взбрело!

Вскоре охрана вернулась.

– Не подчинились, мой командир, – доложил старший охранник, – глава кабинета заявил, что они избраны народом, и только народ может отстранить их от должности.

Бремон изменился в лице:

– За мной, шашки наголо!

Впереди охранного отряда он ворвался в кабинет, дернул Дамаяна, как неотесанный солдафон, за рукав, вывел из кабинета и столкнул с лестницы. Вспомнил ли он в тот момент свое первое выступление, свое обещание, данное в день назначения генеральным правителем Киликии: «Армяне, эта страна принадлежит вам. Я продолжу исполнять свои обязанности до той поры, когда вы сами сможете осуществлять руководство своим суверенным государством. А затем я с вами по-дружески распрощаюсь и вернусь к себе домой»?

Остальных министров солдаты охраны прикладами погнали из кабинета вон...

Когда вереница французских автомобилей покинула Адану и скрылась в дымке, Гаспар Менак, положив одну руку на плечо армянского Гавроша, сжатой в кулак другой погрозил в ту сторону:

– Э-эй, Франция, чью это землю и кому отдаешь ты?..

Армянский Гаврош молчал, напрягши слух.

Франция не отзывалась.

Как и весь мир.

ГУРГЕН БАРЕНЦ

Поэт, прозаик, переводчик, журналист, литературовед. Кандидат филологических наук. Член Международной академии литературы и искусства. Постоянный автор журналов «Литературная Армения», «Камертон» (Москва), «Новое время» (Рига), «Знаки» (Варна), «Иностранная литература» (Москва). Лауреат многих международных премий.

СТАЛО МЕНЬШЕ КРАСИВЫХ ЛЮДЕЙ...

Я – жилетка.
Когда кому-нибудь очень плохо,
И ему непременно нужно
Кому-то поплакаться,
Рассказать о бедах и невзгодах,
Обрушившихся на его
Бедную, разнесчастную голову,
Он каким-то непостижимым образом
Выходит на меня
И с места в карьер начинает
Жаловаться на судьбу.
При этом он ни секунды не сомневается,
Что мое сердце – мягкое, как губка,

Что от него не убудет,
Если оно впитает в себя
Печальную повесть
О его злключениях.

Когда мне бывает очень плохо,
Когда моя душа
Нуждается в терапии,
То вокруг – по закону подлости –
Не оказывается ни одной
Сколько-нибудь родственной души,
И я начинаю беседовать
С деревьями, скамейками и ветром,
Да еще со своею тетрадкой,
И они меня слушают молча,
Внимательно и терпеливо,
А главное – не было случая,
Чтобы кто-то из них вдруг надумал
Перебивать меня.

Чтобы наглядно и доступно
Объяснить людям,
Что вера способна
Вывести их души
Из кромешного мрака,
Иисус Христос
В присутствии фарисеев
Подшел к слепому от рождения,
Помазал ему глаза
Брением из глины
И исцелил его.
Слепой прозрел.
Фарисеи остались незрячими.

Думаю, не попаду пальцем в небо,
Если скажу,
Что такого самоуверенного
И самонадеянного человечка,
Как мой младшенький внучек,
Двухлетний Арег,
Свет не видывал.

Стоит мне расставить
Шахматные фигуры,
Чтобы сыграть с другом, –
Кандидатом в мастера, между прочим, –
Как Арег подбегает
И начинает доказывать нам,
Что фигурам лучше подходит
Лежачее положение.

Стоит мне сесть за пианино,
Как он тут как тут.
Отталкивает меня,
Садится за стул
И показывает,
Что не следует церемониться
Ни с белыми, ни с черными
Клавишами.

И так во всем.
И можете не сомневаться,
Что он точно так же
Отбирал бы скрипку у Паганини,
Теннисную ракетку – у Агасси,
Гитару – у Джимми Хендрикса,
Краски и кисти – у Айвазовского.

Не спорьте, пожалуйста:
Второго такого

Самовлюбленного и самонадеянного
Человечка
Не видывал белый свет.

Любой актер –
При этом вовсе не обязательно,
Чтобы он был большим и известным –
Умеет перевоплощаться.
Он создает сценические образы
Не только честных и порядочных людей,
Но и убийц, подлецов и мерзавцев,
Причем делает это
Настолько убедительно и достоверно,
Что ты готов поспорить
С кем угодно и на что угодно,
Что он и по жизни мерзавец.

Я никогда, ни за что бы не смог
Стать актером –
Даже самым что ни на есть
Захудалым и незаметным.
Если бы мне досталась
Роль отпетого негодяя,
Я бы сыграл ее так,
Что сам бы себе не поверил.

Мне что ни ночь, то перезвон времен.
Брожу в веках, летаю с птичьей стаей.
Так хочется проваливаться в сон,
А я в него на цыпочках вступаю.

ДЕВЯТЫЙ ВАЛ

Лишенья, горе безысходное –
Страною правит маргинал.
Когда ж ты, ярость всенародная,
Поднимешь свой девятый вал!

С экранов он толкает здравицы.
Потери, беды, в горле – ком.
Нам прежде нужно бы расправиться
С проклятым внутренним врагом.

Сплоченность – вот наш круг спасательный.
Ведь внешний враг – у самых стен.
Пока все сходит с рук предателям,
Мы не поднимемся с колен.

Никто мы и ничто без прошлого.
История – наш оберег.
Манкурт похож на дом заброшенный.
Мы помним Ноя и ковчег.

Куда ведешь нас, мразь безродная!
Ведь пропасть впереди, провал.
Проснись же, ярость всенародная,
Ну где он, твой девятый вал!

Когда-нибудь терпенье мира лопнет,
И он лжецов лжецами назовет.
И пришлый наш сосед, матерый гопник,
Все, что украл, сторицею вернет.

Когда-нибудь мир ужаснётся снова
Чудовищным злодеяниям вековым.

Ответит злу делами, а не словом,
Решительным решением волевым.

Когда-нибудь, пусть очень запоздало,
Мир образумится, услышит голос наш.
И с истиной, больною и усталой,
Судьба страны пойдет в крутой вираж.

Когда-нибудь мир перестанет мерить
Одним аршином жертву с палачом.
Придет конец эпохе лицемерья,
Зло наконец узнает что почем.

Когда-нибудь мы вновь расправим плечи,
Надменный враг уймется наконец.
Умерит пыл воинственная нечисть;
Кто к нам придет с мечом, тот не жилец.

Когда-нибудь терпенье мира лопнет,
И истина восторжествует вновь.
И мы вернем свою жизнеспособность:
Она для нас — основа всех основ.

Стало меньше красивых людей,
На чьих лицах наш взгляд отдыхает.
Словно бабочки, годы порхают
Над судьбою, над жизнью моей.

Стало меньше красивых людей.
Мне без них неуютно и плохо.
Всюду ряженные скоморохи
В бигудях или без бигудей.

Стало меньше красивых людей.
Я встречаю их реже и реже.

Жизнь устало бежит по манежу,
Просит новых идей и затей.

Или, может, все дело во мне? –
Стал с годами большим привередой.
Сердце тешится сладостным бредом,
Хоть пора ему стать поскромней.

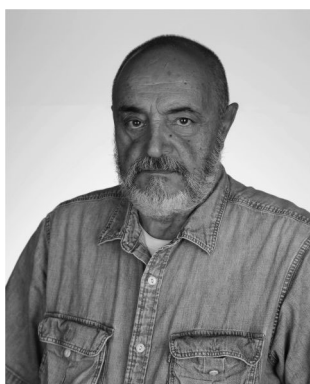
Стало меньше красивых людей,
В наших душах убавилось света.
Слишком поздно мы поняли это,
Обуздав вольнодумье страстей.

Без красивых людей этот мир
Был бы блеклым, бесцветным и пресным.
Он бы был из другого замеса,
Старый мир, истонченный до дыр.

Стою, смотрю на уходящий поезд.
Я опоздал. Фатально опоздал.
Осталась недописанною повесть,
Осталась недочитанною даль.

Стучится в сердце поезд уходящий.
Его вот-вот проглотит небосклон.
Жизнь на закате стала вдвое слаще,
К чему он, этот тихий перезвон?..

ЭДУАРД ХАЛД

Эдуард Халд (Асоян) родился в 1952 г. в Ереване. Окончил Ереванский театральный институт. Учился в Академии нетрадиционных наук (парапсихология и эзотеризм). Работал в студиях «Мосфильм» и «Арменфильм» в качестве режиссера. Основал и руководил продюсерскими центрами «Арминтерфильм» (Ереван) и «Халдатар» (Москва). Публикуется с 1987 г. Живет в США.

УБИЙЦА ЧЕРЕПАХ

Жизнь аутсайдера

Перевела Жанна Шахназарян

– Я просыпаюсь от того, что кто-то странным голосом кричит, – опустошая остатки содержимого бутылки, сказал мужчина. – И знаешь, кто кричит? Я. Да, я сам. А знаешь, что я кричу? Кричу свое имя. Зову самого себя: «Андреас!.. Андреас!..» Кричу так, словно потерял Андреаса. Ты, наверно, ничего не слышишь, потому что я кричу во сне.

– Слышу, – сказала женщина.

– Слышишь? – удивился Андреас, перекатывая в руке пустую бутылку. – Странно.

Утром, стоя на берегу озера, он считал летающих чаек. Счета не вел. Просто считал: одна, две, три... Одна, две, три... Потом начал размахивать зажатой в руке палкой, просто так – наверно, чтобы чем-то быть занятым.

Размахивал и кричал, не понимая почему.

Ветер, видимо знавший эту тайну, тихо свистел. Над ветром, как и над его жизнью, властвуют неизвестные, безликие, всеильные и могущественные силы.

– Летите сюда! Летите сюда! – кричал он, не понимая почему.

Чайки продолжали парить над озером.

Временами, устав от чаек, мужчина наблюдал за плавающей женщиной.

Все женщины мира похожи друг на друга, думал он. Разнятся лишь именем. По-видимому, это удел всех женщин – отличаться друг от друга только именем.

На свете существует лишь одна женщина, она таится во множестве тел – красивых и некрасивых. Может быть, так более безопасно? Неуязвимо? Может быть, это ему так кажется?

Возможно, такого же мнения придерживаются и женщины относительно мужчин.

Как бы то ни было, мнения – мнениями, жизнь – жизнью.

– Летите сюда! Летите сюда! – кричал мужчина, стоя на берегу озера. Чайки продолжали парить над его головой.

Временами он поглядывал на плавающую женщину.

– Наверно, я тебя люблю, – иногда говорила эта женщина.

Кого утешала? – непонятно.

Возможно, сама себя.

Возможно, Андреаса.

Как бы то ни было, утешение – утешением, жизнь – жизнью.

Женщина появлялась по субботам и воскресеньям, в одно и то же время, в одной и той же машине, в одном и том же настрое-

нии, с теми же неразрешенными вопросами, с теми же ожиданиями и надеждами. Возвращалась в понедельник утром в один и тот же час, в одной и той же машине, в одном и том же настроении, с теми же нерешенными вопросами, с теми же ожиданиями и надеждами и с той же угрозой:

– Не надейся, что я когда-нибудь вернусь! Так продолжаться не может. Сожалею, но... Словом, жизнь покажет.

Жизнь, конечно, показывала.

– Возможно, я тебя люблю, – говорила она спустя неделю, передавая Андреасу чемоданы. – Странно...

Кого утешала? – непонятно.

– Просыпаюсь от исходящего от меня шума: любой звук, шепот, вздох кажутся криком, громовым раскатом – на деле же, это шум блуждающей по моим венам крови. Просыпаюсь и в ужасе смотрю по сторонам... а шум не умолкает... Когда опустела эта бутылка?.. Ты, наверно, ничего не слышишь, потому что все это происходит во сне.

– Слышу, – сказала женщина.

– Слышишь? – удивился мужчина, перекачивая в руке пустую бутылку. – Странно...

Лежа на берегу озера, мужчина наблюдал за летящей чайкой. Иногда казалось, птица вот-вот врежется в песок, если не успеет вовремя раскрыть крылья. Он даже чувствовал тревогу. На деле же птица собиралась с силами для нового полета. Оказывается, стремительный взлет хотя и опасный, но единственный способ взлететь еще выше.

Утром, когда на душе его вновь тяжело осела пыль, показалось, что он получил право на все, и еще показалось, что он утратил все свои права.

По сути, очень многое в нашей жизни – тончайшие формы страданий, измышленных людьми или Богом. Как бы то ни было,

перед ним была жизнь с ее нескончаемыми неопределенностями. К примеру, этот чокнутый старик, с которым он идет по пустынному берегу озера – непонятно куда, непонятно зачем. Было приятно, поскольку он знать не знал, кто этот старик.

Нравилась неопределенность их отношений.

Он предпочел бы не знать ни прошлого, ни настоящего этого старика, чтобы его жизнь вообще и в дальнейшем оставалась в неизвестности. Все равно, когда закончится это унылое лето и дни износятся в складках памяти, он не вспомнит ни их и ни людей, появившихся в эти дни в его жизни.

Бессмысленно оглядываться назад, как велик и приятен бы ни был соблазн самообмана.

– Сказать, что я стал безразличен к миру, было бы неверно, ибо скорее ненавижу все то, что творится в мире. А в мире, мой незнакомый друг, творится величайшая несправедливость, поверьте. Не подумайте, что эта позорная несправедливость исходит от людей или что я возмущен людской несправедливостью, – нет-нет, мой друг, нет, я говорю об иной несправедливости. О несправедливости, которая идет от Него. Вы понимаете, кого я имею в виду? Да-да, вы верно догадались... Не выпьете?... Я сделаю только глоток.

Давно минула пора захода солнца, но солнце почему-то не торопилось.

Они уже довольно далеко ушли от гостиницы. Приближались к берегу озера, оставалось лишь спуститься по увязшим в песке лестницам и обойти кустарники.

– Немного осталось, скоро дойдем, – сказал старик, – Смеркается. Это хорошо. Они выползают, как только опускается темень. Вы это увидите. Они выползают и бросаются в озеро. Долго остаются в водах. Что делают там – не знаю. Остаются до самого утра... Сегодня было утро? Хотя это несущественно. Не люблю залитые лучами солнца зори. Ненавижу! Эти красивые цвета несут нам смерть... Вы не согласны? Нет?... Странно. Очень

тягостное ощущение, когда, проснувшись поутру, слышишь нелепое чириканье птиц, видишь посверкивающие солнечные лучи и понимаешь, что потерял еще один из отпущенных тебе дней. Потерял безвозвратно, бессмысленно. Кто бы что ни говорил, но каждый рассвет еще на день приближает нас к смерти... Вы романтик? Нет?... Зря! Я человек романтичный. В домах, развалины которых перед нами, когда-то жили люди, любя и ненавидя друг друга. Теперь, как видите, поселка нет. Не знаю, что погубило его – любовь или ненависть... Люди, как и миры, разобщены. Да. Разобщены. Жизнь, незнакомый мой друг, нечто бессмысленное и переменчивое. И долгое, порою очень долгое. Но в то же время и короткое. Странно, но это так. Вы наверняка еще ощущаете жажду жизни. Так ведь?

– Да, – сказал Андреас и почувствовал, что утратил всякий интерес к жизни.

– Ничего, не отчаивайтесь, это пройдет. Жизнь наша ничего не стоит. Грош цена и смерти нашей. Это становится понятно со временем, как со временем становится понятна и совершенная по отношению к нам несправедливость... Знаете, было время, когда я, глупец, был уверен, что справедливо все то, что считают правильным благочестивые, образованные и богобоязненные люди. Бред – только и всего! Я пожертвовал тем, чем ни в коем случае не должен был жертвовать. Пожертвовал самим собой. Очень скоро я понял, что совершил большую ошибку. Что не имел на это права. Было бы хорошо, если бы я никогда не понял этого. Да, было бы хорошо для всех. Особенно для окружавших меня людей... Пойдем в эту сторону.

– Каждый вечер, возвращаясь домой, я думал и знал о том, что из жизни моей ушел еще один день, который ничего не принес мне, кроме усталости, истощения и нескольких жалких монет, необходимых для того, чтобы я смог вновь проснуться утром и пойти на работу. Очень скоро я оказался в тупике. На вершине этого тупика я зажег светильник – не для того, чтобы ввести других в

соблазн, а чтобы предупредить об опасности. Тщетные и бессмысленные потуги!.. Люди не замечают друг друга, не слышат, не доверяют друг другу. Каждый занят собой. Только самим собой... Присядем здесь, передохнем немного, – предложил старик, усаживаясь на один из пней. – Годы назад я любил бывать в многолюдных местах, однако очень скоро осознал бессмысленность всех этих сборищ: каждый, по сути, хотел слышать лишь собственный голос и навязать другому свое собственное абсурдное мнение. Теперь я настолько углубился в себя, что общаться уже ни с кем не желаю. С годами я обрел одно прекрасное качество: в нужный момент становлюсь глух и нем. Очень помогает, поверьте. Советую научиться. Самое ужасное то, что люди требуют общаться с ними, хотя никакой потребности в этом не испытывают. Требуют и не прощают тех, кто пытается избежать этого. Странное обстоятельство, которое никак объяснить не могу. Людям почему-то кажется, что они вправе и даже обязаны влезать в душу первого попавшегося человека и осквернить ее. Кто убедил их в этом – в толк не возьму. Как-то годы назад группа людей, которым казалось, что мы друзья, попытались заставить меня рассказывать, как много утрат и страданий претерпел я в жизни. Я очень быстро понял, что будет большой ошибкой, если поддамся на их уговоры. Сопротивлялся до последнего. После этого случая постоянно слышу, как они всюду осуждают меня, – слышу и удивляюсь. Всего лишь удивляюсь... Теперь я вынужден бродить по самым темным улицам, как ветер или как заблудшая в незнакомом городе собака. К такой жизни я привык довольно быстро. Я вообще довольно быстро ориентируюсь, и это, не скрою, нравится мне – наверно, это единственное, что я ценю в себе. Остальное – это наивность, бессмысленные страдания... Приближаемся. Нужно постараться подойти как можно бесшумно – эти твари очень осторожны. Вот с этой стороны... Потом началась весьма странная жизнь, в которой главенствующее место занимали импортные сигареты и местные проститутки. Меня всюду хаяли, а на самом деле – завидовали мне, особенно благочестивые женщины и мужчины. Трудно представить более распущенных людей,

чем эти самые благочестивые дамы и господа... Очень скоро вокруг моего имени сложилась весьма красивая и привлекательная легенда, и сегодня уже никто не задумывается о том, насколько эта легенда соответствует реальности... Подождем немного... Я был потрясен этой трогательной легендой, но ничего сделать не мог: никому ведь не хочется раскрывать свою душу. Все вынуждены заботливо оберегать ее... Пошли, мы, кажется, стоим не на том месте.

– Вы любите животных? Нет? Слава богу. Чрезмерная любовь к животным отчего-то порождает ненависть к человеку. Правда, мы все враги и сближаемся лишь тогда, когда не хватает сил задать кому-то трепку или погубить кого-то, но все равно, я не выношу людей, любящих животных. Все эти люди – скрытые деспоты, тираны и замаскированные эгоисты. Вам не кажется подозрительным, что основная масса людей, держащих кошек и канареек, это состарившиеся проститутки и лишившиеся должности служащие? Нет? Вы мне определенно нравитесь, и знаете почему? Нет? Хотя бы за то, что в вашем присутствии я ощущаю себя еще более одиноким. Люди, подобные вам, сегодня редко встречаются... Устали? Наверно, я надоел вам, но поверьте, беседовать с вами – редчайшее удовольствие: такое ощущение, будто беседуешь сам с собой, но в то же время ты не одинок... Опять повисли звезды. Порою кажется, они вот-вот попадают мне на голову. У вас не бывает такого ощущения?.. Аа, понятно, вы из породы любителей природы – наверно, участвуете в маршах и митингах в защиту природы, пишете речи. Нет? Я рад. Вы мне внушаете надежду. Число защитников природы все растет и растет, представляете? Эти простаки не понимают, что самый большой наш враг – природа, шар земной. Эта жалкая планета даже приличной округлости не имеет. Так вот, знайте, новоявленный мой друг, что шар этот размножает нас, чтобы удобрять себя. Не будьте наивным. А эти восторженные любители природы и понятия не имеют о том, что в защите и заботе нуждается не природа, а мы

сами. Годы назад я вступил в спор с одним из фанатичных натуралистов, дело чуть ли не до драки дошло, хорошо, начался дождь, и мы вынуждены были прервать перепалку. Очень сильный дождь. Натуралист этот готов был разорвать меня на куски из-за какого-то сорняка, который, вместо того чтобы засохнуть в ноябре, листья начал ронять уже с октября, потому что влажность в районе, в котором он соблаговолил расти, была ниже нормы. Слепое упрямство травы! – ничего более. Если высыхает раньше времени, стало быть, так нужно этой позорной планете. Что тут непонятного? Так надо, и все!

– Я не надоел вам? Нет? У вас завидное терпение, мне бы давно надоело. Обладай этот придурковатый натуралист хотя бы половиной вашего терпения, я сумел бы все подробно втолковать ему. Но он ничего не хотел слышать, говорил готовыми, заученными формулами – впечатление было, будто читает реферат. Меня приводят в ужас люди, пишущие рефераты, и, особенно, читающие их. Они вызывают у меня скорее чувство брезгливости, нежели ненависти. Вы не пишете рефератов? Нет? Великолепно, я начинаю все больше вас уважать... Выпьем еще по глотку... Так вот, я пытаюсь объяснить этому дурню, что эта так называемая «природа», от которой некоторые в восторге, эксплуатирует нас как слуг, использует настолько тонко и хитро, что нам кажется, будто все, что мы делаем, делаем для обеспечения собственных нужд. Но на деле, друг мой, все не так, все с точностью наоборот. Просто все настолько коварно задумано и организовано, чтобы мы зависели от природы. Чтобы не загнуться от голода, мы, разумеется, строим каналы и водохранилища, орошаем поля и пустыни, а на деле всем этим пользуется природа. Выясняется, что ей необходимо было поровну распределить влажность по всей своей поверхности, и, чтобы добиться этого, она нагло использует нас – наши мучения, наши лишения, нашу жизнь... А когда ей бывает нужно избавиться от грязи и мусора, она тотчас зарождает в наших наивных головах идею рыть глубокие рудники и использо-

вать весь этот мусор. Яркий пример тому – каменный уголь. Примеров предостаточно...

– Мне вроде слышались голоса. Опаздывают – видимо, почувствовали что-то... Вы успеваете следить за течением моей мысли? Да? Благодарю вас, видно, на этот раз мне повезло. Иногда случается и такое, что человеку везет, но для этого надо прожить очень долгую жизнь. Так или иначе, нужно запастись терпением, иного выхода нет. Терпеть до наступления твоего часа. Мой час, кажется, приближается... Я слышу, как они, скребясь друг о друга, выползают из своих тайников... Идут, царапая и обдирая друг друга... Ненавижу!.. Вам не кажется странной моя ненависть? Нет? Уже нет? Конечно, когда человек начинает понимать, что к чему, не испытывать ненависти уже он не может... А этот натуралист ни в какую не давал мне объяснить... Много среди нас безумцев... Дошли. Сядем вот здесь и подождем. Долго ждать не придется – они вот-вот объявятся... Большое счастье встретить такого человека, как вы... Никаких позывов природы я больше не ощущаю, лишь временами что-то начинает меня терзать... Знали бы вы, как я ненавижу все это! – озеро это с туманными берегами, деревья, склоненные над водами, луну, преломляющуюся в озерных водах, зловещий блеск звезд... И знаете почему? Хотя откуда вам знать, если я сам догадался совсем недавно. Ненавижу, ибо старею у них на глазах... Я догадался, что если меня настигнет смерть, то я умру навечно и дни мои навсегда будут бескрайними, – вот когда мы становимся вечными. Слезы, скорбь и тоска всего мира ничем не сумеют помочь человеку, тихо и молча лежащему под сырой землей. Этот бедный труп ничего не видит, кроме пожирающих его разномастных червей, и ничего не чувствует, кроме собственного тления и превращения в прах... Сделаем еще по глотку... Но вы не отчаивайтесь, никогда не грустите из-за этого. Никогда! Обещаете? Благодарю. Вовек не забуду вашей доброты... Выпьем еще по глотку. Всего капельку... И не плачьте – негоже это. Со мной иногда случается та-

кое... Все равно, Он не захочет выслушать вас, пока еще не настал день вашей скорби... Ваше здоровье!.. Он не любит слушать жалобы и мольбы, а в этой жизни все зависит от Него, от сатаны и, в какой-то мере, от нас. Я давно простил людей, ведь они не осознают своих поступков и дел, ведь они не ведают, что творят. Давно простил людей. Мир задуман так, что тот, кто попытается спасти свою душу, непременно потеряет ее, и вины людей в этом нет, хотя в какой-то мере они причастны к этому. Знаете, я уже давно не спорю с пророками, просто не следую им. Это единственный способ их победить... Вам нечего мне сказать? Нет? Прекрасно, значит, и вы давно не вступаете в споры. Похвально. Вы мне внушаете надежду... Видно, близится мой час. Выпьем. Выпьем и будем ждать. Подождем, они вот-вот объявятся.

- Поплавать не хотите? – спросил Андреас.
- Вы это серьезно? – удивился старик.
- А почему нет? Удобный повод: звездное небо, туманные воды...
- Подобные вещи еще имеют для вас значение? – всерьез опечалился старик.
- В какой-то мере, – сказал Андреас.
- Жаль! Вы испортили впечатление, сложившееся у меня о вас... Как бы то ни было, ваше здоровье... Какое же обманчивое явление человеческое существо!..

Сначала он снял туфли и носки. Затем, сделав несколько шагов, снял рубашку, положил ее на лежащие поблизости камни и направился к озеру. Он ощутил холод и влажность песка и как намокли ноги. Остановился возле разбитой лодки, скинул с себя оставшуюся одежду, бросил на лодку и вошел в озеро.

Вода была на удивление теплая. Он плыл, удаляясь от берега до тех пор, пока все вокруг не исчезло в тумане. Ничего не было видно, даже самих вод, в которых он плыл. Время от времени, когда в каких-то местах туман редел, становясь прозрачным, чуть

виднелись звезды, но где они находились – над головой или внизу – было непонятно. Весь мир вокруг слился в сплошном тумане, и в центре всего этого был он, один-одинешенек и без понятия о том, куда он плывет и зачем... Это состояние было очень похоже на прожитую им жизнь – видимо, оттого он и плыл беззаботно, не отдавая себе отчета, куда и зачем...

– Что случилось с тобой? – услышал Андреас чей-то шепот. – Что случилось с тобой? – вновь спросил тот же голос.

– Отчего я так изменился? – спросил Андреас, не удивляясь тому, что голос исходил из белого тумана. Более того, он ощутил желание прильнуть к этому мглистому голосу, к звукам этого голоса, которые доходили до него от поблескивающих и преломляющихся в водах звезд...

– Почему все вдруг стало бессмысленным и печальным? почему я больше не могу радоваться? почему я стал таким? почему стал таким мой мир, в котором я еще должен жить?

– ... должен жить... жить...

– Я хотел бы быть умершим, умершим до последнего дня моей жизни...

Он продолжал плыть в туманных водах к смутно просачивающимся лучам света. Казалось, что последний луч его угасающей жизни вперился ему в усталые глаза.

Он плыл к этому лучу... последнему лучу.

Недолгое время спустя, когда лицо его прильнуло к этому странному световому лучу, «добрался, добрался наконец...» прошептал Андреас. Какое-то умиротворение сошло на него, которого он не знал, которого никогда не ощущал... В глубине души и в недоступных тайниках сознания зарождалось незнакомое чувство, однако чувство это, скованное какими-то путами, никак не поддавалось объяснению – не постигалось разумом, не обретало доступного вида и формы, чтобы разъяснить Андреасу смысл момента. Андреас смутно ощущал, что в еще звучащих голосах таился очень важный смысл, что они что-то подсказывают ему, но что – уловить никак не мог...

– Э-ге-гей!.. Что случилось с тобой?.. Что случилось с тобой?..

Когда он вышел из озера, увидел старика, стоящего около костра, и услышал его хриплый голос:

– Э-ге-ге-гей! Что случилось с тобой? Что случилось с тобой? Куда ты пропал?.. – размахивая над головой горящей веткой, кричал во все горло старик.

– Успокойтесь, успокойтесь, – направляясь с костру, прошептал Андреас, но так как старик продолжал кричать, повысил голос: – Здесь я, иду, иду...

– Ты... ты мерзавец! – заметив приближающегося Андреаса, выкрикнул старик.

– Ладно, ладно, кончайте. Это вам не к лицу.

– Ты мерзавец, вот ты кто! – не в силах совладать с собой, прокричал старик, встав лицом к лицу с Андреасом. – Самый низкий из встречавшихся мне мерзавцев! Если ты надумал покончить с собой, прошу без меня! Ты трус – вот ты кто! Мерзавец и трус! Плевать я хотел на таких, как ты!

– Я тоже, – сказал Андреас.

– Со временем понимаешь, с кем имеешь дело. Я это еще в баре понял. С чужой женой путешествуют только трусы и мерзавцы.

– А со своей?

– Более позорной вещи, чем путешествовать с собственной женой, трудно представить. Абсурд – и больше ничего! Но ты все равно трус и мерзавец!

– Да, я трус и мерзавец.

– Но завуалированный, Наверное, так и прожил всю жизнь завуалированным трусом и мерзавцем. Великий грех даже жалеть тебя!

– Верно. Великий грех жалеть такого, как я... На самом деле я еще хуже, чем обыкновенный трус и мерзавец... Поскольку годы напролет боялся незримых и невидимых богов, их высокомерных и бессильных пророков, лживых и пустых пророчеств этих пророков... Хуже, чем обыкновенный трус и мерзавец, ибо годы на-

пролет прятался от самого себя и боялся себя. Вернее, не боялся, а гнушался собой. Гнушался, ибо всегда считал себя мерзавцем, если, чувствуя безбожность богов, сознавая шутовство пророков, видя людское коварство и малодушие, невежество и высокомерие, тщеславие и зависть, ничего не предпринимал, ничего не делал – не бунтовал, не боролся, не карал. Молчал, лгал своим молчанием. Обманывал молчанием. Бога, пророков, людей, себя.

– Ага! – неожиданно вскрикнул старик. – Ага! Наконец! Появились! Дай-ка мне вон ту палку! Не эту, другую, Появились, наконец! Сегодня слишком припозднились. Думали провести меня?! Провести меня невозможно! Даже тебе не удалось. А ты обвел вокруг пальца целый космос!.. Эти безмозглые твари не понимают, что пытаться провести такого, как я, дело гиблое. Сейчас, мой подлый и лживый друг, мы им покажем, каковы природа и сущность справедливости в мире. Возьми вон тот камень и следуй за мной! Ты чего стоишь как вкопанный? Удобный повод одолеть подлость и трусость. Можешь оправдать сам себя... Хотя бы передо мной. Поторопись, не видишь, что они хотят улизнуть? Они тоже, как ты, скрытной жизнью живут.

– Разве это не черепахи?

– Черепахи, а кто же?! Ты когда-нибудь убивал черепах? Нет? Значит, ты не только мерзавец и трус, но еще и человек, не ведающий о несправедливости мира. Тебя не интересует правда и ложь этого мира, его справедливость и несправедливость? Интересует? Удивительно! И странно. В таком случае непонятно, почему до сегодняшнего дня ты не убил ни одной черепахи. Хотя ты же трус! Забыл об этом. И уж наверняка никогда не поднимал руки на человека.

– Не поднимал.

– Меня возмущает твое равнодушие к людям!

– Меня тоже.

– Иногда, мой подлый и трусливый друг, следует наказывать и людей. Просто вздуть без задней мысли. Излишняя доброта порождает зло – хотя бы это заруби себе на носу! Ладно, мы попусту теряем время. Перейдем к делу. Времени осталось мало. Вооб-

ще, эта так называемая жизнь – штука короткая, бессмысленная и нелепая. Черепашья – особенно. Сейчас ты убедишься в этом...

Когда они вошли в гущу мчащихся этих существ, некоторые из них остановились, втянули в себя головы и ноги и замерли. Взрослые особи так вообще окаменели. А детеныши замерли на мгновение, потом, вытянув вверх бесформенные головки, толкаясь и мешая друг другу – не только от нетерпения и неопытности, а возможно, и от предчувствия близящейся смерти, – покачиваясь на тоненьких ножках, продолжили свой бег к озеру.

– Чего стал столбом?! – разозлился старик. – Торчит дурак дураком! Мочи их! Мочи, говорят тебе! Вот так! Вот так! Кромсай их! Вот так! Смотри, как это делается!

– Ты что это творишь?! – придя в себя от этой жуткой картины, всполошился Андреас. – С ума сошел?! Кончай! Кончай, тебе говорят!

Старик не слышал, концом палки переворачивал черепах и ударял что было сил. От его мощных ударов маленькие черепахи, сплюснившись, погружались в песок, взрослые – трескались, ломались, издавая при этом только им понятные звуки.

– Кончай, слышишь! Кому говорят, кончай! – хватая старика за руку, заорал Андреас.

– Убери руку, идиот! – размахивая в воздухе палкой, пригрозил старик. – Жалкий мерзавец, жалею, что взял с собой такого дурака!.. Отойди!.. Не убежите!.. Никому не удастся спастись от меня! Поглядите-ка на них, улизнуть хотят!.. Хватит нюхать воздух, на тебе, на! Понюхай немного и песок! Жизнь мне заели!.. А это тебе! Получил?!

Светало.

Давно настало время появиться солнцу, но солнца не было.

Оно почему-то не торопилось.

– На берегу озера человека убили, – сказала женщина. – Того чокнутого старика, помнишь его?.. Какой смысл убивать жалкого

старика? Жестокие, бессмысленные дни, жестокая, бессмысленная жизнь... Ты ничего не слышал?

– Нет. Не слышал, – сказал Андреас.

– Твое равнодушие поражает меня, – сказала женщина.

– Меня тоже, – сказал Андреас. – Тебе доводилось когда-нибудь убивать черепаху? – спросил Андреас, расставляя на столе стаканы и бутылку вина.

– Черепаху? – удивилась женщина.

– Да, черепаху.

– Нет, – равнодушно сказала женщина.

– Твое равнодушие поражает меня, – сказал Андреас.

– Меня тоже, – сказала женщина.

– Счастливый ты человек: не ведаешь о несправедливости мира, – сказал Андреас, опустошая очередной стакан. – Тебя не интересует правда и ложь этого мира.

– Счастливый, несмотря на некоторые несчастливые детали моей жизни.

– Это мелочи. Не бери в голову. За тебя, будь здорова!

Теперь, когда он вспоминал случившееся на берегу озера, все больше и больше убеждался, что старик не предпринял никакой попытки защититься. Просто встал и посмотрел ему в глаза.

Только и всего – стал напротив и посмотрел ему в глаза.

Теперь, когда он вспоминал случившееся на берегу озера, начинал понимать, что во взгляде старика, когда он готовился ударить его, было ожидание. И надежда, что Андреас найдет в себе силы ударить. И что благодаря этому удару, он, наконец, умиротворится, освободится от своей более бессмысленной и нелепой, чем черепашня, жизни. Спасется.

Теперь, когда перед ним снова и снова предстал старик и умиротворенным взглядом смотрел на него, становилось понятно, что он – этот полоумный старец, долго, очень долго ждал этого дня – дня, который положил бы конец многолетним его заблуждениям, спорам и страданиям.

В основном пил он.

Женщина больше говорила, нежели пила.

Говорила о жизни, которая ни в каком смысле не устраивала ее. Говорила о мире, который с годами обесцвечивался, мельчал, опошлялся. Говорила о погоде, которая, вопреки ее настроению и ожиданиям, уже неделю никак не могла образумиться.

Уверяла, что не выйдет замуж, ибо нет никого достойного и вряд ли уже появится, – если до сих пор не появился, значит, и не нужно.

Говорила, что очень любит детей, но против их появления на свет. Почему – не сочла нужным объяснить. Помолчав какое-то время, сказала: может, из-за большой любви, и перешла к другой теме. Вообще, сказала она, в этой жизни все возможно, кроме само собой разумеющихся вещей. В этом вопросе она, эта недозревшая женщина, возможно, была права.

Андреас продолжал пить. Пил, не прерывая женщину.

Женщина не нуждалась в его вмешательстве – видимо, собеседник ей не был нужен. И слушатель тоже.

Так было хорошо и удобно обоим.

Наверное, я тебя люблю, иногда прерывая себя, между словами говорила эта женщина.

Кого утешала – непонятно. По сути, и несущественно.

Наверное, я тебя тоже, осушая или наполняя очередной стакан, по ходу дела говорил Андреас.

Эти отношения были приемлемы для обоих, самое важное – ни к чему не обязывающие и неопределенные.

Неопределенность жизни давно стала формой существования – в этом заключалась их любовь, их страдания.

Теперь, когда стояла поздняя осень и от жарких летних дней и следа не осталось; когда прошли недели и месяцы после убийства старика; когда остались далеко позади допросы всех постояльцев гостиницы, в том числе и их, – в голове Андреаса продолжали

крутиться эпизоды того летнего дня, каждый раз обретая новые оттенки, новое начало, новый конец. Осмысляясь разными смыслами, разными мыслями, разными думами.

Сейчас, когда он стоял перед невзрачной могилой старика с фляжкой вина в кармане и с убитой на берегу озера черепахой в руке, в голове его проносились картины той летней ночи, а в ушах звучал хриплый голос старика:

– Если кто-нибудь тебе скажет, что ты трус и мерзавец, – не верь! Может быть, ты когда-то, в далеком прошлом, и был таковым, но не теперь. Ты больше никогда не будешь ни трусом, ни мерзавцем... Стоит выпить по глотку ...

Андреас отвинтил крышку фляжки и приблизил к окровавленным губам старика.

Старик опять потерял сознание, Потом, когда пришел в себя, сказал:

– Сделай и ты глоток. Не хочешь?

– Нет, – сказал Андреас.

– Наверно, брезгуешь из-за крови.

– Наверно.

– Это так. Человек брезгует кровью своей жертвы, сам это почувствовал, когда впервые убил черепаху. Черепаху брата.

– Может, мне пойти за врачом? – спросил Андреас.

– Врачом? Хочешь испортить все? Какой смысл спасать жизнь такому, как я, если эта так называемая «жизнь» для меня потеряла свой смысл?

– Но...

– «Но?» Какое еще «но»? То, что относилось ко мне и предстоявшей мне жизни, сегодня благодаря тебе просто нашло свой конец. Впервые я узнал о смерти еще ребенком, десятилетним подростком... долгое время жил, думая, что я бессмертен. Да, бессмертен – почему нет? В те далекие дни мне казалось, что если в жизни я не совершу ни одного преступления или греха, то причин лишать меня жизни не будет. Казалось, что никто не будет вправе оборвать мою жизнь. Так я думал до первой моей встречи со смертью. А когда она случилась, выяснилось, что ты умрешь

несмотря ни на что, как умер мой младший брат. Он не совершил ни единого греха... Не успел, потому что был еще ребенком. Именно в эти дни я узнал еще, что жизнь черепахи брата – этой глупой, похожей на камень твари, будет продолжаться. Будет продолжаться и тогда, когда не станет и меня. Это подлое существо будет жить, тащась в водах и лесах. Бессмысленная и долгая жизнь черепахи показалась мне в те дни несправедливостью. Показалась оскорбительной и жестокой. И я никак не мог постичь и объяснить самому себе смысл этой несправедливости. Не постигаю и теперь. Возможно, никогда не постигну... И в тот день, когда мы похоронили моего младшего брата, я решил: если смерти избежать я никак не могу, как не избежал ее мой младший брат, то пусть первой умрет черепаха. И на следующий день, когда я увидел в лесу черепаху моего брата, я камнями забил ее... После этого случая я долгие месяцы страдал от моего проступка. Страдал, несмотря на то что знал и был уверен, что поступил правильно... Я и сейчас страдаю... Исчезни, сгинь с моих глаз!.. Иди, иди, не то оклеветают тебя – будто ты человека убил. А я буду пить и ждать его – моего ангела смерти... Хочу посмотреть ему прямо в глаза и спросить: в чем был смысл прожитых мною дней?.. Странно, момент смерти сродни прожитой жизни... Кто бы мог подумать?!

Сегодня суббота или воскресенье, думал Андреас.

Суббота или воскресенье, и двух мнений быть не может. Не может, потому что в ванной купается женщина – та самая, которая появляется исключительно по субботним и воскресным дням.

Как быстро наступают субботние и воскресные дни! – думал Андреас, глядя в сторону женщины.

Женщина открывала постель, недовольно переворачивая подушки. Подушки, как всегда, были невыносимо большие или отвратительно маленькие. А занавеси либо вульгарно прозрачные, либо невозможно плотные. Словом, по мнению этой женщины, ни постель постелью не была, ни занавеси – занавесями. И вооб-

ще, все было не то, что должно было быть. Особенно жизнь. Чья – несущественно.

Хорошо и большое везение, что вечно недовольная эта женщина ничего не знает о старике, думал Андреас, глядя на то, как она раздевается и ложится в постель. В постель, не похожую на постель.

Хорошо и большое везение, что женщина эта не слышит и никогда не услышит хриплого голоса старика. Не узнает о прожитой им жизни и истории его смерти. Это их – Андреаса и полоумного старика, тайна. Их история. Их забота. Их боль.

– Пусть первой умрет черепаха! – закричал Андреас, расколов о стену стакан, который держал в руке. – Первой из жизни пусть уйдет черепаха! Пусть уйдет...

– Черепаха? Нет, – безмятежным и сведущим тоном сказала эта женщина. – Первой буду я. И не из жизни, а от тебя.

– Да, – сказал Андреас, – да, конечно. В основном так и бывает. Уходят, оставаясь в жизни. Вот обратного никогда не бывает.

– Не надейся, что я когда-нибудь вернусь. Так продолжаться не может. Сожалею, но...

– Он проснулся от какого-то странного голоса, – сказала женщина патологоанатому.

– Голоса? – заинтересовался следователь.

– Да. Скорее от крика.

– И что кричали? – открывая блокнот, спросил следователь.

– Андреас, Андреас, звал голос.

– Кто звал? – бросив на женщину пронизывающий взгляд, спросил полицейский.

– Он.

– Кто «он», женщина? – спросил следователь.

– Андреас, – сказала женщина и, не сумев сдержать слез, рыдалась. – Андреас, Андреас, Андреас, звал он, будто потерял Андреаса.

– Кто такой Андреас? – подойдя к патологоанатому, вполголоса спросил полицейский.

- Покойник, – закрывая лицо Андреаса, ответил врач.
– Покойник? – удивился полицейский. – Странно...
– Наверно, – сказал врач. – Можете забрать труп.
Андреас... Андреас... ах, Андреас...

СТРАНА АЛЬБИНОСОВ

Планета абсурда

Научное толкование альбинизма

Альбинизм (от латинского *albus* – белый) – генетическое отклонение, которое характеризуется отсутствием меланина (пигмента кожи, волос и радужной оболочки глаз). Встречается как у людей, так и у животных и растений и передается по наследству аутосомно-рецессивным образом, то есть человек, страдающий альбинизмом, получает мутантный ген от обоих родителей. В зависимости от количества меланина, волосы у альбиносов могут быть белыми, золотистыми или светло-каштановыми, глаза – синими, серыми или красноватыми. Альбинизм неизлечим.

На протяжении всей истории человечества альбиносы в разных культурах воспринимались существами как святыми, так и чародеями или проклятыми. Они часто появлялись в легендах, в мистических учениях и религиозных доктринах. В одном из африканских верований утверждается, что альбиносы умирают не как обычные люди, а исчезают, ибо они жители не земные. В китайских философских учениях альбиносов связывают с дуализмом инь-ян – энергией противоположностей. В некоторых даосских догматах их считают носителями особой энергии, которые обладают сверхъестественными силами. «Альбинос видит то, че-

го не видят другие» – гласит древнекитайская пословица. В одном из индийских верований отмечается: «Альбиносы – олицетворение божественного света».

В средневековой Европе альбиносов подозревали в колдовстве. Пронзительно-светлый цвет их кожи ассоциировался у европейцев со сверхъестественными явлениями, а красноватые глаза – с дьяволом и призраками.

Жили альбиносы обособленно, избегая контактов с обществом. Согласно английской пословице XIX века, «взгляд альбиносов – синтез света и тени». Движение «New Age» (Новый век) иногда представляет альбиносов как «звездных детей», на которых возложена особая духовная миссия. В их постулатах говорится: «Альбиносы – часть космических потоков, явившихся на Землю с особой миссией».

В некоторых эзотерических доктринах утверждается, что альбиносы обладают высочайшим энергетическим полем.

Вывод: альбиносы на протяжении всей истории человечества воспринимались носителями как святости, так и чародейства, ведовства или проклятия.

Эти сведения я почерпнул из одного старинного журнала, который больше не издается. В подходящих случаях я буду обращаться к ним в своих записках.

Я решил изложить историю нашего народа и страны, а также произошедших в ней событий, ибо жизнь показывает, и ни для кого это уже не секрет, что гибнут миллионы людей, исчезают целые цивилизации и страны, а нацарапанное на стенах темных и сырых пещер, выбитое на глиняных плитах и написанное на бумаге – остается.

Несколько слов о себе. Для будущих поколений, конечно.

Современники хорошо меня знают. Я настолько мал ростом, что с легкостью могу услышать шум в животе моего собеседника. И это большое преимущество. Для понимающего человека, естественно.

Каприз судьбы, и в этом, конечно, есть насмешка, что родился я в стране альбиносов. Безмятежное детство мое прошло под ночными звездами, под скрип полуоткрытой двери спальни и жужжание вентилятора. Жужжание это вызывало у меня ужас и дрожь. Как видите, детство мое было вполне счастливым. Я хотел бы, чтоб жизнь моя была радостной, но, кажется, это уже невозможно.

Наставники и советчики мои были молоды, полны сил и безнадежно глупы. Безвольные слабаки, но упрямые до упертости.

Первая фраза, которой меня научили на занятиях иностранного языка, заключала в себе наставление: «Я хочу видеть вас голой и лежащей в постели». Воодушевленный знанием языка, я начал сам наставлять. Это было в те годы, когда юноши наподобие Элвиса Пресли пользовались большим спросом у женщин.

Помню первую мою победу: незнакомая голая женщина лежала в моей постели, и ее тело было настолько белым и пухленьким, что невольно ассоциировалось с переваренным белым куриным мясом. Имени ее не помню. Оно было слишком тяжелым для замужней женщины.

После этого случая я пришел к взаимоисключающим выводам. Начал избегать куриного мяса. Есть его не мог.

В годы моего созревания все газеты с такой гордостью писали о затмении солнца, будто затмение это организовали они.

Моя штормящая душа не знала покоя ни во времена моей молодости и ни теперь, когда я достиг зрелого возраста. Мысли и желания у меня рождаются неожиданно, вдруг, и я, не задумываясь о последствиях, тотчас приступаю к их реализации.

В жизни... вокруг – шумно и душно...

Работа была легкой, но невыразимо противной.

Как всякий благовоспитанный человек, я не выносил лжи и обмана. Со стороны других, конечно.

До недавних пор жизнь, в общем-то, текла в привычном русле: победно, достойно и бессмысленно, пока не начались известные

всем событиям. После некоторой суматохи она обрела смысл, став нелепой, непонятной и странной. Мы были воодушевлены разными идеями, связанными с мечтами передового человечества и современными толкованиями нашего прошлого, настоящего и будущего.

В городе появился некий жизнерадостный придурок, способный на всё. Был он в том возрасте, когда не говорят ни слова правды. С собой он привел большую группу лжецов с грустными глазами. Им удалось собрать вокруг себя великое множество паралитиков, не имевших хоть какого-то образования, недовольных и веселых.

– Вы верите мне?

– Да!.. – закричала собравшаяся на площади толпа.

– Значит, не задавайте вопросов и обещайте, что не будете проверять.

Так и произошло. Никто не задал вопросов. С достоинством промолчали даже те, у кого их имелось множество.

Присутствующие вызывающе смотрели на звезды и были готовы вступить с ними в бой. С этого дня светлые облака легли на все имевшиеся в стране дороги.

Началось Великое шествие.

Брошенные мужьями женщины самозабвенно плясали на городских улицах, тем самым выражая справедливый протест и безнадёжную радость.

– Решающий удар нанесем после хорошего марша, – заявил новоиспеченный вождь.

Во всех неожиданно пробудился гражданин. Независимо от себя люди стали петь патриотические песни и плясать забытые танцы.

– Не удивляйтесь, что вы поете: в раю все поют. Мы стоим на пороге рая.

Тысячелетия назад, когда человечество отправлялось на охоту вооруженное камнями и дубинками, многого не понимало. Даже

наши деды. Будучи людьми мудрыми от рождения, они никак не могли уразуметь истинную причину постигавших их бед и неудач. Одно было очевидно и бесспорно: не они виноваты в этих бедах и неудачах. Причины их следует искать где-то далеко-далеко, и чем дальше, тем лучше. Постоянно раздумывая над этим вопросом, самые мудрые из наших дедов в конце концов поняли, что есть некие внешние силы, противостоящие их устремлениям и справедливым желаниям, которые и вызывают на их головы эти самые беды и неудачи. Эти невидимые силы, вероятнее всего, находятся на вершинах заснеженных гор, в облаках или на далеких звездах.

Открытие это было воспринято всеми с большим энтузиазмом. Чтобы воплощение его в повседневной жизни было понятным и ясным для народа, наши мудрые деды классифицировали все встречающиеся в природе и человеческой жизни явления согласно степени их важности, позиции и ценности. Была создана целая могучая армия божеств, которая с этой поры взяла на себя ответственность за жизнь человека, за прогресс и счастье этой жизни.

Годы спустя это мудрое открытие дошло до ушей наших соседних народов. А у соседей наших, не столь мудрых в отличие от нас, были огромные уши и, стало быть, отличный слух. Но коль скоро им был неведом полет мысли и от рождения они были ленивы, не обладали хорошей и твердой памятью, то решили пойти по пути единобожия. Они пришли к выводу, что так более удобно и практично. Провозгласили о существовании лишь одного-единственного бога, который и ответствен за всё. В дальнейшем и мы пришли к этой идее, ибо это действительно было удобно и практично.

В один из дней человечество нашло некие глиняные таблички, на которых были выдавлены похожие на буквы клинообразные знаки. Сегодня они известны миру как шумерские таблички. Долгие десятилетия эти самые таблички не давали покоя мировому научному сообществу. Было предпринято множество неудавшихся

ся попыток дешифровать их и прочесть. Наши ученые скромно и благоразумно помалкивали. Но когда стало очевидно, что научный мир приходит к ошибочным выводам и никак не может истолковать полное исчезновение шумеров, мы вынуждены были раскрыть некоторые наши карты.

Первое: эти надписи следует читать на армянском языке.

Второе: не надо искать шумеров в каких-то далеких и непонятных краях. Шумеры вовсе не исчезли. Они продолжают жить под самым вашим носом. Будьте добры принять эту неоспоримую реальность.

Удивительно, но признание это никого не воодушевило. Более того, стало во всем научном мире предметом насмешек и иронии.

Поверьте, решить вопрос шумеров настолько же трудно, насколько было и пять тысяч лет назад. Помимо всего, он в среде новоформирующегося поколения вызывает половые разногласия. А сегодня нам половые санкции не нужны.

Мы стоим на утопающей в солнечных лучах дороге, а не принимающие нас... даже сказать не берусь, в каких краях окажутся они.

Флаг наш трехцветный. Он символизирует три известные реки, которые века назад текли в нашей стране. Правда, реки эти есть и сегодня, но текут уже за нашими пределами. Очередной заговор, на сей раз со стороны рек. Их исчезновение вначале вызывало чувство страха, затем стало обычным.

Если ты однажды сумеешь убедить себя в том, что жизнь — всего лишь игра, то тотчас почувствуешь себя беззаботным и счастливым. Мы так и делаем.

Жить на этой планете означает втуне гробить время.

Известная вещь — если началось колдовство, то заступить ему дорогу уже невозможно: оно будет всё повторяться и повторяться.

Главарь нового колдовства, как и все безграмотные люди, любил писать, и даже не столько писать, сколько все те письменные принадлежности, коими пользуются при письме: карандаши, ручки, бумаги.

Объявившаяся в городе эта деревенщина и неуч с ярко выраженными чертами идиота и большими ушами, который обладал сноровкой и ловкостью убеждать людей в чем угодно и был от рождения лжецом, призвал народ к перевороту. Выяснилось, что он был потомком какого-то забытого святого. Для осуществления своей цели он убедил забитый и добрый люд – тех, кому надо втолковывать разницу между добром и злом, чтобы они не ошибались, не путали эти понятия, – так вот, он убедил этот люд отправиться с ним с севера на юг, временами останавливаясь в пути, дабы попеть, поплясать и хорошенько подкрепиться. Впоследствии выяснилось, что этот метод – самый быстрый и верный для осуществления смены власти. Прежде всего, подобным образом участники закаляются физически, и, во вторых, во время шествия уже не столь и существенно, за кем и зачем ты идешь. Всё это становится сродни спортивному мероприятию. А важность спорта всем и давно известна.

Ходоки со всех сторон хлынули на старые и новые улицы города. Устроились на тротуарах и в близлежащих парках. В глаза тотчас бросалось, что они собрались здесь для проведения долгих и мирных демонстраций.

Точно в тот час, когда влюбленные всего мира прощались в подъездах домов со своими любимыми и, целуя их, шептали клятвы верности, ходоки с дерзкими песнями ворвались в здание правительства. В этот торжественный момент молодые женщины воплощали собой бродящих по лесу дриад.

Произошла резкая ситуативная трансформация.

Власть, часть которой составляли мертвые души, а другая ее половина находилась в эти дни в командировке, будучи не в курсе происходивших в стране событий, устроила для своих семей за границей празднество по случаю тысячелетия Тихого океана.

Она, эта власть, находившаяся в последнее время под воздействием сексуальных инстинктов (картины секса снились им даже во сне), ибо стала почетным членом всемирной лиги сек-

суальных реформ, с удивительным спокойствием приняла свое поражение – будто именно этого и ждала.

Всеобщее национальное собрание прошло как богослужение.

Когда группа заносчивых и разнородных ходоков, которые произносили дерзкие речи и распевали на дорогах шествия и на площадях, люди внешне наивные и бескорыстные, поняли, что им нет места в новой власти, раздосадованные и возмущенные, продолжили свое шествие, перешли границу страны и оказались на чужих берегах. Устроились в удобных кофейнях, глубоко озабоченные судьбами родины. Под холодными взглядами чужаков сделались певцами и единственными слушателями своей беды. Как любят говорить австралийские аборигены, истории их жизни могут послужить сюжетом толстенных романов – в назидание несовершеннолетним. Мы смотрим на них, как смотрел бы фараон на бежавших из Египта евреев.

Теперь мы живем при новой власти.

Это не люди, это – пчелы.

«Человечество с течением времени становится всё красивее, вы и сами видите, что некрасивых людей почти нет» – постоянно убеждают народ новые власти.

Эти неофиты с большой помпой отпраздновали свою победу. И коль скоро они не знали, кто именно приедет на праздник, то всюду поразвесили скопившиеся с годами флаги и транспаранты, изготовленные для самых различных случаев. Кто именно приехал принять участие в этом беспрецедентном и роскошном гулянье, так и осталось неизвестно.

Но это уже несущественно.

– Ну и где же ваши так называемые воры, негодяи и государственные преступники? – на каждом углу допытывались люди, прикидываясь, будто сами не знают.

Исходя из важности родственных и кровных связей, мы предпочитали молчать, справедливо полагая, что новые власти пре-

красно осведомлены о том, кто из нас вор и негодяй. И мы, воодушевленные призывами властей, нашли восхитительное, неизвестное и неслыханное в мире новое и удобное решение вопроса национального единства.

Окрыленные этим, власти устроили праздничное застолье, в котором приняли участие все старые и новые воры, негодяи и расхитители.

Вдохновленные и соблазненные перспективой безопасного и быстрого обогащения, мы сразу же оказались в рядах счастливиц. Это сладчайший сон, шептали все, глядя на одиноко бродящих поблизости голых женщин.

Наконец мы поняли, что жить телом на земле, а душою на небесах невозможно.

Всеобщая радость воодушевила не только нас, но и родную природу. По всему было видно, что природа наша, которая давно перестала удивляться и тревожиться от чего бы то ни было, тоже прониклась новыми просветительскими идеями. Начиная с этого дня, западный ветер и облачное небо стали жизненной необходимостью. Облака плыли не в небе, как обычно, а целенаправленно по асфальтированным дорогам. Скопищ их было настолько много, что хватило бы на несколько сезонов. Вдохновленные всем этим, мы решили организовать прорыв на всю глубину.

В первую голову, мы в среде домохозяек учредили товарищества по распространению сексуальных знаний. Выяснилось, что в нашей стране имеется мощная сексуальная база с огромными неиспользованными ресурсами.

Посещая эти товарищества, женщины тотчас смекнули, что все табу рушатся и всё теперь дозволено и допустимо.

– Вы все нуждаетесь в новом воззрении на песни, романсы, стихи, танцы и в новых правилах этикета.

В ответ на этот призыв искусство развилось до крайней степени преступления.

Многие из писателей уже не писали романов и рассказов. Они строчили куда следует доносы друг на друга.

Поэты и языковеды, владеющие тайнами поэзии, глубокомысленно и упрямо молчали.

Музыканты и певцы от жадности потеряли слух.

Бросалась в глаза болезненная тяга всякого рода бездарностей к искусству. Любимой их темой стала: «Моя половая жизнь в искусстве и вне его».

– Вы должны закалять свою волю: к примеру, не садитесь в первую попавшуюся машину, дождитесь второй.

– Не забывайте и зарубите себе на носу: пища – единственный смысл человеческой жизни и источник мудрости.

Мы все, разумеется, не преминули быстренько собраться во-круг этого источника.

– Не бойтесь, возьмите свои ложки и приходите на площадь!

Соблазненные этой светлой перспективой, мы очутились на площади с ложками разной величины.

Для нас начались времена больших ожиданий.

Перспектива есть досыта крайне вдохновила нас, нашим каждодневным нарративом сделались обильные столы и вкусные блюда. Победа демократии стала непреодолимой, окончательной и, что намного важнее, питательной.

Комаров больше не было. Кипарисы росли с сумасшедшей скоростью. Стремительными темпами возрастало казнокрадство.

Был избран новый президент. Его глупость и тупость были настолько явственны и очевидны, что все полюбили его за не-притворность.

Глаза новоизбранного премьер-министра блестели как у безвинного ангела, на щеках навсегда осталась гореть улыбка предателя.

Как говорил Марк Твен: «Человека легче обмануть, чем убедить его, что он обманут».

Смысл жизни и подобные прочие глупости нас больше не соблазняют. Выяснилось, что прав был известный немецкий психолог, утверждавший: «Если человек начинает задумываться о смысле жизни – значит, он болен».

Сегодня мы здоровы, как никогда за всю нашу многотысячелетнюю историю.

Любой человек, появляющийся в нашей стране, – если, конечно, он не законченный дурак, – тотчас догадывается, что люди здесь живут как в раю, и его сразу охватывает черная зависть.

При новом режиме мы очень быстро освободились от нескольких гор, городов и некоторых «некрасивых» людей среди нас. Мы, наконец, обрели свободу и независимость.

Сегодня любой индивид свободен и независим.

Свободен от всего.

Делай все, что можешь и не можешь!

Президент независим от страны, премьер-министр – от правительства, правительство – от народа, народ – от всего этого и от самого себя. Законодательная власть пишет законы, исполнительная же свободна от них. Не обязана претворять в жизнь.

Свободные от всего, мы, дабы заняться хоть чем-то, принялись организовывать ярмарки в помощь детям-сиротам. На эти мероприятия женщины не ходят, равно как и мужчины. В них с большим энтузиазмом принимают участие певческие коллективы стариков – они поют, осторожно размыкая губы.

Наконец мы вздохнули полной грудью и зажили без необходимости соблазнять друг друга. С этих самых пор никто беспричинно не лжет и не грабит. Просто ошибаются, что считается простибельным.

Человеку свойственно ошибаться...

Страна наша теперь развивается по собственному пути и с беспрецедентной скоростью.

Повсеместно открылись похоронные бюро под названием «Вечность».

В один из осенних дней, когда принято раздавать женщинам и детям цветы, я, исключительно из патриотических устремлений, отправился на обряд погребения, устроенный одним из похоронных бюро «Вечности».

Хоронили некоего активного героя, которому приспичило скоропостижно отправиться на тот свет. Очередного из тех героев, под личиной храбрости которых кроются обыкновенные трусы и лжецы.

В детстве герой этот был невинным лгунишкой, а повзрослев, стал опытным и ловким лжецом. На протяжении всей своей плодотворной жизни он не жаловал духов и полицейских, ибо они всегда являлись по ночам – без предупреждения и неожиданно.

Над головой бедняги повис серый адов свет потустороннего мира, когда представитель бюро, чьим самым любимым занятием было утюгом сушить усы, заговорил:

– Смотрите мне, чтоб никому вдруг в голову не взбрело попусту будоражить честную душу храброго воина! Итак, если кто-нибудь осмелится сказать на могиле бедного усопшего что-то наподобие «Бог дал – Бог взял», или «Все мы тоже гости в преходящем этом мире», или «Будьте уверены, сейчас он в более лучшем положении, чем мы, стоящие здесь»... Подобные выражения излишни. Забудьте их! Перед нами стоит очень простая и четкая задача – как освободиться от этого никому не нужного трупа.

И коль скоро смельчака не нашлось, церемония погребения осталась незавершенной.

В нашей новой жизни небывало возросла роль кафе.

Кафе – легкие нашего города. Его душа и ум.

Официальное название одного из кафе – «Сладенькие грезы».

В народе оно известно как Общенациональное собрание. Здесь кучкуются известные и неизвестные интеллектуалы нашего города. Здесь мы узнаем об очень важных государственных решениях, о существовании которых мы и не подозревали.

Каждый вечер мы собираемся в кафе и обсуждаем планы на будущее нашей страны и родного города. Беседуем о самых горя-

чих и важных вопросах. Зачастую темой этих разговоров становится также прошлое, настоящее и будущее мира и человечества.

Кафе это представляет собой сеть разумно расставленных круглых столиков. Будь у вас возможность наблюдать его территорию сверху – скажем, с авиалайнера, вы тотчас поймете, что расположение столиков здесь напоминает эскизы известных картин «Древо мудрости» и «Запретный плод».

Вообще территория, на которой находится кафе, известна своей аномалией. Законы природы и науки не действуют на ней. Здесь не льют дожди и не падает снег. Даже солнечные лучи скромно обходят ее стороной.

Вдохновленные этим явлением, активисты кафе написали письмо главе церкви с требованием объявить эту территорию святым местом. Глава резко отклонил их предложение, исходя из того, что святым местом может быть только его резиденция. Активисты пришли к убеждению, что необходимо в срочном порядке сменить главу. Это им пока не удается.

После упомянутого инцидента на территории кафе объявились коты с глазами разного цвета. Появление их было проигнорировано.

Словом, всё в кафе содействует развитию интеллектуального онанизма.

Столы здесь не пронумерованы, но имеют определенную философскую направленность. Так удобно и безопасно: посетители заблаговременно в курсе, за каким из столиков какие затрагиваются темы. Иногда, конечно, возникает путаница, но, согласно регламенту и традициям, всё быстро устраняется – виновникам разбивают головы и ноги.

Слева от входа в кафе возвышается статуя неизвестной нагой женщины, опутанной ветвями засохшего дерева. Народу она известна под названием «Половая зрелость». Автор неизвестен. Неизвестна также и история установления этой статуи. По мнению ничего не ценящих наших сограждан, она, эта статуя, начисто лишена каких-либо художественных достоинств. Вопреки тому, что автор ее неизвестен, наследники его из кожи лезут вон, пытаясь

доказать обратное – что статуя имеет большую ценность и ценность эта кроется в аллегории некой легенды.

Согласно этой расхожей легенде, какая-то бедная женщина, пораженная чем-то увиденным (чем именно – неясно), с ужасом несется вон из публичного дома и, мчась по коридору к выходу, преобразается в засохшее дерево с опавшей листвой. Сегодня это красивое и изящное происшествие фигурирует в народе под названием «История одной женщины и засохшего дерева в красном коридоре».

Аллегория. Понятно вам?

Чтоб было понятней, приведу еще один пример аллегории:

– Ты летаешь?

– Летаю.

– Далеко?

– Далеко.

– К звездам?

– К звездам.

Все это означает, что они давно любят друг друга, что, возможно, в ближайшее время они поженятся, и не исключено, что у них уже есть дети в разных краях и от разных людей.

Аллегория, понимаете ли...

– Мне кажется, Бог стал небрежно относиться к нашей планете, и особенно к нашей стране.

Говоривший пользовался большим уважением у новых властей. Он был из тех башковитых личностей, что тратили свою жизнь за счет государства и сограждан.

– Это несущественно в наши дни. Главное – идеи. Меня питают идеи. Я озабочен идеями.

– Например...

– Например? Например, о чем думает рыба, когда ее жарят на сильном огне?

– Какая идея есть в этом?

– Не гоняйтесь за глупостями! Советую вам, пока не поздно, приобрести кости ваших героев – в свое время они станут анти-

квариатом, – сказал некий тип, вдохновленный разнородными идеями.

Всегда находится некто, кто всей своей сущностью желает высказаться.

Все промолчали и посмотрели на свои пустые стаканы.

Положение спас подошедший к столу официант с бутылками вина в руках.

– Извините, однако это невозможно, – прошептал он и добавил: – Вы форменный осел, – и наполнил стаканы.

Все хотели выпить.

Выпили молча и решительно.

Нервничали и злились.

Волосы на головах присутствующих от напряженности зашевелились вправо и влево. Затем – только влево. Только влево. Собрались вокруг левого уха и остались торчать там. Поднялась суматоха, и по всему было видно, что назревает что-то наподобие бунта.

Спустя недолгое время все поняли, что необходимо напасть.

И напали. Всем роем.

Мгновением позже тот, кто предложил приобрести кости героев, собственными глазами увидел свой вывалившийся из рта язык и разбитое свое лицо. В голове у него тяжело звонили колокола. Кто-то налил на язык бедняги растопленный свечной воск и пробормотал под столом какую-то забытую молитву.

– Мы не добиваем тебя лишь потому, – заговорил кто-то, – что не теряем надежды перевоспитать тебя.

– Да, мы перевоспитаем его, – согласились все, как обычно говорят китайцы, когда из-за чего-то непонятного приходят в жуткую ярость.

Потом его поволокли далеко от стола, в ближайший кустарник.

– Не исключено, что тебя в этом кустарнике ожидают несказанные радости.

Прерванный разговор продолжился в полном согласии с принципами восточного этикета.

Все принялись осушать стакан за стаканом, ибо поняли и приняли, что изменить что-либо в их жизни уже невозможно – ее, эту жизнь, можно было лишь предать забвению, забыть.

Дабы не уронить честь мундира, явились полицейские. И ушли, узрев лишь мирно пьянствующих людей. Они знали, что люди остались такими же, что и сорок миллионов лет назад.

Между тем тот, кто предложил приобрести кости героев, теперь под воздействием звона колоколов в голове занялся неблагодарным делом поиска в кустах собственной задницы.

Жизнь его протекала таким образом, что он был непривычен к непривычному труду. Он выпучил глаза, весь побелел и со страхом подумал: невозможное невозможно. И еще в эту минуту подумал: верить собственным глазам или нет? Решил не верить – и дал маху, потому что в голове все еще раздавался звон. Кто-то в его мозгу безнадежно выкрикнул: «За какие мои грехи?», после чего луна, несколько раз блеснув, появилась в разных частях небосвода и с громким шумом разбилась вдребезги... Все погрузилось во мрак. На сей раз как будто навсегда, подумал он. Вот как люди сходят с ума! – промелькнуло в голове. Не обманывай хотя бы самого себя, посоветовал он себе.

К сожалению, то, что он видел, существовало и было реальностью. Он закрыл и вновь открыл глаза – ничто не изменилось. В глазах билась тревога, руки дрожали.

Он молчал, звериным взглядом окидывая округу, затем неожиданно зевнул и зло улыбнулся.

Найдя задницу, он понуро побрел из кафе. Непонятый и ни за что наказанный. Он шел, размахивая руками, со стороны казалось, будто был он чем-то крайне недоволен, сердит и оппонировал чему-то.

После этого случая ему оставалось лишь найти формулу дальнейшего существования, чтобы жизнь на свете была более или менее возможной и удобной.

Когда выяснилось, что его умственные способности довольно серьезно пострадали, знакомые врачи посоветовали ему отпра-

виться в путешествие или жениться на какой-нибудь незамужней женщине. Коль скоро путешествие предполагало определенные расходы, то он нашел приличную женщину и женился на ней. Женщина эта, которая в годы войны была женой генерала, после перемирия вынуждена была жить жизнью самостоятельной женщины, ибо генерал был в бегах. Количество незаконных связей было у нее не больше обычного, как и невелико число обманутых мужей. Нельзя отрицать и то, что к этим незаконным связям она прибегала под воздействием недавно вышедшей в свет книги, которую прочла самая близкая ее подруга. Короче говоря, женщина эта с головы до пят была создана для любви, и это было очевидно и выгодно особенно для окружающих мужчин.

Некий бездарный и бродячий художник, которого звали Рыжик из уважения к цвету его волос, заявил:

– Мне надоели однообразные биографии европейских политических деятелей: повешен в таком-то году или расстрелян летом такого-то года.

– Откуда у тебя такая информация?

– От соседа. Он из числа тех, которых воспитал журнал «Вестник знаний».

– Есть такой журнал?

Следует заметить, что задавший этот вопрос был человеком довольно начитанным, другое дело, что из всего прочитанного он ничего не понял и не сделал каких-либо выводов, но это обстоятельство ничуть не мешало ему умело заимствовать в разговоре мысли античных философов и историков, не принимая во внимание, к месту ли эти самые мысли и мнения или соответствуют ли они теме разговора либо вопроса.

– Был в свое время.

– Представляете, в такой развитой и передовой стране, как Италия, частникам запрещают производить презервативы! – бросив газету на стол, сказал некий мужчина, искавший свой жанр.

– Я знал одного итальянца, который по воскресеньям бил палкой свою жену по голове.

– По воскресеньям?

– Представляете?

– Бить жену по воскресеньям, когда есть понедельник, вторник, среда, четверг, пятница и, наконец, суббота?!

– Именно поэтому его и судили. Судья потребовал, чтобы он не выражал свою любовь к супруге по воскресным дням.

– В годы моей молодости надо было убить всего лишь одного человека, чтобы стать счастливым и богатым, а сейчас – несколько десятков. Повсеместная девальвация ценностей! Инфляция! Понимаете? – пожаловался седовласый лектор, специализирующийся на социологии, и добавил: – После землетрясений вина обретают прекрасный вкус.

– Вы даже не представляете, насколько жалок и надоедлив может быть наш главарь – иногда, конечно.

– Наш главарь и в самом деле тот еще негодяй, но все же еще не такой негодяй, который нам нужен, – так говорят аборигены острова Пасхи, где, по последним данным, развернули бурную деятельность евангелисты.

– Только деликатностью нашего народонаселения можно объяснить, почему оно до сих пор не разбило голову премьеру и не расколотило окна мэрии.

– Наше единственное озеро могло быть и побольше, если бы захотело.

– Не хочет?

– Это же очевидно! Не оправдывайте!

– Не люблю зеркал. Стоит мне встать перед каким-нибудь зеркалом, как тут же в нем появляется какой-то кретин и тарашится на меня во все глаза, – после долгого молчания сказал старик крайне строгих нравов, который не любил женатых и неженатых, вдов, невест и детей. Этот тип в жизни ничего не любил.

– Все предельно ясно. Любое большое явление перестает быть большим и делается маленьким и незначительным, если смотреть на него под маленьким углом зрения, – будто в утешение присутствующим сказал некий субъект, пользовавшийся необъяснимым авторитетом в кафе. От систематических неудач в бизнесе и

политике и от крепких напитков его кругловатые глаза сделались, как у кошки, ярко-желтыми и полыхали тревожным огнем.

– Что ты предлагаешь?

– Предлагаю выпить без задних мыслей, – сказал пробудившийся ото сна один из сотрапезников. Выражение его лица было торжественным, но не вразумительным.

– Было бы хорошо сделать это за чужой счет, – вмешался какой-то молодой человек, который так часто пил за чужой счет, что наловчился делать разные рода пустяковые фокусы.

Один из сотрапезников, который с большим воодушевлением слушал всю эту прискорбную и неприятную историю, сказал:

– Беда не в том, что человек смертен, а в том, что он умирает неожиданно, без предупреждения – что донельзя бесит меня. Именно поэтому он не может с уверенностью сказать, что будет делать в этот вечер.

– Все это половина беды, и, можно сказать, лучшая половина, другая половина просто ужасна.

– Что вы имеете в виду?

– Состояние мира.

– Вы написали интереснейшую вещь, но напрасно и непонятно. Люди будут смеяться над вами, уничтожьте ее!

– Я всю жизнь работал над этой книгой.

– Вы не слышали, что искусство требует жертв?

– Слышал. И что с того?

– Не упускайте возможности. Уничтожьте, и без свидетелей. Поверьте моему жизненному опыту. Так будет лучше для всех.

Точно в тот момент, когда за одним из столиков подошло время высказаться ацтекам, в кафе объявился некий странноватый посетитель. На нем не было рубашки, не было галстука, не было

брюк и того, что полагается быть под брюками, – иначе говоря, он был гол.

Этот странный тип представился присутствующим послом страны, о существовании которой мы и не подозревали, и, даром что был пьян и едва держался на ногах без посторонней помощи, потребовал водки:

– Бог послал меня к вам, чтобы вы, пользуясь случаем, сделали мне добро.

Мы молча смотрели на него, гадая в уме, кто он, этот человек, и почему он так свободно говорит на нашем языке.

Перед нами стоял незнакомец с искусанными в разных местах губами и белыми зрачками.

– Знаете, – говорил он, – я создан не так, как нужно, и тем не менее... Я не хирург, я всего лишь психиатр, я изучаю человеческие души, и, бог весть почему, мне всегда встречаются глупые души... О таком дне, который будет сегодня, вы даже мечтать не можете.

Взгляд его был похож на взгляд щенка дога, глаза ничего не выражали, но пугали. Он замолчал. Затем засунул горящую сигарету в собственную задницу и с невинным взглядом улыбнулся.

– Раньше людям перед сном в голову приходили успокоительные картины: английские суда выходят в море... Нынче суда эти тонут, – откликнулся кто-то на слова пришельца.

– Непонятно, – сказал один из сотрапезников, игнорируя незнакомца, – я никак не могу понять, из-за чего мой сосед разводится с ней: оттого ли, что она много пьет, или потому, что много говорит, ибо он разводится часто... Непонятно, – повторил он и улыбнулся. Улыбка его была чудовищно большая и занимала большую часть его лица.

– У вас смутное представление о браке, кто-то вас обманул.

– Догадываюсь кто.

– И кто же, если не секрет?

– Моя жена, кто же еще! Сердце у меня перестает биться, когда я вижу, как главная пчелиная пара несостоявшихся супругов, счастливо улыбаясь, ходит вверх и вниз по мраморным ступеням

своего особняка, и вспоминаю свою жену... Я умру на пороге счастья ровно в тот момент, когда пчелы начнут делить деньги... Дело в том, что я относился к отцу моей супруги вовсе не как разумный родственник... Этот придурок лишил меня всего. Когда моя жена сообщила мне об этом, она, как говорят аборигены острова Пасхи, моими стараниями переместилась в иной, более удобный мир.

– Вы убили ее?

– Нет, помог переместиться.

– Бесплодные митинги, затмения солнца без луны, аборты без женщин – не много ли переживаний для нашей небольшой страны? – спросил кто-то так тихо, будто все ангелы спали.

– Все зависит от того, что будет дальше. Мы обречены ждать. Когда знаешь, с кем имеешь дело, ты вынужден думать на двадцать шагов вперед – как бывший чемпион мира по шахматам Ласкер.

– Вчера один из моих знакомых подарил мне свою недавно изданную книгу с просьбой прочитать ее. Вот фото этого идиота, – пожаловался кто-то и положил на стол цветную фотографию. – Мы сфотографировались на фоне книг в книжном магазине. Этот кретин принял такой вид, будто все эти книги написал он. Из-за его книги я сделался глупцом.

Жалобщик и в самом деле был неудачником с темным прошлым и совершенно не умел играть в бильярд.

– Что ты потерял в книжном магазине?

– Случайно зашел.

– Необходимо быть осмотрительней и не терять бдительности. В книжных магазинах и темных подворотнях нас подстерегает опасность, – предупредил один из присутствующих с лицом порядочного человека, отсидевшего в тюрьме по меньшей мере лет двадцать, убившего соседа и повесившего любовника его жены.

– Порой мне кажется, что я сын раввина. Делайте со мной что угодно, этим вы только обогатите мою биографию, – не к месту влез в разговор незнакомец.

– Как вы думаете, молния может ударить в это кафе?

– Да, и очень скоро.

Когда я увидел, кто восседает за этим столом, сразу понял, что ничего путного из этого не выйдет. И благоразумно удалился. Обмен мыслями с подобными типами в мои планы не входит.

Дни проходят стремительно и с небывалой скоростью. За эти несколько часов случились три войны, два наводнения, человек снова полетел на Луну и вернулся обратно... Некая личность, пользующаяся мировым авторитетом, отказалась от своего пола и превратилась в нежную, симпатичненькую и удивительную девушку.

Что касается меня, должен признаться, что во время всех этих интеллектуальных бесед меня никогда не слушали, гнали прочь. Я в знак протеста оставался точно на том самом месте, что и накануне. Позиция эта была для меня невеселой и в то же время удобной.

В глубине души я уверен, что земной шар вовсе не круглый, а плоский, но благоразумно помалкиваю и ни при ком не говорю об этом.

Высказался я лишь однажды, годы назад.

– Ты на моих глазах глупеешь с каждой минутой, – сказал мой близкий друг. На его благообразном лице можно было заметить оттенки ужаса, паники и отчаяния. Я понял, что он далек от поэтического восприятия мира.

Мы долго сидели молча в черной тени известного памятника, пытаясь сгладить возникшее между нами непонимание. Было мокро и сыро, душно и темно, как в матке давно не рожавшей женщины.

Потом мы бродили по улицам – побледневшие, разочарованные и поглупевшие.

После этого дня мы больше не виделись. Нам необходимо было подумать в одиночестве и сделать некоторые прогнозы на будущее.

Погода была очень благоприятная для неожиданной любви и, особенно, для новых иллюзий. Старики утверждали, что такого лета не было аж с зимы 1990 года.

Синеглазые старухи уловили в кукареканье местных петухов легкий акцент. Это обстоятельство вызвало глубокую озабоченность у верующих

Когда я чувствую себя подавленным и одиноким, я принимаюсь читать книгу «Возможности, предоставляемые жизнью, и неблагодарные люди» неизвестного автора.

Некоторые наблюдения из моего жизненного опыта:

еще ни один пешеход не наезжал на какой-нибудь автомобиль, но почему-то особое недовольство выражают водители;

собака настолько преданна человеку, что невольно задумываешься: а достоин ли человек такой преданности?

и на небосводе есть много незаслуженных звезд, к примеру созвездие Большой Медведицы. Почему я напоминаю об этом? Напоминаю потому, что сегодня ряд стран и племен незаслуженно стали известными и образцовыми;

скажите, какую книгу вы читаете, и я скажу, у кого вы ее украли;

сначала вы будете считать дни, потом месяцы и годы, потом перестанете считать и в один прекрасный день вдруг обнаружите, что стоите курите на улице, а вокруг нет ни одного знакомого – умерли;

однажды я почувствую потребность исповедаться.

Сегодня для меня был очередной день откровений.

Случилось так, что вместо моего потерянного друга недавно появился новый. Рост его, даже в самые неблагоприятные дни, достигал двухсот пятидесяти пяти сантиметров, и с этой высоты

ему было удобно и легко относиться к людям несколько пренебрежительно.

– Я одинок против целого мира, но это ничего, ужасно то, что против меня ополчился целый мир, – пожаловался мой новый друг.

– Но почему?

– Закройте дверь, и я скажу вам всю правду.

– Ваша комната больше моей, но почему-то кажется маленькой.

– Вы меня слушаете?

– Слушаю, но не понимаю.

– Бога нет.

– А сыра?

– Сыра тоже нет. Возьмите яблоко. Яблоко – вещь неплохая, дыня тоже прекрасная штукавина, но самое лучшее на свете – юная жена соседа.

– Кто бы подумал!

– А белый корабль с красными палубами? А синие звезды?

– Пустое. Очередной обман. Выпьем за тех, у кого всё получается.

Выпили молча, без паники.

– По дошедшим до меня слухам, мой дед был мельником, а бабка – русалкой.

– Так бывает?

– Очень редко. Это между нами.

– Клянусь, я никому не скажу. У вас есть родственники?

– Неужели я похож на человека, у которого есть родственники?

– Нет. Совсем не похожи. Это сразу бросается в глаза. Когда вас похоронят, я приду на вашу могилу. Это единственное, что я могу сделать для вас.

– Не давайте впустую обещаний.

– Не верите? И цветы принесу. Вы любите полевые цветы?

– Люблю. Но придержите их для вашей могилы.

– Моей?

– Да. Вашей.

– А на что они мне?

- Вы умрете раньше меня. И умрете чужой смертью.
- Как это чужой?
- Очень просто: вас убьют по ошибке. Но в этом есть и свое преимущество.
- Преимущество?
- Да. Вы станете известны и признанны. Об этом будут писать все газеты.
- А убийцу поймают?
- Нет.
- Жаль...
- Не гоняйтесь за мелочами. В мире есть вещи похуже.
- Например?
- Скажу. Самое худшее то, что я вижу сны, очень сумбурные и непонятные.
- Наверное, видите Мессалину?
- Кто такая Мессалина?
- Жена Клавдия.
- Не знаком. Впервые слышу.
- Не видите и людей в желтых, цвета песка, пиджаках?
- Нет, конечно.
- Жаль. Это принесло бы вам мудрость и счастье.
- Я деньги люблю, – сказал он и издал такой вздох, который удалось издать только принцу Уильяму, да и то лишь однажды и случайно. В те дни бедный принц страдал страданиями богатого человека.

Стрелки часов не двигались с места. Я понял, что наша беседа будет иметь далеко идущие последствия. Понял также, что мой собеседник терпеть не может, когда в комнате одновременно собирается много мечтательных людей.

Надо пытаться избегать бессмысленно поставленных вопросов, оставаться честным, чистым, держаться с достоинством и холодно – когда речь идет о грезах, конечно.

– Все ваши неудачи проистекают от того, – продолжал мой новый друг, – что вы во всем ищите смысл и истину. Вы глупый и наивный человек, невинная овечка, иными словами – евангелист.

Человек, носящий такую шапку, счастливым быть не может, поверьте моему жизненному опыту.

– Вы не знаете, какое тяжелое детство у меня было. Тяжкие испытания судьбы мешают мне одеваться в соответствии с моей сущностью.

– Хватит болтать глупости! Это цитата из книги одного известного автора. Не обижайтесь.

– Известный автор?

– Очень.

Я посмотрел на стенные часы. Стрелки вроде шли назад.

– Я решил жить новой жизнью, – приняв торжественный вид, сказал мой новый друг.

– Старая вас не удовлетворяет?

– Нет. Она была преступной и греховной.

– Вы давно вышли?

– Уже месяц. Месяц я мучаюсь, чтобы понять, как богатеют честные люди.

– Очень просто. Получают наследство.

– Я уже говорил – я сирота.

– Мы зашли в тупик. Надо хорошенько подумать.

– Я уже думал. Коль скоро у меня нет никого, кто оставил бы мне наследство, нужно искать кого-то, кто по собственной воле отпишет мне свое состояние.

– Вряд ли кто-нибудь пойдет на такой шаг по собственной воле.

– Стало быть...

– Что стало быть?

– Буду вынужден уговорить.

– Как вы уговорите?

– Я знаю по меньшей мере десять способов уговорить любого человека.

– Десять?

– Да, по меньшей мере десять. Но предпочитаю три. Первые два отнимут много времени. Я остановился на третьем.

– У вас нет сыра?

– Нет ни сыра, ни Бога. Не перебивайте! Третий способ очень прост и доступен для исполнения. Но от него те, кого уговари-

вают, почему-то умирают от инфаркта, что влечет за собой излишние траты. Сейчас я готов пойти даже на эту жертву. Возьму на себя ровно половину расходов на похороны. Ни больше, ни меньше. И без предварительных условий. Каково ваше мнение?

– Пойду посмотрю, где есть сыр.

– Подумай о моем предложении, сыроед... Чтоб мужчина так любил сыр!..

– Что в этом плохого?

– Ты слышал о существовании женщин?

– Конечно. Скажу, что настоящая любовь может быть только с чужой женой.

– И с чужим мужчиной, если дело касается женщины.

– Я пойду.

– Иди-иди! Подумай о моем предложении! Сыроед...

Я вышел из дома моего нового друга. С надеждой, что больше никогда не встречу подобного типа. Это в первый и последний раз.

Я опять остался один-одинешенек. Может статься, именно в этом одиночестве мое искупление, мое очищение, моя великая жертва...

Пока я не забыл, скажу, что никакие мы не альбиносы. Когда и почему нас так называли наши пресловутые соседи, мы не знаем. Наше официальное мнение – из-за зависти. Позже, когда у меня будет время, я разъясню основные причины этой зависти. Если не забуду, конечно. Короткая память присуща жителям нашей страны, это не только моя прерогатива.

Я вынужден изложить историю нашей страны. Востребованы ли будут мои записки, станет известно спустя тысячелетия, когда подобные вопросы вряд ли будут меня волновать.

Никто не знал о нашей стране с первого же дня ее основания. И это устраивало всех.

Наша от моря до моря, но скромная страна жила своей жизнью, мир – своей. В ней, в отличие от всех других стран, люди не

рождались. Они появлялись откуда-то уже в зрелом возрасте. У нас и не умирали – люди внезапно исчезали, забрав с собой государственные деньги и прочие мелочи, в чем могла бы возникнуть в дороге нужда.

Следует сказать, что каким-то непонятным образом деньги вновь оказывались в стране, за вычетом расходов, связанных с бегством, которые по решению суда списывались с беглеца как текущие и необходимые траты. Виновный нес кару, наслаждаясь награбленным и давая советы тому, чья очередь на грабеж страны приближалась.

До построения нашей страны и нашего города будущие жители раздумывали об архитектурном их стиле. Случилось так, что победили те, кто хотел видеть нашу страну и город в стиле эпохи Раннего Возрождения, украшенными статуями греко-римских божеств.

Так и произошло, и город был возведен довольно быстро и незаметно.

Он, наш город, стал известен в последнее время, точнее – в понедельник. Скажу заранее, что понедельник, непонятно отчего, всегда был для нас судьбоносным, даром что ничего особенного собой не представляет в сравнении с другими днями недели. Почему это так – по сей день остается загадкой для нас.

Природа и рельеф нашей страны претерпели некоторые изменения. Само собой, независимо от нашей воли. Века назад она находилась не в горах, как сейчас. Приморская со дня своего сотворения, страна наша располагалась в живописном краю и представляла собой удобный райский уголок с альпийскими лугами и толстоствольными деревьями, со строениями в стиле эпохи Раннего Возрождения и гипсовыми статуями наиболее известных божеств греко-римской мифологии. Чтобы сделать их более прекрасными и впечатляющими, кому-то в голову взбрело покрасить их разноцветными красками, употребив такие вещества, которые ни политические деятели и ни десятки лет воздействия солнца и дождей не сумели очистить. Еще более странным было то, что нам стали нравиться эти выкрашенные божества, и новое поколе-

ние не представляет их иными. Прав был великий восточный мудрец: «С годами люди, хочешь не хочешь, становятся более деликатными и благоразумными, даже в том случае, если всю жизнь жили как дураки». Словом...

Наши предки жили в стране от моря до моря до первого рокового понедельника, иногда рождаясь и умирая в родной среде и, что важнее, успевая до смерти передать своим потомкам копившуюся годами любовь к родному морю и рыболовству.

Легенда гласит: «Так они жили долгие годы».

Во всяком случае, так было до двадцатого января. Год неизвестен.

Этот день в местных календарях почему-то указан как понедельник, вопреки тому что для всего мира это была пятница.

Следует заметить, что правительство после этой ошибки приняло специальный закон: раз и навсегда запретить местными силами составлять и печатать какие-либо календари. Как выяснилось впоследствии, закон этот имел свои хорошие и плохие стороны. Хорошее состояло в том, что люди впредь ошибиться не могли, поскольку печатать календари было запрещено. Плохое — что они остались без календаря, ибо отказались от календарей, составленных чужими.

С течением времени отказ от употребления календаря стал священной традицией, передаваясь от поколения к поколению, и сегодня мы не имеем даже приблизительного понятия о том, какой нынче год катится в мире. Не в курсе мы и о событиях, происходящих в мире.

Поверьте, мы ничуть не меньше ощущаем себя счастливыми, чем те, кто без календаря и часа прожить не может.

Несколько слов об обстоятельствах, в силу которых наша страна от моря до моря стала горной. В доступных нам архивах, а также в документах, хранящихся в церковных подвалах, мы читаем: «...коль скоро предыдущие два дня были выходными, население наше хорошенько отдохнуло». В нашей патриархальной стране это, как правило, означало выпить от души, поплескаться в морских волнах и заснуть где придется. Проснувшись как-то ничем

не примечательным утром и готовясь к рыбалке, благочестивые жители увидели вместо спокойных морских вод каменистые горы, безлюдные поля и нескольких своих соплеменников-горцев, скромно охотившихся в зарослях.

Море это могло быть больше и проглотить нашу страну и город, благоразумно подумали жители и, обрадованные, перевели дыхание, вспомнив, какой участи подверглась Атлантида всего каких-то несколько тысячелетий назад.

С этого дня они стали жить в горах. Бытом, характерным для жителей гор. Бросив рыбачить, принялись серьезно изучать охотничий промысел, скотоводство, сельскохозяйственную науку, что с течением времени все больше нравилось им. Об этой внезапной и неожиданной перемене существуют и иные мнения. В основном в трудах чужестранцев. Для нас они – очередной бред. Лучших специалистов, чем наши правдивые, умные и мудрые историки, на свете нет.

Для привлечения туристов мы начали строить горы. Инициаторы этого начинания убеждены, что они вызовут ужас в логове противника.

Появились люди, утверждающие, что счастливые и мирные дни бросили нас и удалились, возможно безвозвратно.

Ветры жизни, неожиданно задувшие с разных сторон, сбили нас с толку и гонят прочь в неведомые дали.

Члены правительства, подавляющее большинство которых вызывают усмешки и презрение порядочных и сознательных граждан, удивительным образом преобразились.

Политические деятели полностью и безвозвратно дегенерировали от красноречия, обычных слов они уже не употребляют.

Мы больше не опасаемся внешних врагов, ибо имеем врагов более опасных в самой нашей стране.

Когда труп переместили в машину, полицейский подошел к человеку, стоящему в тени дерева.

- Что вы можете сказать о случившемся?
- Он вышел из дома, встал перед порогом, поднял руки к небу и начал размахивать ими, что-то говоря.
- Что именно?
- Откуда мне знать? Не слышно было. Мне показалось, матерился.
- Кого материл?
- Разве мало кого можно материть?
- То есть?
- Длинная история. Не вашего ума дело.
- «Не моего ума дело» – написал полицейский в блокноте.
- Потом вошел в дом.
- Потом?
- Потом, недолгое время спустя, снова вышел.
- И?..
- Встал перед входом, протянул руки к небу и начал размахивать ими, указывая пальцем то вправо, то влево.
- Вправо и влево? Странно.
- Что тут странного?
- Не вашего ума дело. Послушайте, кто вы такой?
- Бывший друг.
- Почему бывший?
- У нас были разногласия в вопросе земного шара.
- Конкретнее...
- Он был уверен, что земной шар плоский.
- А вы?
- Начинаю убеждаться, что он был прав.
- Стоп! Больше ни слова! Замолкни! Не смей даже думать о самоубийстве! Ты свободен!.. Чем они недовольны – не пойму...

АРМЕН ПАШАЯН

Родился в Армении. В 2007 году уехал в США. Автор книг стихов “Наши глаза”, “Издалека”, “Я снова приду”, “Без тебя”, а также сборника “В кафе на углу”, стихи в котором представлены как на армянском, так и на английском, французском, испанском, китайском и русском языках. Член Ассоциации армянских писателей США. Живёт в Лос-Анджелесе и в Ереване.

ЛАМПАДА ВСТРЕЧИ

Перевел Константин Шакарян

* * *

Самое дорогое –
то, что потеряно,
Самое важное –
то, что уже стало прошлым.
Самое лучшее – то, что чужое,
Самое худшее то, что хорошего больше нет,
Самое дешёвое –
то, чего нет и задорого.
Самое запоминающееся –
то, чего не оценили когда-то.

Самое сложное —
то, что считали простым.
Самое трудное —
то, чего
не принимали всерьёз.
Самое неожиданное —
то, чего долго ждали.
Самое смешное — жизнь...

Самая сложная загадка —
мужчина и женщина,
самое главное образование —
саморазвитие,
самое любимое место —
место рождения.
Самая сильная боль — душевная,
самое сложное существо — человек,
самый безумный — я,
что в этом возрасте
пишет ещё стихи.

* * *

Ни души в моей комнате,
кроме меня и собаки.
Не знаю, есть ли у пса душа,
но нынче мы с ним вдвоём.
И оба — одни,
и оба несчастны, оба.
Пёс выглядывает в окно
и лает на проходящих,
Да и сам я нынче что пёс,
тобою брошенный.
...Ни души в моей комнате,
оба мы ждём чего-то:
я — тебя, собака — еды.

БАБОЧКА

Часы скользят
неспешно, что лыжи,
день подходит к концу.
Быть может, случится чудо
и бабочки жизнь продлится?
Известно ли ей самой,
что скоро закатится Солнце
и жизнь её вместе с ним?

Скользит по воздуху бабочка
в одеянии разноцветном,
словно пришла на праздник,
и танцует она
как влюблённая —
в ожиданье возлюбленного.

И, словно кружась в объятьях,
навек уходит она.
Ах, если бы можно было,
из жизни моей хоть день
бабочке подарить...

* * *

Я знаю, что опоздал,
смысла нету в моих словах,
я знаю, что подхожу
к остановке последней,
у продолжения
нет эпилога...
Знаю, я должен, наверно,
поспешить сказать всё то,
что не высказал...

Далеко от тебя я,
слова мои не долетают.
Слишком много свершил я грехов,
как успею их искупить?..

СИЭТЛСКАЯ МЕЛОДИЯ

Под небом Сиэтла влажным,
грёзы в капельки перелиты,
и стекают на деревья,
и повсюду дождя слова...
С неба Сиэтла влажного
каплют слёзы — тоски? молитвы?
Солнцем полные мои дни,
за какую горой они?
По мокрым брожу дорогам,
чужеродной красой захвачен,
ищу я тебя повсюду:
как вытравлю? как забуду?
В небе Сиэтла строгом
тоска моя носится с плачем.
Сколько памяти в сердце моём!
...И стала любовь дождём...

* * *

Когда боль твоя загустевает,
хватая тебя на горло,
ты натягиваешь
без конца
нить спасительного звоночка.
Сам себя изводишь
изо дня в день,
и мученьям твоим
нет конца...

Ты один только слышишь
собственной боли крик
и на помощь зовёшь,
но откликнувшихся – нет...
И тогда-то,
свои треволнения сжав,
ты кричать собираешься,
чтоб не душило,
чтоб от крика уйти в самого себя
и себя забыть...
Жизнь тяжелее становится
каждый миг,
тьмой заплывает свет,
когда в душе — обрыв, пустота, тупик,
когда спасения нет...

МОНОЛОГ ЗАНАВЕСА

Я был яркой красивой материей,
молод был и заметен,
и прекрасны были мечтанья мои.
Но случилось так,
что удача моя, как дверь,
была заперта,
а когда раскрывалась,
за временем не поспела.
Как бы я ни хотел найти
роль свою на подмостках жизни,
в театре этом никак
не находилось ролей для меня.
И по прошествии многих лет
выпала мне одна лишь
роль чуждая — занавеса в театре...
В чём она заключалась? Я
должен был висеть круглый год,

и когда захотят,
раскрываться,
и когда захотят,
закрываться,
раскрываться и закрываться,
закрываться и раскрываться,
и едва я раскроюсь,
все аплодируют мне,
а едва я закроюсь,
склоняют головы предо мной.
И так без конца
должен был я
налаживать внешнего с внутренним связь,
тайн последнего никому
не раскрывая вовек...
О, как я заучивал
слова всех ролей,
пряча их в складках своих,
сколько смеялся я,
сколько рыдал,
сражался, любил,
ненавидел и гибнул...
И так год за годом
я жил
в подвешенном состоянии,
раскрываясь и закрываясь,
пока однажды не вылинял и не поблёк,
утратив бывшее великолепье.
И люди сорвали меня.
И нынче, отброшен в угол,
думаю про себя:
собрать бы старые занавесы
всех театров,
и первый в мире создать
всё повидавших занавесов
музей.

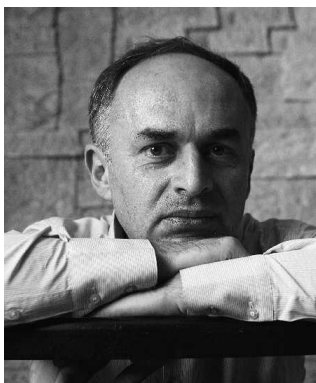
* * *

Приходи... Просто так... Приходи.
И хоть раз мне в глаза погляди...
Приходи, пусть дыхание твоё
разойдётся в душе моей.
Приходи... Просто так,
чтобы стены мои
улыбнулись и стали светлей...
Ароматом твоим
тишина заполнится пусть.
Приходи... Просто так,
как вопрос и ответ,
и в обратный пускайся путь,
коль захочешь...
Но только прошу,
хоть немного ещё побудь.
Просто так...

* * *

Дверь отвори, мой Боже,
чтоб душу мою впустить,
небесным воздухом дышит
блуждающая молитва.
Дверь отвори, мой Боже,
чтоб обрести мне покой,
надежда моя трепыхается,
не дай потеряться ей.
Дверь отвори, мой Боже,
да свершится чудо Твоё,
ждал Тебя долго,
затеплим
лампаду встречи.

АШОТ БЕГЛАРЯН

Родился в 1968 г. Сын известного поэта Эрнеста Бегларяна. Окончил факультет русского языка и литературы ЕГУ. Печатается с 19 лет. В разные годы работал корреспондентом армянских, российских, многих иностранных информагенств, журналов и газет. Заслуженный журналист НКР. Участвовал в обороне Арцаха, был тяжело ранен. Автор 14 книг, изданных в разных странах.

ПРАВДА

Притча

Волк дождался, пока пастух, спасаясь от полуденного зноя, ляжет в тени одинокого, словно случайно оказавшегося на альпийском лугу дерева, выскочил из своего укрытия в зарослях, врезался в небольшое вялое стадо, схватил зубами за шею ягнёнка покрупнее и, деловито подсобив хвостом, словно человек рукой, взвалил его уверенным движением себе на спину. Ягнёнок, скованный ужасом, а может, от неожиданности и сильного удивления, распластался на широкой волчьей спине словно неживая вещь, не издав ни звука и даже не шелохнувшись. Молчало и стадо. Только одна овца, наверное мать ягнёнка, недовольно и жалобно заблеяла...

Волк стал подниматься по холму, тяжело дыша. Это был довольно крупный и нахальный зверь. Наверное, он был сильно голоден, если презрел всякую опасность, напав средь бела дня в присутствии пастуха на стадо. Правда, ему казалось, что он уловил удобный момент и пастух ничего не заметил. Уже ощущая в пасти сладкую кровь ягнёнка, зверь исходил слюной. Но инстинкт самосохранения был сильнее голода и диктовал волку, что для пущей безопасности следует отойти подальше от человека. И хищник, пыхтя, ускорил шаг. Сейчас он достигнет вершины холма, затем побежит вниз по склону в сторону леса и скроется вместе с добычей в гуще зарослей...

Но вдруг над головой его раздался повелительный голос:

– Положи ягнёнка! Это не твоё!

Волк поднял голову, не выпуская из зубов шею своей жертвы. Почерневший от солнца человек с крупным орлиным носом и недельной щетиной на скуластом худощавом лице смотрел волку прямо в глаза. Мужик был приземистый и не очень широкий в плечах, но с увесистой палкой в грубой, узловатой руке. Он не отрывал от волка требовательного, пронизывающего взгляда чёрных, с красными прожилками глаз. Опытный пастух понимал, что взгляд – тоже оружие, а в иных случаях и посильнее дубинки или ружья. Им можно внушить страх противнику, парализовать его, навязать ему свою волю.

Конечно, волк не собирался просто так сдаваться. У голодного хищника была своя правда – он должен был утолить голод. Утолить, чтобы жить, существовать дальше. Но у человека была, пожалуй, более убедительная и весомая правда – ягнёнок принадлежал ему, это было его имущество, он тратил на него своё время, свои силы и средства: кормил, защищал, растил его... Правда была даже у слабенького, полуживого-полумёртвого ягнёнка – ему, божьему созданию, просто хотелось жить, пусть и неосознанно, на этом свете. И, наверное, это была самая большая правда из всех трёх правд, самая главная правда, потому что без этой правды две другие просто не имели смысла. Но «правда жить» и «правда жизни» слишком отличались друг от друга: у бедного

ягнёнка не было ни острых зубов или когтей, ни крепких мышц, ни другого какого-либо оружия или даже взгляда, выражавшего внутреннюю силу и способность к самозащите. И теперь всё зависело от того, какая из двух первых правд победит – волка или человека, ибо в данном случае правда была на стороне силы.

Волк инстинктивно применял естественное оружие – он посмотрел на человека исподлобья голодным и злым взглядом. Жёлтые глаза хищника потемнели от ярости, налились кровью. Не раскрывая пасти, он угрожающе зарычал, вернее, заурчал, полуобнажив жёлтые клыки, с которых капала слюна. Его хвост был задран, а это означало, что зверь был вполне уверен в себе и настроен решительно.

Но и человек был не лыком шит: невысокий, но с жестким взглядом, он продолжал смотреть на зверя прямо, спокойно и пронзительно. В руке у него была дубина, но волк словно не замечал её, впившись кровавыми глазами в человека. Человек в душе уважал волка, так как, в отличие от той же коварной рыси, которая нападала, как правило, на ничего не подозревающую жертву сзади, в прыжке с дерева или со скалы, волки обычно охотились открыто, в лобовую. Но сейчас было не до чувств и философии...

– Это не твоё! Положи и уходи! – твёрдым басом повторил человек, выдержав грозный взгляд хищника и продолжая давить его своим суровым и пристальным взглядом.

Негустая летняя грязноватая шерсть волка ошетичилась, из пасти его все так же текла слюна, но теперь уже перемешанная с кровью ягнёнка, стоящие торчком уши были развёрнуты вперёд. Всем своим свирепым видом зверь пытался внушить человеку страх.

Ягнёнок, видимо от боли, наконец очнулся и издал слабое «мя-я-я». Глаза у него были полуоткрыты, но зрачков не было видно, не было взгляда как такового.

– Уходи подобиру-поздорову! – вновь раздался спокойный, но полный силы и уверенности повелительный голос человека.

Взгляд у волка сверкнул бессильной злобой и вдруг погас, словно перегоревшая лампочка. Он поджал хвост, отвёл уши назад и скинул со своей спины окровавленного, но ещё дышащего ягнёнка. Опустив голову и глядя прямо перед собой, волк потрусил мелкой рысцой прочь, высунув язык.

Человек бережно поднял с земли бедное животное и, неся его на вытянутых полусогнутых руках, спустился к овцам, которые, спасаясь то ли от жары, то ли от опасности, уткнулись носами в землю, спрятав головы и образовав сплошную серую массу...

НУШИК МИКАЭЛЯН

Родилась в Халебе в 1975 г. С 1998 г. живет в Ереване. Окончила вокальное отделение консерватории им. Комитаса. Автор нескольких книг стихов и прозы, а также текстов многих песен, написанных в содружестве с современными армянскими композиторами, в числе которых – поэма-кантата «К свету!» на музыку Андраника Берберяна.

НЕБО ВОШЛО В ТВОЮ КЛЕТКУ

Перевел Гурген Барени

ОЖИДАНИЕ

Таблица умножения
рушится
с каждым моим ожиданием...
Дни и месяцы
перестают подчиняться
какому-либо календарю...
Время моего ожидания,
сбросив с себя рубашку
и полностью обнажившись,
стоит в наиболее вероятной

точке встречи с тобой
и с точностью космического звездочета
нанизывает на нитку
одну тоску за другой...

Зима вот-вот
удержит тебя в плену,
чтобы согреться...

А я приму, как судьбу,
твой приговор —
лишить меня лета...

ПРОСТРАНСТВО, ОТДЕЛЯЮЩЕЕ ТЕБЯ ОТ ТЕБЯ

Измерял ли ты когда-либо
пространство, отделяющее тебя от тебя?..
Бежал ли ты к себе, не достигая себя?..
Массировал ли темными ночами
плечи своего одиночества?..
Говорил ли вслух сам с собой,
чтобы узнать себя по своему голосу?..
Накрывал ли своим телом
свою внутреннюю пустоту,
чтобы подарить себя себе?..

Я знаю... Ты делал всё это,
но всё ещё не встретился с собой...

Иди и возлюби кого-то
до степени самозабвения —
и увидишь,
что огромное пространство,

отделяющее тебя от тебя,
было всего лишь иллюзией.

ОДИНОЧЕСТВО ДЕРЕВА

И я поняла,
что одиночество дерева
умножается
от дробы дятла...

За секунду – двадцать ударов по стволу...

Дерево не в состоянии уйти,
а для леса
происходящее всего лишь
обычное явление природы...

ТЫ НЕ ВСЕСИЛЬНЫЙ...

И я не в состоянии
обнять тебя со спины...
Мне нужны мои крылья, чтобы жить,
тебе – твоя спина...

И, лежа на берегу моря
среди многих других,
мы закроем наши глаза
большими ладонями,
чтобы яркое солнце
не казалось нам овальным лимоном,
таким жёлтым,
таким благоухающим жизнью,
находясь под которым

мы все отречёмся от жизни
всего лишь одним поцелуем...

Чтоб все мы —
в одеяниях полководца,
в джинсах,
с расстёгнутыми на рубашке пуговицами,
с прижатыми друг к другу
согнутыми коленями,
не плакали
втайне друг от друга,
похожие друг на друга,
каждый — о другом,
каждый — о себе...
одинокие,
безутешные,
бесконечно одинокие...

КЛЕТКА

В последний раз я заплакала,
когда увидела,
с какой неизбывной тоской
ты смотришь в небо
из клетки, которую я для тебя приготовила.

В это мгновенье
ты мне показался
ближе и привлекательней,
чем когда-либо,
и я заперла твою клетку
еще надежней, чем прежде...
А после горько заплакала,
обвиняя себя в малодушии...

Этот мой плач был последним, —
я утром увидела,
что небо вошло в твою клетку,
а еще я увидела,
как ты красиво поешь
свою самую лучшую песню...

...И я ринулась прочь из дома,
потому что там у меня
больше не было неба...

Но твоя песня
продолжала звучать в моем сердце,
и я полюбила ее
больше, чем небо.

БЕЗ НАЗВАНИЯ

Одно дерево
из числа миллионов
неподвижных деревьев
вдруг зашагало...

И лес это счёл не чудом,
а — опасной болезнью...

С того дня
цена топора резко поднялась,
и над лесом установилась
власть лесоруба.

МАРИЯ ДОХОЯН

Родилась в г. Грозном (Чечено-Ингушетия), юность и отрочество провела в г. Ванадзоре. По образованию журналист. В настоящее время работает в компании NoyMed менеджером по управлению клиническими данными. Предлагаемые вниманию читателя рассказы – ее первая публикация.

БЕНИАМИН И КОНСТАНТИН

Бено осмотрелся по сторонам – в полуденное ереванское лето на улице было немногочленно, но зритель все-таки имелся: на одной из отдаленных скамеек сидели двое мужчин и не сводили с Бено пристального взгляда. Бениамин расправил плечи, поправил зачем-то нахлобученные на голову громоздкие, из прошлого века, компьютерные наушники и зашагал по направлению зрителя.

– Алло, Акопян, слушай меня внимательно, – начал он начальственным тоном. – Сейчас подъедут автобусы, погрузи в них студентов и езжайте по направлению Гарни. Там выгружайтесь и ждите меня. Мне еще в министерство надо будет заскочить, министр только что звонил...

Бено замедлил шаг и, придерживая наушники рукой, старался говорить как можно громче.

– Ты все понял, Акопян? – предположительно получив утвердительный ответ, щедрым великодушием власть имущего одарил

напоследок Акопяна шуткой: – И поосторожней там со студентками, не картошку везешь... – сказал Бено, искренне порадовавшись собственному остроумию, после стянул наушники с ушей и, вполне довольный перформансом, взглянул в упор на наблюдающих.

– Что, Бено джан? Студентов на экскурсию везешь? – спросил один из мужчин.

– Ничего без меня не могут, – среагировал молниеносно Бено заготовленной заранее фразой и беззубой, обличающей фарс происходящего улыбкой.

– Да, Бено джан, да... – сказал ему вслед один из мужчин.

– Бедный, бедный, – произнес второй.

– Какой же он бедный? Самый счастливый из всех, кого я знаю...

Бениамин был счастливчиком с детства. Объективных причин тому не было никаких: ругань родителей, нищета, однушка в хрущевке, периодическое лечение в клинике для душевнобольных – ничто из этого не способствовало жизни счастливого человека, однако Бено был счастлив, вернее, он обрел счастье в тот день, когда понял, как устроена жизнь. С тех пор все встало на свои места!

Жизнь, понял Бено, это игра! И играть в нее можно везде и всегда! В тот самый миг счастливого прозрения мир лег к ногам Бениамина Тутикяна во всем своем многообразии, предоставив ему самому выбирать палитру дня. И Бено выбирал – щедро, широко мазками, не жалея красок, не стыдясь яркости цветов и своих желаний. Бено выбирал себе жизнь – что ни день, то новая жизнь. При мысли об этом у Бено захватывало дух, и радость растекалась по телу, заполняла его и переливалась через края, разливаясь по дороге его судьбы спасительным эликсиром. Иногда поймав на себе недобрый чей-то взгляд, Бено удивлялся и внимательно всматривался в недоброжелателя: «Вот дурак человек, из всех человеческих жизней выбрал себе жизнь злыдня!» – думал Бено и хохотал в голос. Но чаще всего он играл свою очередную жизнь, наслаждаясь любыми взглядами, а особенно улыбками: ироничными, испуганными, глупыми, добрыми – всякими.

– Здравствуй, брат! Давно тебя не было слышно, – радостно возглашал Бено в невидимое устройство, придерживая наушник на голове. – Нет, сегодня не смогу, у меня последний съемочный день, сегодня никак... Вот завтра – пожалуйста, завтра я свободен, а сегодня у меня съемка, финальная сцена, понимаешь...

Отыграв очередной сюжет, Бено шестым чувством бывалого артиста сканировал зрителя, всегда безошибочно определяя необходимость или бессмысленность продолжения, но чаще всего поспешно удалялся, не успев наскучить. Бено любили – любили ровно столько, сколько необходимо человеку для счастья, и Бениамину хватало.

В ранний час, особенно часто по весне, на балкон второго этажа низкой ереванской хрущевки выходил крупный юноша лет двадцати двух бело-рыхлого телосложения и, устремив взор куда-то вниз, извергал зловещие проклятия в адрес женщины ли, девушки ли, той ли, что за недолгую его жизнь успела сдвинуть градус неокрепшей юношеской психики на ту самую ничтожную йоту, после которой она перестала называться нормальной, но определенно в адрес той, что не давала покоя беспокойному сердцу и заставляла каждое утро кричать о своей боли на все четыре стороны ереванских Черемушек. Юношу звали Константин. Зловонная его речь, нашпигованная предельно низменными выражениями, никак не выдавала в юноше интеллигента бог весть в каком поколении. И только благородный профиль, один в один унаследованный от дедушки, знаменитого ученого, тоже Константина, по иронии судьбы был помпезно выгравирован на одной из стен одного из ереванских жилых домов.

Кто была та, из-за которой благородное происхождение юноши так и осталось не востребованным рудиментом, знали разве что родители Константина, вначале стыдившиеся сумасшествия сына, вышедшее из-под контроля семейной тайны, а впоследствии смирившиеся с некрасивой реальностью, безвозвратно похоронившей миф об образцовости их семьи.

Балкон, с которого зловещал Константин, выходил во двор, окруженный такими же низкими хрущевками. Прохожие, спе-

шившие в ранний час по делам, не удивлялись разрезавшему утреннюю благодать сквернословию и, тем более, не задерживались под балконом, стараясь пройти зловонный отрезок как можно быстрее, потому что жили в том же дворе и знали Константина с детства.

Но однажды под балконом остановился мужчина – долговязый, неряшливо одетый, с громоздкими, из прошлого века, компьютерными наушниками на голове.

Бениамин хоть и жил в том же районе, но во дворы заходил редко, тем более в ранний утренний час, когда зритель совсем не тот, что после обеда – расслабленный, готовый получить свою порцию развлечения. Но сегодня закончилась зима, и Бено вышел не за зрителем, а просто так, потому что в воздухе запахло весной. Вышел – и не пожалел. Еще издали заслышав брань, Бено пошел на голос и оказался у злосчастного балкона. Увидев ругающегося в пустоту юношу, Бено остолбенел, потом обернулся и, убедившись, что за спиной не стоит та, на которую направлен праведный гнев, удивился еще больше: «Чего он раскричался? – думал Бено, силясь постичь замысел происходящего. – А главное, для кого? Зрителя-то нет. Репетирует, что ли?»

Юноша с балкона почти сразу споткнулся о взгляд рассматривающего его незнакомца, сбился с мысли и замолк. Наброситься на незнакомца Константин не мог – незнакомец был мужчиной, а Константин ругался только с женщиной, во всяком случае с этого балкона и в это время суток. Что делать дальше, Константин тоже не знал, но мизансцена с двумя уставившимися друг на друга мужчинами стала беспокоить Константина, и он пригрозил незнакомцу кулаком. Незнакомец усмехнулся, что вконец разозлило Константина, и он выкрикнул грозное нечленораздельное короткое слово. Незнакомец усмехнулся еще раз, а потом спросил:

– Ты здесь живешь, что ли?

– Да, – почему-то ответил Константин.

– А я вот мимо проходил. Сегодня ревизия, дел много, без меня ничего не могут... – начал было Бениамин, но почему-то осекся и замолк. Что-то было не так и не доставляло ни малейшего удовольствия.

– Ну, я пойду, – сказал он вдруг поспешно, повернулся и пошел прочь.

Юноша на балконе смотрел незнакомцу вслед, пока тот не скрылся из вида, а когда остался один, не стал больше продолжать свой ритуальный поединок и ушел с балкона, раздраженно хлопнув дверью – день был безвозвратно испорчен.

Следующим утром повторилось все то же самое, и на следующий день тоже. Бено подходил к балкону, минут пять в упор разглядывал Константина, усмехался и уходил, в очередной раз отбив у Константина охоту продолжать свою зловонную тираду. Но на третий день Бено не пришел и больше под балконом не появлялся. Константин думал о Бено постоянно. Определенно он хотел бы увидеть его снова. Зачем? Возможно, для того, чтобы пригрозить ему как следует кулаком, а то и стукнуть по голове больно и посмотреть, что будет дальше. И однажды эта встреча случилась.

Теплым апрельским полуднем Константин сидел на скамейке, стоящей вдоль футбольного поля неподалеку от дома. Со спины он был похож на огромный черный, оставленный кем-то полиэтиленовый мешок мусора, начинающий подгнивать под напекающим солнцем. Просыпающаяся природа пугала Константина, мысли не собирались в комок, да и собирать их было лень. Сегодня на балконе он не выговорил и половины своей тревоги, многое осталось внутри и тихо болело.

Бено, приметивший Константина еще издали, бодрым шагом приблизился к юноше и сел рядом. Константин испуганно отпрянул, приняв готовность к нападению, но на всякий случай для начала всмотрелся: Бено наблюдал за играющими в футбол мальчишками и излучал неведомое Константину умиротворение.

Молчали.

– На балкон сегодня выходил? – неожиданно спросил Бено.

Услышав о балконе, Константин встревожился и вспомнил о своей боли, а когда вспомнил о боли, то вспомнил и сопроводительный текст:

– Посмотри на себя, тварь паскудная, шалава смрадная... – пробурчал он, как всегда, в никуда.

- Да пошла она... – бодро парировал Бено.
- Кто? – очнулся Константин.
- Как кто? Курица твоя, с которой ты ругаешься... Сдохла она давно, а ты все базаришь...
- Как сдохла?
- Ну да, все знают, померла тварь... А ты все ругаешься... А зачем? Сдохла ж курица-то...
- Нет, – неуверенно промямлил Константин.
- Как это нет, если да. Как там ее звали?
- Кого?
- Тьфу на тебя! Во дурак! Да бабу твою звали как?
- Шлюха... – мрачно пробурчал Константин.
- Ну! Я и говорю, умерла твоя шлюха, как раз этой зимой. Лично на похоронах был.
- Умерла?
- Умерла. Лично на похоронах был.
- Умерла?
- Во дурак человек... Как тебе еще объяснить? А ты все ругаешься... Ты что, умом, что ли, тронулся?
- Нет, – ответил Константин.
- Ну тогда пошли, – решительно произнес Бено и потащил Константина в люди.
- Бено втоптал Константина в гущу рыночной толпы и громогласно объявил ревизию. Скучающие торговцы местичкового рынка как будто только того и ждали.
- Бено, что ж ты не предупредил заранее? – выкрикнул первый, радостно приняв предлагаемую игру.
- Хитрый ты, Бено джан! – ликовал второй.
- Бено честный, предупреждать не будет, да, Бено джан? – говорил третий.
- Бено джан, я тебе взятку дам, только не наказывай меня, – не унимался первый.
- Бено тем временем важно обходил лотки, осматривал их, делал замечания, брал фрукты, если угощали, и следил, чтоб Константин не отставал.

— Помощник мой, — объяснял он, хлопая Константина по плечу. Народ ликовал.

Константин, покорно наблюдавший за происходящим, поначалу недоумевал, смутно предполагая, что никакой Бено не ревизор, а скорее всего псих обычный, но уже очень скоро успокоился и принял условия игры, потому что быть помощником ревизора все-таки приятней, чем тем, кем он был все свои двадцать лет — Костиком-идиотом. И потом, у него никогда не было друга. Впрочем, мысли Константина по поводу новых обстоятельств, возникших в его жизни, были несколько короче и вряд ли четко сформулированы, но с тех пор никто не видел Константина на злосчастном балконе, извергающим проклятия в адрес той, что владела его больной душой, потому что той зимой она умерла, равно как и весь его черный мир, приносивший каждодневную боль.

Январь 2020

ДРУГАЯ ЖИЗНЬ

Занавеска на открытом нараспашку окне вздувалась парусом от вторгающегося в комнату теплого ветра. Было начало июня. В знаменитом доме Дзкан ханут в центре Еревана в окружении детей, внуков и правнуков умирала Эрикназ, не дотянув месяца до девяностолетия.

Это лето она ждала особенно. Зимой слегла окончательно, но так не хотелось умирать, еще раз не увидев свой город утопающим в зелени, не вдохнув его живительного, как амброзия, воздуха, наполняющего душу жизнью. Ереван всегда держал необрезанной пуповиной, которая натягивалась как тетива, но никогда не рвалась. Дети Эрикназ побывали в Париже, в Америке, младшая внучка даже в Индии, а сама Эрикназ только пару раз в Москве, раза три в Сочи, в Тбилиси у тетки в гостях, да, пожалуй,

и все – ей хватило. Эрикназ любила быть дома: ни одно другое место на земле не придавало столько смысла ее существованию, а проще говоря – сил.

Квартиру в доме Дзкан ханут мужу Эрикназ дали в пятидесятом. Дом стоял на самой окраине города, но был просторным и новым, из розового туфа и с высокими потолками. Двое из трех ее детей к тому времени уже родились, а в этом доме родился их сын. Уже пять лет, как не было войны – начиналась другая жизнь.

Послевоенный Ереван был провинциальным городком, совсем не таким, как сейчас – шумным и необъятным. Ереван разросся у нее на глазах, и однажды их некогда новый необжитой дом на окраине города превратился в знаменитый дом с историей в самом его центре. Старого Еревана больше не существовало, как и ее родителей, брата, сестер, яблоневого сада во дворе ее детства и всей ее жизни, от которой осталась одна последняя капля.

– Приходил твой отец, – слабым голосом выговорила Эрикназ.

– Во сне? – спросила Манэ, старшая дочь.

– Нет... Принес мне горсть орехов...

– Орехи во сне – к богатству, мама, – сказала Манэ, решив, что своей невозмутимостью успокоит мать.

– Нет... – еле слышно произнесла Эрикназ.

– Как нет? Точно к богатству.

Возражать не было сил, и Эрикназ замолчала. Это был не сон. Вазген действительно приходил, и она вспомнила тот день из почти забытого прошлого, когда муж принес ей горсть орехов. Почему она вспомнила его сейчас? В ее жизни было столько других счастливых дней...

Утро началось с нервозности. Вардан отказывался идти в школу и задерживал остальных. Эрикназ обессилено посмотрела на мужа в надежде на то, что тот поговорит с сыном, но Вазген был безучастен как и всегда, когда дело касалось детей. Считалось, что дети – прерогатива жены. Так оно и было. Эрикназ приняла это сразу и почти не роптала, только уставала очень, особенно когда один за другим дети стали входить в подростко-

вый возраст. С дочерьми еще как-то удавалось найти общий язык, но сын на какое-то время стал совсем неуправляем.

Поняв, что помощи от мужа не будет, Эрикназ собрала девочек и вышла из дома. Она шла, силясь не плакать: «Только не сейчас, только не сейчас – ученики сразу все поймут». Дочери понуро плелись рядом.

Дети отца почитали, стеснялись и даже побаивались, но никогда не входили с ним во взаимодействие. И даже единственный сын старался не оставаться с отцом наедине, не умея себя с ним вести. Через четверть часа Вардан стал догонять маму с сестрами, недовольно влача за собой портфель. Эрикназ облегченно вздохнула.

– Папа что-то сказал, да? – только спросила она.

– Нет, – пробурчал Вардан, демонстрируя нежелание поддерживать беседу.

– Мамочка, доктор пришел, – прошептала Манэ.

Эрикназ с трудом открыла глаза. В лучах летнего солнца стоял молодой врач с красивым лицом.

«Красиво...» – подумала Эрикназ и зажмурилась. Манэ торопливо заслонила луч солнца тяжелой гардиной. Эрикназ снова открыла глаза. Доктор присел рядом, взял обеими руками ее руку и улыбнулся.

«Красиво...» – успела подумать Эрикназ и застонала от боли.

После укола боль ушла, но и сама Эрикназ стала проваливаться куда-то, не ощущая под собой тверди.

Их яблонево́ый сад, не давший умереть от голода в войну. Ей семнадцать лет. Она сидит в саду с мамой, чистит ягоды смородины от веточек и листиков. Пришла Валя, соседка, о чем-то перешептывалась с мамой. Потом мама сказала, что Вазген, сын Сирануш, хочет свататься к ней. Вазген – герой, прошел всю войну, весь в орденах, красавец, но Эрикназ испугалась. Совсем не хотелось замуж сейчас, когда только-только налаживалась жизнь, когда мама стала меньше плакать по не вернувшемуся с войны сыну, когда впереди была учеба в институте и начиналась другая жизнь.

Эрикназ очнулась наконец, ощутив под собой кровать, и услышала приглушенный разговор дочери с внучкой.

– Ты уверена? – спрашивала Манэ.

– Да, – ответила твердо Гаянэ.

Воцарилась тишина.

– Не вздумай только говорить бабушке, – сказала Манэ после паузы.

Эрикназ и так знала, о чем речь по обрывкам фраз, которые то и дело слышала за последний месяц. Гаянэ решила разводиться с мужем, заподозрив его в измене.

Эрикназ открыла глаза.

– Мама, смотри, кто пришел, – услышала она голос дочери.

Гаянэ, красивая, молодая, улыбалась. Она приблизилась и коснулась губами бабушкиного лба.

Правнуков Эрикназ различала с трудом. Только помнила, кто чей, а имена забывала. А вот внуков помнила хорошо. Гаянэ была младшей дочерью Манэ, родилась семимесячной и запросто могла не выжить. Прошло много месяцев, прежде чем перестали опасаться за ее жизнь, но клеймо семимесячной закрепилось за Гаяне навсегда – она все делала немного раньше срока: экстерном окончила школу, рано поступила в институт, рано забеременела и, как следствие, рано вышла замуж. Мужа Гаянэ Эрикназ тоже помнила – Армен, приятный, воспитанный, а вот кто по профессии, не вспомнила бы ни за что – сейчас столько новых профессий и жизнь совсем другая.

– Бабушка, – ласково сказала Гаянэ, сев поближе. Она гладила руку Эрикназ и о чем-то думала. Почти весь день просидела рядом.

– Бабуль, ты жалеешь о чем-нибудь в жизни? – спросила Гаянэ.

Эрикназ ответила почти сразу, как будто раздумывала над этим вопросом давно.

– Я была хорошей матерью, но плохой женой.

– Ну тебя, бабуль, что ты такое говоришь? Ты самая образцовая жена из всех, кого я знаю.

Эрикназ улыбнулась еле заметной улыбкой.

– До замужества я не успела его полюбить, а после стало не до любви. Столько всего навалилось сразу – один ребенок, второй,

институт, дом, а мне всего двадцать лет. Мне кажется, по-настоящему я полюбила твоего деда, только когда вышла на пенсию, а через два года он умер.

Больше говорить не было сил. Эрикназ закрыла глаза.

В тот день она вернулась с работы чуть раньше обычного. Раскалывалась голова. Нужно было сварить обед, убраться и проверить тетради. Вечера были заняты уроками детей. Что-то изменилось в доме. Она почувствовала это уже с порога. Как будто дом стал чужим. Эрикназ прошла в комнату и сразу заметила, что нет большой сумки в углу, которую муж брал с собой в командировки. Она открыла шкаф и убедилась, что командировочный комплект мужа исчез, а значит, он уехал.

«Странно... – подумала Эрикназ, но тут же решила, что возникло срочное дело, а предупредить он не смог. Наверное, позвонит. Или...»

Эрикназ знала, что Вазген бывает у Гоар. Что может быть общего у него с этой базарной бабенкой лет на двадцать его старше, Эрикназ не понимала и не хотела понимать. Ей была противна мысль о том, что у мужа может быть роман на стороне, она всячески отстраняла от себя эту мерзость, не желая соприкоснуться с тем, что подорвало бы авторитет Вазгена в ее глазах окончательно. В сердце ее вселилась обида не тогда, когда она узнала о Гоар, а гораздо раньше – когда муж отстранился от всего, что называется бытом, взвалив все на ее плечи, ни разу не поинтересовавшись, каково ей. Сначала она списывала холодность мужа на очерствелый за годы войны характер, но потом поняла, что дело не в этом. В семье мужа было так заведено: мужчины жили какой-то своей параллельной жизнью, не считая нужным впускать в нее жену с ее женскими делами, включая детей – ее детей. Муж – это тот, кого уважают коллеги, начальство, кто приносит деньги в дом и кто, придя домой вечером, сосредоточенно поглощает еду, думая о важных вещах – например, о не завезенных вовремя строительных балках, что поддерживает выполнение месячного плана. Но ведь и Эрикназ ува-

жуют коллеги и начальство, ведь и она приносит деньги в дом, у нее тоже есть работа, которая требует душевных сил, а еще есть столько всего другого, что никто не ставит ей в заслугу и никогда не поставит, потому что она женщина – загнанная, уставшая, не выспавшаяся женщина, которая должна...

– Я развожусь с Арменом, бабуль, – сказала Гаянэ как будто про себя.

Эрикназ молчала.

– Он мне изменил, – продолжила внучка оправдывающимся тоном.

Эрикназ молчала.

– А ты бы не развелась, если б узнала, что дед тебе изменяет?

В комнате уже не было так солнечно, как днем. Наступали сумерки. Боль возвращалась. Тень уже укрыла полкомнаты, придавая лицу Гаянэ благородную одухотворенность. Большие настенные часы отставали, тщетно пытаясь продлить чью-то жизнь.

– Бедный твой муж, – тихо произнесла Эрикназ.

– Что? – спросила Гаянэ. – Ты что-то сказала, бабуль?

– Бедный твой муж, – повторила Эрикназ и снова провалилась куда-то, преодолевая нарастающую в теле боль.

Муж Гоар погиб на фронте. Говорили, что в день, когда пришла похоронка, стон Гоар пронесся по Еревану ревом белуги и был страшнее самой смерти, которой в те дни было много. Эрикназ совсем не жалела Гоар и всегда закрывала окна, едва заслышав ее шумный голос, который казался ей мерзким, скрипучим и лживым. Эрикназ не воспринимала Гоар как любовницу мужа (рассудок оберегал ее от той черты, где семья превращалась в карточный домик на пепелище), но ненавидела ее за ту животную, переливающуюся через край необузданную силу, способную поднять любого мужчину на пьедестал и всегда удержать его, падающего оттуда. А что могла дать ему Эрикназ, у которой муж был не на втором и даже не на третьем месте, а где-то на задворках – после детей и работы, которые не терпели невнимания. А муж терпел.

Эрикназ присела на стул передохнуть минут на пять, прежде чем шагнуть в воронку повседневных дел. Болела голова, болела почти каждый день, не хватало сил – обычных человеческих сил.

– Мам, мама... – услышала Эрикназ и узнала голос сына. Открыть глаза не было сил, но Эрикназ смогла слегка улыбнуться. Вардан держал руку матери и время от времени целовал ее. Эрикназ ощутила влагу на его щеках и подумала: бедный мальчик, он не знает, что это не страшно, только немного больно.

После укола стало легче, Эрикназ даже открыла глаза и увидела лицо Вазгена – Вардан был очень похож на отца. Неужели это ее сын – седой, солидный и важный, а не тот тринадцатилетний оболтус, который доставлял столько хлопот?

– Помнишь тот день, когда ты не хотел идти в школу? – спросила Эрикназ, собравшись с силами.

– Помню, – не задумываясь ответил Вардан, – еще как помню...

– Почему тогда ты догнал нас?

Вардан улыбнулся.

– Ты столько лет думала об этом? – Он сжал ее руку и снова поднес к губам. – Я вернулся потому, что отец сказал: «Ты не мужчина, если обижаешь мать».

– Он так сказал? – еле слышно спросила Эрикназ.

Электрический свет горел всю ночь, делая предметы в комнате тяжелыми, а саму комнату неуютной. Ночь была беспокойной. Эрикназ уже не открывала глаз, только время от времени слышала приглушенные голоса родных. Под утро пришло забытие и снова унесло ее в тот зачем-то всплывший из прошлого день, который сейчас был реальней и важней, чем это последнее утро ее жизни.

Эрикназ присела на стул передохнуть минут на пять, прежде чем шагнуть в воронку повседневных дел. В дверь постучали. Зашла соседка, вроде бы за утюгом. Как-то странно озиралась, останавливая взгляд то на куртке Вазгена, то на его стоящих в углу гантелях. Вскоре ушла, так и не забрав утюг, оставив за собой шлейф гнетущей недосказанности.

«Он позвонит вечером. Непременно позвонит и скажет, что в командировке. Так уже было однажды», – думала Эрикназ, пытаясь отогнать нехорошие мысли. Брак по сватовству не принес счастья – они так и не сблизились по-настоящему, а в последнее время и вовсе отдалились. Его природная сдержанность, ее природная робость распирали создавшуюся брешь изнутри, освобождая место для невысказанных обид и молчаливых упреков. Каждый думал, что все понятно без слов. Иллюзия...

Вечер – тот вечер, когда заливалась смехом Люсинэ от вида надетой наизнанку футболки Вардана; когда Вардан великодушно решил продолжить учебу в школе, на время спрятав с трудом дающееся становление личности; когда Манэ сосредоточенно расплетала косы, забавно сооруджая прическу гранд дамы на голове, спеша стать взрослой; тот вечер, когда Вазген открыл ключом дверь своей квартиры, оставил большую сумку в прихожей, вошел в комнату и под удивленным взглядом детей протянул Эрикназ горсть орехов. Эрикназ подставила навстречу ладони...

– Мама, мамочка, – шептала Люсинэ уже издалека.

«Смейся, дочка, смейся» – последнее, о чем подумала Эрикназ, и ушла в другую жизнь...

Июнь 2017

ОПУС С МНОГОТОЧИЕМ

Ашхен вышла замуж по большой и светлой любви к той жизни, которой не жила никогда и которая вдруг замаячила на расстоянии вытянутой руки в тот день, когда предложение ей сделал сам Ованес Карахан, знаменитый на весь мир художник, армянин по происхождению, проживавший в Америке. В Армению Карахан наведывался раз в год для того, чтобы, как сам он это называл, «иметь натуру», опрометчиво дословно переводя мысль с английского. «Натура», в отличие от остальных слагаемых совре-

менной Армении, не подводила никогда. Природа, горы, лица неизменно радовали глаз художника, однажды осознавшего метафизическую связь с родиной предков.

Молодость – яркую, беспорядочную, алчущую славы, денег, творческого экстаза, – Карахан провел в нью-йоркской богемной тусовке, преуспел, прославился, женился на художнице своего круга. С Дженнифер их линии жизни наложились одна на другую с точностью до микрона в возрастном отрезке от двадцати семи до тридцати трех, избавляя от необходимости объяснять очевидное – шкалу приоритетов, отсутствие постоянного местожительства, марш-броски с продолжительностью в полгода из Нью-Йорка в Париж, Лондон, Амстердам, обратно в Нью-Йорк. Ованес ценил эту общность взглядов, так облегчавшую жизнь, но гораздо больше ее чувственные губы, покрытые умелой рукой художницы ярко-красной помадой, и то чувство эстетики, которое Дженнифер приносила в любое пространство и которым Ованес был сильно озабочен в тот период своей жизни.

Совпадение оказалось временным – линия жизни дала разветвление: у Карахана изменились приоритеты. Дженнифер не поспевала. Они расстались мирно, пожелав друг другу счастья. Карахан так и не понял, любила ли его Дженнифер, неприятно удивившись легкому, как и вся их жизнь, расставанию. Следующим одиноким утром вздохнул со светлой грустью о чувственных губах, а через полгода узнал о гибели Дженнифер в автокатастрофе, положившей начало его затянувшемуся кризису, который обнаружил их так и не оборванную связь.

Спустя годы по истечении очередного опустошающего душу романа Карахан решил, что хватит межгалактических метаний от одной женской галактики к другой, и в очередной раз приехал на родину предков в надежде на успокоение. Снял комнату в доме сельской учительницы – душевной женщины с уютным взглядом. Весь день проводил на пленэре, домой возвращался с заходом солнца. Ашхен жила по соседству и поначалу привлекла взгляд Карахана лицом, красоту которого он не заметить не мог, а потом и перспективой наконец обзавестись тихой семейной жизнью, которую к своим пятидесяти годам Ованес стал ценить превыше

прочих земных благ. А тут еще душевная учительница по вечерам не без благих намерений нахваливала юную соседку, с наивной простотой подчеркивая те ее качества, которые Карахан считал пережитками прошлого. Из витиеватых речей учительницы Карахан понял только то, что девушка не против, и задумался. Думал не долго. Ашхен была свежа, прекрасна и так далека от всех знакомых ему по прошлой жизни женских галактик, что Карахан решился. Линии жизни двадцатидвухлетней Ашхен и сорокадевятилетнего Ованеса пересеклись и переплелись в серпантин араратских виноградных лоз, в благородной надежде когда-нибудь превратиться в вино.

Молодожены поселились в Нью-Йорке на девяносто втором этаже жилого небоскреба, от высоты которого у Ашхен перехватывало дыхание. Первые два года дыхание у Ашхен перехватывало постоянно — от жизни на другой планете, от пестроты впечатлений, от того, что мечты сбываются. В картинах мужа Ашхен так и не разобралась, не сумела найти в них понятной для себя красоты, но усилие над собой сделала: прочитала про импрессионизм и забыла через минуту о прочитанном с чувством выполненного долга. Через год сносно изъяснялась на английском, а весь второй год проходила беременная и блаженная, в безмятежной уверенности, что счастье будет вечным.

Карахан протрезвел первым. Через две недели после свадьбы он уже не понимал, с чего вдруг решил, что жизнь с девочкой из армянской деревни принесет ему долгожданное счастье. Мысль была отупляюще очевидной, подвергать ее сомнению было бессмысленно, оставалось настроиться на долгосрочную инвестицию и ждать дивидендов. Рождение ребенка стало одним из них. Ованес младший родился на Рождество и смёл своим появлением все сомнения по поводу опрометчивости этого брака. Отныне было не до интеллектуальной рефлексии на тему гендерных взаимоотношений. Карахан решил для себя, что смысл брака в продолжении рода, и успокоился.

Ашхен нырнула в материнство с безостаточной любовью и вынырнула из него, только когда сыну исполнилось пять. Осмотрелась, осталась довольна проделанной работой и хронометражем

событий. Страданий мужа Ашхен не замечала. Карахан был добр, улыбчив, неагрессивен и всегда молчалив. Откуда было знать девочке с другой планеты (на которой недовольство мужчины всегда видно и слышно по вздрогнувшей в доме посуде от удара кулаком по столу), что на этой не ее планете все иначе – что мужчины, даже те, что старше на целую жизнь, могут страдать тихо, незаметно для ее привыкшего к экспрессии чувств взгляда, но предательски разрушительно для всего ее мира, в котором она не совершила ни одной ошибки.

Ашхен все делала так, как делали ее предки женского рода, передавшие ей ген правильной жены, надежно зашитый в геноме, не дающий шанса насладиться другой жизнью, которую ни бабка, ни мать не могли себе позволить, и поэтому выпестовали тот ген не для счастья – для выживания. В режиме «жена» ген активировался и толкал, как локомотив, свою отработанную веками программу. Это он, этот микронный отрезок ДНК, заставил Ашхен отказаться от домработниц, взвалить на себя все заботы о быте, нести их неистово безупречно, как будто от надраенного в ванной кафеля зависит баланс добра и зла во вселенной, выискивать в Нью-Йорке мацун¹ для спаса², везти из Армении виноградные листья для толмы, умудриться хранить жбан с солеными огурцами на девяносто втором этаже нью-йоркского небоскреба и собственноручно печь торт на дни рождения сына, демонстративно пренебрегая услугами лучших кондитеров. К вечеру Ашхен валилась с ног и засыпала в праведном изнеможении, для того чтобы утром снова быть правильной женой.

Но сегодня волна счастья, подхватившая ее в день, когда Карахан сделал ей предложение, и пронесшая все семь лет слегка над поверхностью земли, вынесла ее на берег.

Ашхен опустилась в кресло возле электрического камина, глаза закрылись сами, день почти закончился, но мысли все еще витали в круговерти ежедневных забот. Не забыть, успеть, сделать, сделать, сделать, не забыть... Огни большого города уже за-

¹ *Мацун* (арм.) – национальный кисломолочный напиток из ферментированного молока.

² *Спас, или тананур* (арм.) – блюдо армянской кухни, суп на кисломолочной основе.

жглись, превратив Манхэттен в сказочное королевство в облаках. Ованес любил огни Нью-Йорка, они напоминали ему о молодости и Дженнифер. С Ашхен он разговаривал редко, в основном о ребенке. По вечерам было одиноко. Иногда даже страшно. Он сам не понял, как произнес это вслух, просто услышал свой голос со стороны:

– Знаешь, у меня была подруга в молодости, ее звали Дженнифер. Никто никогда не понимал меня лучше. С ней никогда не было пустоты...

Ашхен открыла глаза. Это и был тот момент, когда ее, наконец, выбросило на берег. В словах Ованеса прозвучало что-то обидное. Что именно, она пока не понимала. Но что-то определенно очень обидное. Воспоминание о другой женщине? Нет, не это... Никто никогда не понимал меня лучше... С ней никогда не было пустоты...

Ашхен молчала. Ей было двадцать два, когда она встретила Карахана, она училась где-то... Ах да, в институте, в который ездила по часу туда и обратно – институт был в Ереване, она жила в деревне, все ее предки жили в этой деревне – как-то жили, трудились, учились, мечтали. Как давно это было!.. Сейчас ей почти тридцать, и она что-то упустила.

Ованес все еще стоял у окна, но был где-то далеко, там, где Ашхен не место, где царят свободолюбивые, талантливые, непокорные женщины, у которых вместо гена жены – ген рукокрылых богинь, превращающий незначительный день в самый важный из всех прожитых. Ованес вспоминал их с Дженнифер вечера – в них не было пафоса, но и спертого от прозаичности воздуха не было. Тогда ему казалось, что Дженнифер одна из многих, а оказалась – просто одна...

– А она хорошо готовила? – вдруг услышал он сдавленный голос Ашхен.

– Что? – очнулся Ованес.

– Та твоя подруга хорошо готовила?

– Дженнифер? Не помню, чтоб она готовила, – поморщился Ованес...

Октябрь 2022

ВЛАДЛЕН ЛЕВИН

Родился в 1988 году в Новосибирске. С 1923 г. живет в Ереване. Занимается литературным и музыкальным творчеством. Под влиянием произведений Егише Чаренца и Альфреда де Мюссе начал поиски новых форм. Значительное воздействие на его авторскую манеру оказала китайская пейзажная лирика, традиции которой находят отражение в его стихах.

В ЯНТАРЕ ЗАСТЫВШЕЕ ВРЕМЯ

ПТИЧИЙ КЛИН

Восхваляю озеро Вардавар.
Осенняя дымка укрывает золотые деревья,
Два белых облака над любимым городом, как озера,
Я вижу птицу летящую, в янтаре застывшее время,
Вдали Арарата вершины видны – наши великие горы.

НЕЧАЯННО

Пробрался лист акации в чайник,
Спрятался в зелени, накрылся крышкой.
Может и я в этом времени путник случайный,
Кричаще яркий, выразительно лишний.

ПАУТИНА

Паутина в углу как парус,
И в тени ее спит пират,
Ловит ветер и ждёт добычу.
Первым дрогнет сигнальный канат.

ГОРЫ

Вижу родные горы,
Чайка плывет по озеру,
Зима сюда не приходит,
Живем будто в поздней осени.

Город дремлет под дымкой,
Земля укрылась инеем.
Солнце греет улыбкой,
Небо синее-синее.

ТУИ В ПАРКЕ

Туи в парке стоят сторожами,
В две колонны построили их вдоль дороги
И, зеленый мундир поправляя ветрами,
О бессмысленной новой войне
Они размышляют с тревогой.

МОИ УЧИТЕЛЯ

Мои учителя уж тысячу лет мертвы,
Чайные деревья сквозь кости их проросли,
Но, как черенки из старых деревьев растут,
Их стихи до сих пор на устах шелестят.

Я ЧАСТО ВИЖУ НЕБО В ЕРЕВАНЕ

Я часто вижу небо в Ереване,
Дома не закрывают высь, как крышка гроба,
В других же городах бывая,
Жалею, люди строят так убого.

Дышать там нечем, но не из-за дыма,
На грудь мне давят глыбы пластиковых стёкол,
А здесь природа так пуглива и красива,
Но не спугнул её народ, что строил город.

АРМЕНИЯ

На озере розовых вод,
В стране высоких гор,
Где близок ко мне небосвод,
Я место свое нашёл.

Хочу я здесь жизнь прожить,
Хочу я здесь умереть,
Посмотрим удастся ли мне,
Желанье свое воплотить.

ВЕТЕР ЧИТАЕТ КНИГУ

Ветер читает книгу,
Солнце дорогу стелет
По озеру золотую.
Час пролетает мигом,
Дела пусть несутся мимо,
Уйти отсюда смогу ли?

СОБАКИ ЛУЧШЕ ЦЕНЯТ МГНОВЕНЬЯ

Лежу на траве, как собака,
А птицы заходятся трелью –
Какие-то важные вести
У птиц этой весной:
Наверное, греет солнце,
Наверное, свежий ветер,
Наверное, мир не знает,
Как прекрасно это мгновение.

ТЯЖЕЛАЯ РАБОТА У ПОЭТА

Тяжела работа поэта –
Душу блюсти в чистоте,
Покой соблюдать в суете.
По озеру чайкой плыть.
На время нирваны бывшее забыть.
Клеша¹ и ашая² преодолеть,
В час У³ дать чайке взлететь
И сесть – записать, что узрела она, летя
Над людьми, над горами, над городами,
И немного подыгрывая, шутя,
Заклинить словами колёса Сансары⁴.

¹ *Клеша* – по буддийской традиции омрачения сознания: страсти, привязанности, гнев, неведение и другие состояния, препятствующие духовной ясности.

² *Ашая* – глубинные склонности и отпечатки сознания, определяющие восприятие мира и поведение человека.

³ *Час У* – в китайской традиции час Лошади, время около полудня, связанное с максимальным подъёмом янской энергии.

⁴ *Сансара* – «колесо существования» в буддизме; образ бесконечного круговорота жизни и обусловленности. «Заклинить колёса Сансары» – метафора мгновения, когда человек выходит из власти привычного течения вещей.

**АННА СУХАРЕВА-АНОПЬЯН,
ЛАРИСА И ВЛАДИМИР ЯГУБЯНЦ**

ДИНАСТИЯ АНОПЬЯН

Приоткрывая занавес

Сильный дух династии Анопьян заложен в поколениях. Каждый из членов этой творческой семьи по-своему старался изменить мир к лучшему, опираясь на знания предков, гармонию человеческих ценностей и любовь к ближнему. Поэты, художники, философы, музыканты и артисты. Их имена украсили список известных и талантливых деятелей культуры конца девятнадцатого века и века двадцатого.

Оноприос Яковлевич Анопьян (1873–1934) – поэт, переводчик, видный деятель культуры Серебряного века, которого в «Антологии армянской поэзии» упоминает Валерий Брюсов. Его сын, художник Арменак Оноприосович Анопьян (1908–1976) – один из любимых учеников академика батальной живописи Николая Семеновича Самокиша. Племянник поэта Николай Григорьевич Козодьян (1912–1992) – художник-анималист (член Союза художников, секция МОССХ), артист Театра имени К.С. Станиславского и В.И. Немировича-Данченко. Любимая племянница Оноприоса Анопьяна Изабелла Григорьевна Данзас (урожд. Козодова, 1907–1994) – народная артистка Армянской ССР, ее имя неразрывно связано с Театром музыкальной комедии имени А.Пароняна в Ереване.

География их жизни обширна: Нахичевань-на-Дону, Крым, Москва и Ереван. Представляем вниманию читателей «Литературной Армении» историю, одну из многих, из жизни династии Анопьян-Козодовых-Данзас.

*Анна Сухарева-Анопьян,
ведущий проекта «Из холодной тьмы небытия...»,
посвященного восстановлению забытых имен*

ГАЙК И ИЗАБЕЛЛА ДАНЗАС

Гайк и Изабелла Данзас – творческий и семейный дуэт, который до сих пор помнят ценители театрального искусства 50-х – 80-х годов XX века. Супруги посвятили сцене всю свою жизнь: они стояли у истоков создания армянской оперетты, несколько десятилетий прослужили в театре имени Пароняна в Ереване, который с благодарностью хранит память о блистательном дуэте. Начался их творческий путь в городе Нахичевань-на-Дону более века назад.

В середине 1890-х годов, когда репрессии против армянского населения в Османской империи стали нарастать, из города Вана выехали в поисках лучшей жизни юноша по имени Хачатур (Христофор) Бинаян с женой Евфимией и его братья с семьями. Через Константинополь и Одессу Бинаяны приехали в Нахичевань-на-Дону, небольшой армянский город на юге России. Хачатур занялся мелкой торговлей, семья стала обживаться на новом месте. 10 (22) мая 1897 года (в официальных источниках ошибочно дается 1899) родился их первенец – Гайк.

Местные жители любили театр, тепло принимали гастролирующие труппы, а в самой Нахичевани уже долгое время существовало Общество любителей драматического искусства. Силами актеров-любителей ставились популярные спектакли и небольшие пьесы, написанные местными авторами. А в 90-е годы XIX века Общество инициировало постройку здания театра. Спроектированный знаменитым Н.Дурбахом Нахичеванский городской театр открылся в 1899 году.

Семья Хачатура Бинаяна часто бывала в театре. Атмосфера театрального действия производила на маленького Гайка магическое впечатление. Попасть на сцену стало его заветной мечтой, которая осуществилась самым неожиданным образом. В любительском спектакле понадобилась маленькая девочка для небольшой роли. Попытки найти подходящую «актрису» не увенчались успехом, и тогда один из участников труппы, родной дядя Гайка,

привел на пробы девятилетнего племянника. Режиссеру понравился горящий энтузиазмом малыш, роль девочки была наскоро переписана для мальчика, а Гайк, попав на сцену, влюбился в театр на всю оставшуюся жизнь.

Образование его протекало обычным путем: несколько лет в Нахичеванской духовной семинарии, потом учеба в Ростовской гимназии. В свободное время Гайк участвует в антрепризе Соболюшикова-Самарина, в течение двух лет посещает драматические классы артиста МХТ А.Харламова, преподающего актерское мастерство в Ростовском театре. Деньги на оплату курсов тайком от отца дает мать. Кроме того, Гайк старается самостоятельно приобрести необходимые познания в музыке: первым его учителем становится друг детства Илья Шапошников, а по совету своих приятелей и будущих соратников Геворка и Барсега Кушнарвых он в течение полугода ставит голос у профессионального педагога.

В 1915-17 годах Гайк организовал первые ученические концерты и представления. В них он и ответственный распорядитель, и постановщик танцев, и актер, и танцор, и певец, и конференсье... А на афишах подписывается псевдонимом Г.Х. Гаер – забытое в наши времена слово, означающее балаганный шут, комедиант, паяц.

Отец мечтал, чтобы старший сын получил серьезную, уважаемую профессию, и Гайк поступает на юридический факультет Харьковского университета. Однако революция меняет жизненный сценарий. Гайк возвращается в Нахичевань, полный смелых до безрассудства планов – организовать опереточную труппу по западному образцу, с оркестром и балетом. Что может быть более несвоевременным в израненном гражданской войной городе? Но Гайк уверен, что в тяжелые времена людям особенно необходимы радость и смех. К тому же он отличается неумейной энергией, незаурядной силой убеждения и способностью заражать своими идеями.

В начале 20-х в Нахичевань возглавить местную труппу приехал Михаил Ваншир. Он горячо поддержал идею Гайка создать

музыкальный театр. Большинство актеров новой труппы не имели музыкального образования и разучивали арии на слух. Репетиции проходили на частной квартире, не было денег на декорации и костюмы. Но эти «мелочи» не могли помешать молодым артистам. Для первой постановки они выбрали популярную оперетту «Хаджи-Мурат» И.Ф. Деккер-Шенка. Либретто было весьма незатейливо, а музыка строилась на известных кавказских мелодиях и песнях. Перевел либретто с русского языка и адаптировал к армянской сцене по просьбе Гайка драматург Александр Абелян. Дебют состоялся 4 июня 1922 года, и на афише этого спектакля – впервые и на всю жизнь – появляется новый псевдоним Гайка – Данзас, в честь лицейского друга Пушкина.

Выступление прошло с огромным успехом, публика тепло приветствовала рождение нового театра. Второй работой труппы стали «Тайны гарема» В.Валентинова, еще одна модная оперетка «в восточном стиле». Но уже следующий спектакль показал всю серьезность намерений молодежи: Данзас предложил поставить ни много ни мало «Сильву» Имре Кальмана. Главную роль отдали талантливой Анне Хумашьян. Репетиции продолжались полгода, и «Сильва» стала первым настоящим творческим успехом труппы, а роль Бони, доставшаяся Гайку, стала одной из любимых на ближайшие четверть века.

Подготовив еще два спектакля – «Жрицу огня» Валентинова и «Гейшу» Сидни Джонса, актеры решаются на гастроли по Закавказью. Впоследствии, вспоминая об этом, Гайк Христофорович восклицал: «Как могли мы отважиться на такое? Ведь это было таким риском, такой авантюрой!»

Турне «театра самоуверенных», как иронически называл его Гайк, началось в 1923 году в Баку «Тайнами гарема» и «Сильвой» и после семнадцати аншлагов продолжилось в Тифлисе. Оркестр набирали на месте, отчего не всегда удавалось организовать достойное музыкальное сопровождение, но публика принимала молодых артистов восторженно: «Перед нами прекрасно сыгравшаяся, хорошо налаженная и богатая вокальными сценическими силами труппа... Необходимо отметить главное достоинство труппы

пы: ни малейшего грубого шаржа, всё с большим чувством меры, без всякого намерения бить на сомнительный эффект, столь свойственного многим опереточным артистам», – писала тифлисская газета «Заря Востока».

Гастроли продолжились в Ереване, затем в Александрополе, где на труппу обратил внимание Шара Тальян и предложил Данзасу и Анне Хумашьян присоединиться к опереточному коллективу, которым он руководил.

Труппы того времени, как правило, создавались на ближайший театральный сезон, поэтому первые несколько лет Гайк работает с различными коллективами. Выступает в составе труппы Шаэна, Даниэла Дзнуни, окончательно присоединяется к труппе Тальяна. Однако внезапная болезнь запирает его в больнице на долгих два месяца, после чего Гайк возвращается в родную Нахичевань, чтобы начать всё заново. Некоторое время он работает в Ростовском театре оперетты, но мысль о создании собственного театра ни на минуту не оставляет его. Нет ни помещения, ни средств, но зато накоплен немалый опыт преодоления трудностей. Гайк добивается приема у секретаря Северо-Кавказского крайкома Анастаса Микояна, и тот, впечатленный его увлеченностью, выделяет на организацию нового театра 500 рублей. Гайк снова набирает труппу. В нее вошли старые товарищи по сцене, среди которых были поистине одаренные Георгий Кушнарёв и Нвард Алиханян. Данзас восстановил прежние спектакли и обогатил репертуар опереттами Кальмана «Баядера» и «Марица». А для музыкального сопровождения в труппу пригласили молодую пианистку Изабеллу Козодову.

Изабелла Григорьевна Козодова родилась 3 (16) декабря 1907 года в Нахичевани-на-Дону. Ее отец, Григорий Николаевич, был служащим Первого Российского страхового общества, а мать, Розалия Яковлевна (урожденная Анопьян), занималась воспитанием детей. В семье уважали и поощряли занятия искусством. Дома хранились альбомы рисунков деда и прадеда, все члены семьи пели и играли на музыкальных инструментах, участвовали в домашних театральных постановках. Старшие братья Розалии –

Оноприос (будущий известный поэт и переводчик) и Григорий – писали стихи, рисовали, играли на рояле. Сама Роза, окончив местное Гогоевское училище, играла на сцене Нахичеванского общества любителей драматического искусства. Именно она привила своим детям любовь к театру.

Постоянные разъезды и тяжелая работа подкосили здоровье отца семейства: он скончался, когда Изабелле было девять лет, Николаю всего четыре, и незадолго до рождения младшего, Григория. Так Розалия осталась одна с тремя детьми в самое сложное время. Революция и гражданская война уничтожили привычный жизненный уклад. Но даже тогда искусство оставалось важнейшей частью жизни семьи. Дети Козодовых унаследовали артистический и музыкальный талант матери, ее любовь к театру. Изабелла с ранних лет обучалась игре на фортепиано, занималась в детском театральном кружке и детской балетной студии Е.Серовой и со временем стала играть в любительском театре, в котором когда-то блистала ее мать. А Коля с детства проявлял способности к рисованию. Начальное образование он получил в Ростовском художественном училище в классе Е.Н. Гольштейна, затем учился у А.С. Чиненова. Впоследствии Николай станет известен как художник-анималист, но и любовь к театру пронесет через всю жизнь, много лет будет актером на сцене театра имени Станиславского и Немировича-Данченко.

Итак, в 1925 году восемнадцатилетняя Изабелла приглашена в труппу Северо-Кавказского армянского театра драмы и музыкальной комедии как аккомпаниатор. Разносторонняя подготовка позволила ей не только аккомпанировать, но и самой выступать в качестве хористки и в балете. По воле случая судьба ее резко изменилась в декабре 1925-го, когда пришлось заменить исполнительницу роли Стаси в «Сильве». Молодая дебютантка очаровала город. Партнером ее был Гайк, игравший роль Бони, и совместная игра с каждым днем сближала молодых актеров. Гайк стал первым наставником юной актрисы на профессиональной сцене, обучал ее мастерству опереточного жанра. В 1929 году Изабелла окончила Ростовское музыкальное училище и посвятила себя артистиче-

ской деятельности. В новое турне они с Гайком отправились уже вместе.

Начиная с первого совместного выступления в «Сильве», Данзасы почти всегда выступали в характерных ролях, утверждая в оперетте каскадную линию. От исполнителей таких ролей требуется не только артистизм, пластика, чувство ритма и голос, но и чувство юмора, мастерское владение азами буффонады и умение комически обыгрывать детали. Гайк и Изабелла играли во многих театрално-музыкальных коллективах, участвовали в агитационно-массовых мероприятиях. В начале 30-х они с труппой Ростовского театра сатиры объездили Украину, весь юг России, побывали в Туле, Калуге, Москве. Годы работы в театре стали для них временем освоения жанра, покорения вершин искусства комедии. Не оставляли они и попытки создания постоянно действующего театра оперетты, а параллельно с опереттами ставили драмы.

Сезон 1936-37 годов они провели в Тбилиси, играя в Армянском драматическом театре. Тифлисский зритель полюбил Данзасов: пресса писала, что с их появлением Театр заметно ожил. Но и здесь они не задержались. В том же 1937-м они вернулись в Ростов, где проработали три года, когда из литературного отдела Армфилармонии пришла телеграмма: в Ереване решено основать театр оперетты, куда их приглашают на постоянную работу.

К тому времени на афишах рядом с именем Гайка Данзаса появилось новое имя – Изабелла Данзас. Отныне их имена неразделимы, а зрители и критики назовут их актерский дуэт неповторимым образцом в театральном мире.

Данзасы стали солистами Ереванской филармонии. А в следующем году началась Великая Отечественная. И встал вопрос – уместно ли создание театра оперетты во времена, когда люди живут в горе, нужде и лишениях. Но артисты понимали, что радостное настроение, лирическая песня, юмор нужны людям больше чем когда-либо. Не дожидаясь, пока правительство примет решение об открытии театра, коллектив под руководством Шара Тальяна в декабре 1941-го начал репетировать в неотапливаемом театре имени Станиславского два пробных спектакля: «Жрица ог-

ня» Валентинова, и «Уш лини, нуш лини» (Лучше поздно, да лучше) Г.Ерицяна. Спектакли прошли с большим успехом, а сборы от «Жрицы огня» были переданы в фонд по созданию танкового батальона.

22 июня 1942 года состоялось «официальное» представление театра, показавшего оперетту по пьесе Р.Нельсона «Король веселится» в постановке Т.Сарьяна, где Гайк играл Ромео Бичурдана, а Изабелла Джульетту.

Бригады артистов регулярно выезжали в военные части и госпитали, где были желанными гостями, радовавшими своим юмором, песнями и музыкой. Дансасы участвовали во всех выездах, дали около тысячи шефских концертов.

После войны они всецело посвятили свою жизнь подъему армянской оперетты. Вместе с такими выдающимися деятелями искусства, как Арам Тер-Ованесян, Шара Тальян, Артемий Айвазян, Вардан Аджемян, они в течение многих лет терпеливо, подвижнически создавали армянский национальный театр музыкальной комедии. Появились замечательные спектакли «Кум Моргана» А.Ширванзаде, «Вольный ветер» И.Дунаевского (Пепита и Микки, характерные роли), «Принцесса цирка», «Марица», «Филка Монмартра» Кальмана, «Моя прекрасная леди», «Много шума из ничего», «Укрощение строптивой» Шекспира (спектакль, в котором Изабелла играла Катарину, а Гайк – Грумио, оставался на сцене очень долго и пользовался большим успехом). И конечно же, через всю долгую жизнь Дансасов проходит «Сильва». Когда-то этот спектакль соединил их в ролях Бони и Стаси, а спустя много лет супруги с блеском играют в нем характерные роли родителей Эдвина.

Ставятся и национальные оперетты: «Леблебиджи» («Каринэ») Тиграна Чухаджяна, «Восточный дантист» Акопа Пароняна, «Капказ тамаша» Чаренца (Дансасы играют здесь супругов Карчикян и доводят до совершенства прием гротеска), «Храбрый Назар» Дереника Демирчяна (образы Назара и Устиан – одна из самых больших творческих удач Дансасов, спектакль игрался около пятисот раз).

В 1950 году они получают звание народных артистов Армении. За творческие достижения в области советской культуры и искусства награждаются орденом «Знак Почета».

Был у Данзасов и опыт работы в кинематографе: в 1963 году они снялись в фильмах «Четверо в одной шкуре» и «Путь на арену». Еще в четырех фильмах Гайк Христофорович снялся в эпизодических ролях.

В 1973 году в Ереване небольшим тиражом вышла в свет на армянском языке книга Гранта Лалаянца «Данзасы» – итог длительных бесед автора с актерами. В ней много уникальных воспоминаний, малоизвестных фактов, рассказов от первого лица о начале творческого пути замечательного театрального дуэта и любимых ролях. К сожалению, книга не переведена на русский язык, но потомки семей Анопыян и Козодовых работают над подготовкой издания.

В последние годы жизни Гайк Христофорович Данзас совмещал сцену с работой в Ереванском художественно-театральном институте, передавая молодежи свой богатый опыт. Он скончался 22 марта 1977 года. После смерти мужа Изабелла Григорьевна продолжила служить в родном театре и даже в 90-х, в преклонном возрасте, выходила на сцену в возрастных ролях. Она скончалась 6 сентября 1994-го и была похоронена в Ереване рядом с мужем.

Данзасы — редкий пример артистического долголетия. Трудно найти в истории армянского театра другую пару, которая служила бы искусству в течение десятков лет. Сами Данзасы вели отсчет своего полувекового совместного пути в искусстве с 1926 года – со дня первого бенефиса Изабеллы. Так что в нынешнем году этому блистательному опереточному дуэту армянского театра исполняется целый век.

*Использованы материалы из архивов семей
Анопыян, Козодовых и Бинаян*

ТАТЬЯНА ЯНГАЙКИНА

ЭЧМИАДЗИНСКИЙ МОНАСТЫРЬ ГЛАЗАМИ ЗАКЛЮЧЕННОГО ДУБРАВЛАГА

Мой путь к исследованию армянской души начался не с архивных полок, а с простой человеческой встречи, изменившей мой научный вектор. В Саранске судьба свела меня с удивительным человеком – мастером Ишханом Джанибековичем Чахояном. Годами я приносила обувь в его мастерскую, даже не подозревая, кто стоит за безупречным трудом обувщика, пока однажды в августе 2018-го не встретила его лично.

Передо мной стоял человек с глубокими, мудрыми карими глазами и мягкой, застенчивой улыбкой. Наш случайный разговор о туфлях на высоком каблуке внезапно перерос в нечто большее. Ишхан Джанибекович с гордостью и легкой грустью рассказал о своих корнях и об отце – известном строителе, созидавшем облик нашего Саранска.

Когда я, движимая профессиональным интересом, не нашла упоминаний о его семье в библиотечных книгах об армянской диаспоре, мастер с горечью произнес: «Жаль, что отец так много сделал для города, но не останется в его памяти». Эти слова отозвались во мне глубокой болью. Именно тогда мой научный азарт превратился в искреннее человеческое обещание. Я сказала ему: «Найдите тех, кто помнит вашего отца, сведите меня с людьми, которые работали с ним плечом к плечу и знали его в деле. Соберем по крупицам воспоминания, и я сделаю всё, чтобы история вашего рода зазвучала и осталась в памяти города».

Именно общение с ним стало той самой искрой, из которой выросло мое желание по-настоящему глубоко изучить прекрасный и мудрый мир армянской культуры. То, что началось как

случайное знакомство, открыло для меня большое путешествие в глубь армянской культуры.

И уже в сентябре 2019 года на конференции в научном институте я представила историю Джанибека Чахояна (отца Ишхана). Мой рассказ был о том, как через простой, но благородный труд плиточника создавались уют и красота нашего Саранска. Я привела факты о его работе, которая год за годом облагораживала облик столицы Мордовии. Слушатели увидели в этом не просто биографию, а искренний пример того, как человек оставляет добрый след в истории города и своей семьи. И это было приятным подарком ко дню рождения Ишхана Чахояна.

Говорят, что лучший подарок – тот, который сделан своими руками. Но как быть, если он создан за колючей проволокой? Многие до сих пор видят в резных нардах или четках из оргстекла только тень криминального мира, но я смотрю на это иначе. Для меня это прежде всего работа мастера – ведь талант остается талантом даже в неволе.

В наших колониях производят всё: от формы и мебели до детских площадок и сувенирных ножей. И хотя сейчас у ФСИН есть официальный торговый дом, самые уникальные, штучные вещи – те, что делаются по душе и по особому случаю, – никогда не попадают на прилавки. Они создаются для конкретных людей. Таким конкретным покупателем «блатного подарка» оказалась и я. И за ним стоит целая история, о которой я хочу рассказать по порядку.

Моя студенческая подруга Нинка Резепова (ныне Нина Ивановна Егорова) имела непосредственное отношение к «местам не столь отдаленным», а конкретно свой восьмилетний трудовой стаж получила в должности заведующей складом пищеблока в Явасской зоне (поселок Явас Зубово-Полянского района РМ) в период с 1999 по 2007 год. Через ее руки проходила вся провизия для заключенных – от свежей рыбы до черного чая. О, черный чай – излюбленный напиток осужденных, из него как раз готовили чифир, ставший неотъемлемой частью тюремной культуры.

Так бы и работала Нина, юная красавица из села Лесное Цибоево Темниковского района, если бы не ее желание покорить

столицу России. Именно в Москве она встретила своего мужа, талантливое гармониста, самородка из ансамбля «Разгуляй», своего земляка Алексея Егорова. На этом зона осталась только в записях трудовой книжки, но не в памяти Нины.

Прошли годы. Связь с Ниной держали редко, но метко, то есть не забывали поздравить друг друга с днем рождения и со Светлой Пасхой. Все же неожиданный звонок от меня для Нины оказался действительно удивительным, да и просьба – тем более ошеломляющей:

– Нин, ты же много лет работала на зоне, остались же друзья там. Мне нужен необычный подарок для армянина. Мне нужны нарды самого большого размера, яркие, красивые, и вырезать на них надо Эчмиадзинский монастырь.

Сколько было у меня радости, когда Нина сказала:

– Все, жди, будут тебе нарды. Попросила Майора (знакомый моей подруги, именно он договорился с братком) – он нашел одного братка (осужденного), да рукастого такого.

Молодой парень (сын подруги) должен был приехать из Яваса и привезти мне подарок.

9 сентября в здание моего института зашел юноша, позвонил по внутреннему телефону и в итоге поднялся в наш отдел. Развернув мой «шеш-беш», я увидела распечатку снимка, который я передала Нине для работы тому самому «резчику по дереву». О Боже, я была в восторге от увиденного! Какое величие, какая стать монастыря – как на передней крышке, так и на нижней части. Храм стоял во всей своей красоте. А подарок предназначался для именинника – уважаемого в Мордовии армянина Ишхана Чакхояна, ко дню его рождения (12 сентября). Благодаря ему у меня появилась научная стезя – глубокое исследование армянской материальной и духовной культуры в нашем регионе.

В 15:00, по приглашению мастера сапожных дел, я вручила ему свой особый подарок. Я попросила всё-таки развернуть подарок сразу, когда заметила, что он просто хотел отложить его в сторону, к остальным ранее подаренным коробкам.

Ишхан Джанибекович не смог скрыть удивления и волнения, когда увидел изображение того самого монастыря, где в далеком

1966 году десятилетним мальчиком принял крещение. Снимок для этой работы мне передала Лия, жена его брата – я бережно сохранила его копию для своей статьи, но именно сейчас эта деталь обрела особый смысл.

Передо мной сидел взрослый, статный армянин с благородной проседью и глубоким, пронизывающим взглядом. Было видно, как он волнуется: он то смотрел в окно, пытаясь скрыть нахлынувшие чувства, то вдруг открыто и светло улыбался. Он заговорил, и в его глубоком голосе с красивым тембром проскользнула нескрываемая нежность:

– Татьяна Ивановна, вы тронули меня до глубины души. Это самый дорогой подарок сердцу... Прикасаюсь к этим нардам, видеть на них монастырь, где нас с братом Самвелом и сестрой Джейран когда-то крестили, – это как вернуться в самое счастливое время. Туда, где были живы наши родители – мои любимые Айрик и Майрик...

КАСПИЙСКИЙ ТРИПТИХ ВНЕ КАДРА

Встречи, которые не нужно монтировать

Каспий, 7 августа 2025 года. Внезапный стоп-кадр, который не планировал ни один сценарист. Их было трое: армянин, мокшанка и даргинец. Случайная встреча, ставшая высшим проявлением жизненной режиссуры Карена Арзуманова. Здесь, на кромке воды, камеры были выключены, а единственным рабочим инструментом остались открытые сердца. Это не постановка – это жизнь в ее чистом, внекадровом цвете...

Подготовка к семейному отпуску на Каспии для меня превратилась в увлекательный квест: среди сборов и домашних дел я по крупницам собирала связи для будущих статей. Мне очень хоте-

лось написать об армянской диаспоре Дагестана. После долгих расспросов и десятка звонков дагестанские друзья дали заветную ниточку: «Запишите номер. Это Карен, он с телевидения, он поможет».

Я позвонила ему еще из Саранска, буквально накануне отъезда. Голос в трубке ответил с таким обезоруживающим дружелюбием, что все мои профессиональные барьеры тут же исчезли. Узнав, что я остановлюсь в Избербаше, я поспешила добавить, что сама приеду на интервью в Махачкалу. Но Карен ответил просто и твердо: «Не нужно вам никуда ехать. Я сам к вам приеду».

В этом коротком жесте было столько мужского достоинства и того самого легендарного гостеприимства, о котором пишут в книгах. Мне было и лестно, и удивительно приятно. В дорожной суете я даже не успела заглянуть в интернет, чтобы узнать, как он выглядит или каков его творческий путь. Но это было уже не важно. В сердце поселилось теплое предчувствие: поездка будет особенной, ведь еще до пересечения границы меня уже встретили как дорогого гостя.

Утро 7 августа было наполнено ожиданием. Я знала, что Карен уже в пути, и когда на дорогу лихо свернула машина, я уже ждала его. Дверь распахнулась, и из автомобиля вышел мужчина, чей облик меня мгновенно поразил. В нем было столько природного благородства: пепельно-серебристые волосы, аккуратные усы, приятные, тонкие черты лица. Он не был похож на тех армян, которых я видала в Армении или у нас в Саранске – в нем чувствовалась какая-то особая, сдержанная стать. Чуть выше меня, тактичный, с мягким тембром голоса и едва уловимой доброй улыбкой, он сразу расположил к себе.

Как только я села в машину, мы с ветерком помчались по уютным улицам Избербаша. Совсем рядом дышал Каспий, и этот живой морской воздух наполнял всё вокруг. Утренняя жара еще только просыпалась и совсем не чувствовалась, а в машине сразу стало тепло от общего смеха и добрых анекдотов.

– Знаешь, – искренне сказал Карен, – здесь в городе есть место, где пекут самое вкусное чудо – лепешки с сочной начинкой. Они по-настоящему особенные, с самыми разными начинками.

Этот вкус мгновенно перенес меня в Гюмри, напомнив об удивительном женгялов һац. Эти тонкие пресные лепешки – настоящая душа гор, в которых, в отличие от дагестанского чуду, никогда не бывает мяса или сыра – только чистая энергия земли. Секрет их в гармонии трав: порой до двадцати видов дикой и садовой зелени сплетаются в единый аромат. Здесь и сочный шпинат, и дерзкий щавель, нежная свекольная ботва, листья одуванчика и морковник. А чтобы вкус заиграл по-восточному ярко, в начинку добавляют капельку лимонного сока или щепотку сушеного барбариса, оставляющего на губах едва заметную кислинку. Это не просто еда, это сама природа, завернутая в тонкое тесто.

Я сразу вспомнила, как пробовала чуду в Махачкале на конференции, посвященной столетию Расула Гамзатова. Наш Эдуард, который лихо вез нас по городу и умел задать настроение, тут же начал на ходу цитировать его стихи.

– Уважаю я Расула, – добавил он с особым чувством. – Он настоящий философ. Если понимать его по-настоящему, то в его словах можно увидеть глубину Омара Хайяма.

Честно, я даже не знала, кто мои новые знакомые армяне, но то доверие, которое было с первой секунды к ним, успокаивало меня. Карен сам определил, каким будет этот день. Мы заехали в дом к его другу-армянину, где нас приняли как самых близких и дорогих людей. Карен говорил немного, но в его спокойствии и краткости была удивительная убедительность.

Но по-настоящему меня впечатлило другое. В разгар встречи он позвонил своему дагестанскому другу – тому самому, который когда-то приезжал с ним к нам в Саранск. И когда в трубке прозвучало наше родное, теплое «Шумбрат!», сердце буквально замерло. В этом простом слове было столько искренности и уважения к моим корням, что этот момент стал самым душевным и ярким воспоминанием о нашей встрече. И это был главный режиссер Даргинского театра, заслуженный деятель искусств РФ Мустафа Ибрагимов.

День, проведенный в гостеприимном кругу армянской семьи, был наполнен светом и искренностью. За неспешной беседой

оживали страницы истории: мы говорили о ратных подвигах отцов, мудрости Расула Гамзатова и тонком музыкальном наследии Сергея Агабабова.

«Едем к моему другу, он тут недалеко!» – скомандовал Карен. Я пыталась возразить, что на улице невыносимая жара, да и в планах были совсем другие встречи, но Карен был непреклонен: «Ты должна увидеть Мурада».

Мы снова запрыгнули в серую «четверку» и резво понеслись по узким улочкам Избербаша. У ворот большого строящегося дома нас уже ждал хозяин – улыбчивый аксакал в очках с невероятно интеллигентным лицом. Это и был Мурад.

Он повел нас в сад, который вырастил своими руками. Молодые гранаты, тяжелые ветви яблонь и груш – здесь каждое дерево обласкано заботой, как майский цветок, и потому плоды такие прекрасные. А внутри самого дома простор и величие: высокие колонны, широкие залы и зеркала, отражающие свет. Там, в этих стенах, мы сделали фото на память. В одном кадре замерли трое: армянин, даргинец и мокшанка. В этот момент стало ясно: ни время, ни расстояния, ни национальность не имеют значения, когда людей объединяет искренняя дружба. Карену удалось без всяких камер собрать нас в единый фокус, создав историю, которую не нужно монтировать. Она просто случилась – настоящая и теплая.

Наслаждаясь теплом воспоминаний, я осознала, насколько мудро устроена Вселенная. Когда пришел час расставания, Карен преподнес мне подарки, и это не просто хроника фестиваля «Штатол – свеча родовая»*, – он подарил мне встречу с самой собой. Прodelав путь в 1600 километров, я нашла частицу Саранска в Дагестане. Было что-то мистическое в том, что люди, посетившие мою родину с гастролями, теперь сидят со мной у Каспия и делятся сокровенным. Этот фильм стал для меня символом того, что мир тесен, когда сердца открыты.

* Всероссийский фестиваль национальных театров, который проводился в Саранске и других городах страны. Название связано с древним мордовским символом объединения рода и народа.

Но настоящим откровением для сердца стал подарок – фильм «Дорога к храму». Все 175 минут я смотрела на одном дыхании, с трепетом прикасаясь к истории святого Григориса и возрождению его часовни в дагестанском селе Ньюди. А кто же был автором этого фильма? Догадаться несложно. Им оказался мой прекрасный собеседник и организатор встречи – Карен Арамович Арзуманов (режиссер-оператор, заслуженный деятель искусств Республики Дагестан). Этот факт добавил истории особую глубину: человек, который только что угощал меня горячим чуду и делился смехом, оказался хранителем памяти о святых местах.

Этот фильм, пронизанный духом армянского наследия в Дагестане, стал для меня не просто хроникой, а тихим разговором со святыней. После финальных кадров я всем сердцем поняла: мне просто необходимо там побывать. Теперь дорога в Ньюди – это не просто маршрут, а тихий зов, на который невозможно не откликнуться.

Татьяна Ивановна Янгайкина – российский ученый-этнолог, этнограф, арменист. Родилась в 1978 г. в мокшанском селе Адашево Инсарского района Мордовской АССР. Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. Автор более 100 научных работ.

В их числе – монография «Армения–Мордовия: межкультурное взаимодействие и диалог культур» (М.: Институт Наследия, 2026). Финалист II Международного конкурса арменоведения им. Н.Я. Марра; за рукопись данной работы удостоена специальной Почетной грамоты (2024, г. Ереван, Республика Армения).

Один из авторов сетевого издания «Наша среда online» (вопросы российско-армянского культурного взаимодействия).

Призер (III место) VI Международного литературного конкурса «Армянские мотивы» (2025) в номинации «Проза» за очерк «Мордовские “лорды” с “поля армянских чудес” И.Д. Чахояна».

АРМЕН МЕРУЖАНЫН

А ЧТО ЭТО ЗА ГОРОД НОВНИКОЛАЕВСК?

Ровно десятилетие я прожил в пастырском доме при церкви Сурб Арутюн, будучи редактором «Аватамка» – первой армянской газеты в СНГ. Обычный мой день начинался с прогулок по Смоленскому кладбищу, которое я когда-то окрестил армянским музеем Петербурга. И есть за что: здесь покоятся люди, чьи биографии хранят уникальные страницы истории и Армении, и России.

В первые годы большевистской власти многие надгробия были изуродованы так, что идентифицировать захоронение не представляется возможным. Тем более что последнее описание некрополя относится к 1911 году и схемы не всегда помогают в поиске. И тут на помощь приходила Надя. Году этак в 1985-м эта странная немка с обиженно поджатыми губами появилась на Смоленке и взялась ухаживать за чужими могилками, да так и осталась при них. Навещавшие предков старички с удовольствием делились с ней семейными историями, и этот устный архив со временем стал моим достоянием. Случалось, воздух под моими окнами разрезал Надин фальцет: «Ну вы там спите, что ли? Идите скорее, здесь внушка того-то!» Однажды, было это в 2013-м, раздался ее крик: «Люди из Сибири ищут какого-то инженера!...»

У семейного участка Будаговых и Сааруни-Гамазовых, от которых Будаговы происходят, я простаивал подолгу, пытаюсь вычислить могилу знаменитого путейца и мостостроителя Григория Моисеевича Будагова – основателя Новониколаевска. И когда «люди из Сибири», они же учащиеся новосибирской классической гимназии №17 под руководством Л.Д. Яковлевой, назвали его имя, я растерялся: «Определить могилу не удалось». Ответ, казалось, обрадовал их, мне была предъявлена подаренная внуч-

кой инженера фотография еще не изуродованной могилы, которую я узнал сразу...

Выдающийся модернизатор системы железных дорог, общественный деятель, действительный статский советник, Г.М. Будагов (1852–1921) был внуком выходца из Карабаха, переселившегося в Астрахань, а затем обосновавшегося в Петербурге. Отец Будагова, чиновник невысокого ранга, владел французским и немецким, занимался переводами и выбрал себе жену из рода Сааруни-Гамазян – ценителей просвещенных людей.

Пройдя «полный курс наук» в петербургском Институте инженеров путей сообщения имени Александра I, Григорий Будагов получил звание гражданского инженера. Деятельность его началась при изысканиях железнодорожной линии на участке Сызрань – Самара в тот самый период, когда в мировой практике мостостроения обозначился переход к сооружению больших мостов с металлическими пролетными конструкциями. В 1876 году перспективный специалист Будагов с радостью принял предложение участвовать в возведении моста через Волгу у Сызрани и стал инспектором строительства выдающегося по тем временам сооружения, открытие которого приурочили к 25-летию царствования Александра II в 1880-м, поэтому и мост длиной 1443 метра был назван «Александровским». Около 20 лет это был самый большой мост в Европе, соединивший восток и запад империи в единое экономическое пространство.

Затем на протяжении четырех лет Будагов работал на Екатерининской железной дороге, участвовал в возведении моста через Днепр у Екатеринослава. Действующее поныне, это сооружение было замечательно тем, что представляло собой не типичную для того времени систему с двойной ездой: по верхнему «этажу» – экипажи, по низу – поезда. «За отлично-усердную службу и особые труды» Будагов получил свой первый орден – Св. Владимира IV степени.

Формулярный список Будагова свидетельствует о его участии в сооружении важнейших железнодорожных магистралей и мос-

тов России. Он сыграл заметную роль при строительстве Оренбургской, Екатерининской, Алтайской, Гомель-Брянской, Самаро-Уфимской, Московско-Казанской, Джанкой-Феодосийской железных дорог.

В 1890 году Григорий Моисеевич отбыл в Крым сооружать Джанкой-Феодосийскую ветку, проект которой лоббировал И.К. Айвазовский, много сделавший для развития родной Феодосии. В местной картинной галерее хранится созданное им в 1892 году полотно «Первый поезд в Феодосии» – плод фантазии художника. Дело в том, что железная дорога тогда проходила не по набережной и станция Феодосия находилась за городской чертой (сейчас она называется Айвазовская). Иногда картину называют «Прибытием первого поезда», хотя состав движется со стороны нынешнего вокзала, так что картину правильнее называть «Отправлением первого поезда».

Работая в Феодосии, Будагов при этом являлся представителем Уссурийской железной дороги в Петербурге и состоял при комиссии Всемирного конкурса по составлению проектов Троицкого моста в Петербурге. Именно в этот период он получил интересное предложение строить железнодорожные мосты в Западной Сибири. Так начался период, связанный с Транссибом, и первый свой мост на этой грандиозной территории Будагов перекинул через Обь в Новой Деревне – будущем городе Новониколаевске. Ранней весной 1893-го он приступил к подготовительным работам по сооружению причалов, разработке карьеров, заготовке конструкций, кессонов. А уже летом следующего года состоялась закладка первого камня первой опоры. Так было положено начало великой стройке. Параллельно строилось всё, что было связано с мостом: примыкающие участки железной дороги, трехкилометровая ветка от пристани к станции, депо, ремонтные мастерские, водонапорная башня, лесопильный завод, здание вокзала и, разумеется, церковь.

К пяти тысячам человек, занятых на строительстве, летом прибавлялось до десяти тысяч сезонных рабочих. Этот поток привел к образованию двух поселков – Новая Деревня и Кривошеково,

стихийно обраставших землянками и бараками. Чтобы закрепить рабочих на строительстве, Будагов распорядился строить ускоренными темпами общежития и усадебные дома с хозяйственными пристройками. Вскоре здесь насчитывалось уже более двадцати жилых кварталов. Возникли и первые улицы. «Это благодаря Будагову приобщившиеся к культуре горожане массово называли улицы именами писателей – Лескова, Толстого, Державина, Достоевского, – пишет архитектор Игорь Поповский. – Потому что для того времени это было не слишком типично».

У истоков основания Новониколаевска стояли талантливые инженеры-путейцы Н.А. Белелюбский, Н.М. Тихомиров, Е.Е. Зенкевич, В.А. Линк, Н.П. Меженинов, В.К. Жандр, В.И. Роецкий, Н.Г. Гарин-Михайловский (больше известный как писатель).

Но Г.М. Будагов, «сей сорокалетний энергичный, большелобый, с пышными усами и клиновидной бородкой инженер» справедливо считается отцом-основателем города, его первым просветителем, его душой и покровителем. Стараниями Григория Моисеевича зародилась образовательная, научная, культурная и общественная жизнь в Новониколаевске. Его имя связано не только с прокладкой железнодорожной магистрали и строительством моста. Где бы ни служил этот человек, он вел борьбу с неграмотностью, дикостью, повальным пьянством, прилагал усилия для решения социальных и бытовых проблем рабочих, организации санитарной части. Валерий Ганичев в рассказе «Дорожник» писал: «Это только нынешние, почти криминальные собственники считают, что рабочий – чернь и забота о нем, о благоустройстве его поселков только помеха для беспредельной свободы обогащения, нечистой разнузданности. Им нужна нажива. А замечательный строитель Транссиба Г.М. Будагов из Новониколаевска сумел сплотить людей на строительство моста, станции, подъездных путей, домов благодаря тому, что старался создать хорошие условия рабочим, строил для них дома...». Будагов на собственные средства создал первую в городе бесплатную начальную школу (сегодня это средняя школа №19) для детей рабочих и служащих. Днем в школе обучались дети, а вечером взрослые. Сам

Будагов преподавал здесь математику. По его же инициативе на средства местных предпринимателей была выстроена при школе первая народная читальня – «библиотека дешевых изданий». По воспоминаниям учительницы С.Козловой: «Библиотека устраивала громкие читки книг, газет и журналов, тогда ведь почти поголовно рабочие были неграмотные, а библиотека привлекала их ежедневно по несколько десятков, а иногда даже сотен. Школа и библиотека, организованные по инициативе инженера Будагова, противостояли пьянству, разгулу, картежным играм, воровству, дракам и прочему». Сегодня эта библиотека носит имя Л.Н. Толстого и располагается неподалеку от того места, где ее организовал Будагов.

Поскольку число детей, желавших учиться, значительно превышало количество мест в школе, Будагов поднял вопрос о строительстве нового здания. К 1897 году по его ходатайству стала действовать открытая на добровольные пожертвования полноценная двухэтажная школа с ежегодным казенным финансированием. Педагогов Григорий Моисеевич отбирал лично. От своего попечителя Будагова дети получали бесплатно учебные пособия, а на рождественские каникулы им раздавались подарки. Их так и называли – «будаговскими». В дальнейшем подобные школы при участии Будагова появились и на других станциях. И потому абсолютно уместен скульптурный образ Г.М. Будагова на современной стеле «Гимн Учителю» у новосибирского Дома учителя.

Переведенный на должность помощника начальника строительства Среднесибирского участка Сибирской железной дороги, Будагов тепло прощался с Новониколаевском. Он ехал возглавлять работы на самом сложном участке Ачинск – Иннокентьевск (Иркутск). Вопреки огромным трудностям дорогу сдали в установленный срок, возведя более 200 мостов, в том числе 15 крупных, а Григорий Моисеевич удостоился ордена Св. Анны II степени и в 1899 году уехал трудиться главным инженером на строящихся линиях Московско-Казанской железной дороги.

Григорий Моисеевич всегда чувствовал, что в Сибирь он всё равно вернется. Так оно и случилось. В 1911 году «Его превосхо-

дительству» действительному статскому советнику Будагову было предложено возглавить изыскания и строительство Алтайской железной дороги от Семипалатинска до Барнаула. Сооружение линии началось в июне 1912-го и продвигалось довольно быстро. Дорога открылась досрочно и в 1915 году соединила Алтай с Транссибом, что благотворно сказалось на развитии региона и страны в целом. С окончанием этой стройки завершилась и сибирская эпопея Будагова.

Дальнейшая его жизнь была связана с Петербургом и Москвой. Несколько лет он занимался преподавательской работой в Инженерном училище, публиковал труды в сборниках Управления железной дороги. В первые годы советской власти «товарищ Будагов» вошел в Инженерный совет, был членом Технического комитета Наркомата путей сообщения, заместителем председателя Межведомственного совета по выработке плана железнодорожного строительства. Ближе к пенсии Будагов возглавлял изыскания Туркестано-Сибирской железной дороги, соединяющей Сибирь и Среднюю Азию, работал на Московско-Рыбинской железной дороге. А уже на пенсии взялся за систематизацию и обобщение своего строительного опыта, публикуя сборники по сооружению железных дорог, которые не одно десятилетие служили будущим инженерам-путейцам.

Еще в 1907-м, то есть при жизни Григория Моисеевича, благодарные современники переименовали станцию Курзан Красноярской железной дороги в «Будагово». Спустя пять лет, когда «отец-основатель» уехал строить Алтайскую «железку», обожавшие его новониколаевцы переименовали Трастовую улицу в Будаговскую. Но в 1920-м, когда Будагов был всё еще жив, пришли те, кого не звали, и решили, что Будаговской улице больше подойдет название Большевицкой. Так по сей день и течет вдоль Оби Большевицкая улица, беря начало от старейшей в городе Южной площади, которой в 2016-м дали имя... инженера Будагова.

И еще о памяти. Во время подготовительных работ по сооружению новониколаевского моста Г.М. Будагов приобрел на Трастовой улице участок под здание своей конторы. В этом одноэтаж-

ном доме, который друзья шутя называли «палаццо», Григорий Моисеевич жил и работал до перевода на новое место. К концу XX столетия это одно из старейших строений города полностью обветшало. В лихие 90-е здесь обосновался цыганский табор, в «нулевых» ночевали бомжи. И только в 2000 году почти развалившийся дом признали культурным наследием регионального значения и перевели под охрану государства. Его отстроили фактически заново, и сегодня «Контора инженера Г.М. Будагова» на левом берегу Каменки действует как филиал музея Новосибирска.

КАРИНЭ МЕСРОПЯН

ВЕЛИКАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

*Из творческой истории повести
Юрия Карабчиевского «Тоска по Армении»*

Перевела Светлана Марданян

... я своей литературой показываю миру место Армении¹.

Грант Матевосян

Имя русского писателя-диссидента с еврейскими корнями Юрия Карабчиевского сегодня в Армении мало кому известно, однако в конце 80-х прошлого века его повесть «Тоска по Армении» нашла широкий отклик и в Армении, и в России. Автор познакомился с нашей страной не только посредством произведений Мандельштама и Битова, посвященных Армении, но и благодаря литературе Гранта Матевосяна.

В 1976 году Карабчиевский, по следам писателей-соотечественников, приехал в нашу страну обнаружить свою Армению или, что то же, – Армению Гранта Матевосяна: «Армения для меня – это в первую очередь он, Грант...»², и затем: «...любовь самого Матевосяна к Армении и тоска по ней – это и есть Армения,

¹ Грант Матевосян. Я – это я. «Воскан Ереванци», Ер., 2005.

² Здесь и далее цитаты из повести Ю. Карабчиевского «Тоска по Армении» приводятся по: <https://nashasreda.ru/toska-po-armenii/>

и она более реальна, чем дома и леса, потому что она неизменна и вечна».

Произведения русских писателей, знакомящих с духовными ценностями Армении, интересовали Юрия Карабчиевского и раньше, но именно в 1976 г. он, по профессии инженер-электронщик, будто волей providения, был командирован на месяц в Армению и, проведя один вечер под кровлей Гранта Матевосяна, написал впоследствии повесть «Тоска по Армении» (1978). Вышла она в печать лишь по прошествии десяти лет – в седьмом и восьмом номерах «Литературной Армении» (1988). Диссидентские взгляды писателя ставили под запрет публикацию его произведений в Советском Союзе, и только появление упомянутой повести в литературном издании Армении распахнуло двери перед творчеством писателя: журналы «Театр», «Дружба народов», «Октябрь», «Новый мир» один за другим стали печатать стихи, прозу, эстетические очерки Карабчиевского.

Родился Юрий Карабчиевский в Москве в 1938 году. Его первые стихотворения увидели свет в 1955-м, а в последующие десять лет он смог напечатать... лишь четыре стихотворения. С 1974 по 1988 годы его публиковала только западная русскоязычная периодика (Германия, Франция). Первое изданное за рубежом в 1974 году его произведение – эссе «Улица Мандельштама» – в России стало реальным опубликовать лишь после распада Советского Союза (1991). Как следствие связей с эмигрантской прессой Карабчиевский постоянно находился под угрозой ареста.

В 1979 г. Андрей Битов пригласил его принять участие в составлении независимого альманаха «Метрополь». Преследования и гонения, коим Карабчиевский подвергся после шумного политического «метропольского» скандала (появление неподцензурного альманаха), сделали его известным писателем-диссидентом за рубежом и возбудили в либеральных литературных кругах интерес к его творчеству. Настоящую известность принесла ему вышедшая в 1985 г. в Мюнхене книга «Воскресение Маяковского», позднее в числе других его книг изданная и в России. Эмигрировав в Израиль в 1990 году, Карабчиевский после распада Совет-

ского Союза вернулся в Москву. В 1992 г. покончил жизнь самоубийством.

Повесть Юрия Карабчиевского «Тоска по Армении» автором этих строк была переведена на армянский и издана в 2018 г. фондом «Грант Матевосян». Стержнем повести является встреча с великим армянским писателем.

Интересны размышления Карабчиевского не только о Гранте Матевосяне, но и о культуре, прошлом, будущем и настоящем нашей страны. Взгляд нешаблонный, непривычный, свежий: «Я всегда любил Армению и всегда тосковал по Армении. То была воображенная мной страна, щедрая, мужественная и счастливая, и такой она для меня и осталась, и такой будет всегда, вне зависимости от зримого соответствия».

Поводов к тому, чтобы Армения стала страной мечты для русского писателя, было несколько. Для многих в России Армению открыл Осип Мандельштам циклом стихотворений «Армения» и эссе «Путешествие в Армению». Карабчиевский испытывал к Мандельштаму любовь на грани поклонения, и уже поэтому Армения была ему дорога. Для замечательного русского поэта, переживавшего длительный творческий кризис, наша страна стала мощным источником вдохновения³. Карабчиевский писал: «С армянских стихов начался совершенно новый период его жизни, после долгого удушья и немоты – гениальный взлет без единого спада до самой гибели. Одного этого мне достаточно, чтоб любить Армению».

Еще одним поводом послужило непосредственное впечатление от книги «Уроки Армении» большого друга армянского народа Андрея Битова. Юрий Карабчиевский высоко ценил прочитанные им не раз битовские «уроки» «... и многократно – в отрывках», и был так увлечен ею, что «взял с собой, чтоб в самолете, в промежутке между двумя существованиями несколько раз раскрыть и

³ Супруга поэта писала, что «для Мандельштама приезд в Армению был возвращением в родное лоно – туда, где было положено начало всему, к отцам, к истокам. После долгого молчания стихи вернулись к нему в Армении и уже больше не покидали...» (Осип Мандельштам, Стихи, проза, «Наири», Ер., 2009).

закрывать и как-то подготовить свое восприятие». У истоков создания «Тоски по Армении» – Андрей Битов. Знакомство Карабчиевского с литературой Гранта Матевосяна также произошло через него: это он дал писателю прочитать «Хлеб и слово» Матевосяна, куда вошли «Оранжевый табун», «Мать едет женить сына» и «Буйволица».

Интересно и удивительно, как похожи предыстории первого посещения Армении Битовым и Карабчиевским – как выписанные одной рукой и по одному сценарию. Оба были в Армении осенью, оба – совершенно случайно. Так, осенью 1967 г. советские власти отказали Андрею Битову в двухнедельной поездке в Японию и взамен неожиданно предложили какую-нибудь из союзных республик. Он выбрал Армению. Также осенью, но в 1976 г., Карабчиевскому запретили поехать в командировку в Польшу и Венгрию и взамен неожиданно предложили поехать на месяц в одну из союзных республик, «например, в Армению». Конечно, в Армению. Побывать, наконец, «в загадочной и вожаделенной стране».

Спустя годы после смерти Гранта Матевосяна в своем очерке «Случайность и судьба» Андрей Битов скажет: «Я написал для тебя предисловие в 1967-м и, прежде чем книга выйдет в свет, очутился в Ереване, у тебя в гостях, и среди нехарактерного для русского стола изобилия вкусных закусок – “Еще кофе?...” – чтоб именно с этого я начал “Уроки Армении”, которые мне еще предстояло писать и писать...»

Раскрывший на две недели «двери своей страны» перед русским другом Грант Матевосян знакомит его с духовными ценностями, с историей Армении...

В 1969 г. в журнале «Дружба народов» печатается повесть Андрея Битова «В стране семи весен» с картинками духовной жизни Армении конца 1960-х, страны диковинного для него «света, <...> осязательного, как вода, трава, ветер. <...> Уже пора возвращаться. Где я нашел эту прекрасную страну и тоску по ней, когда я люблю только свою родину и не могу жить ни в каком другом месте?

Я вполне допускаю, что такой для меня может стать и какая-либо другая страна, не Армения. Но моей страной обетованной стала Армения. В этом нет ее вины. Так что и это эссе не столько о ней, сколько о том, чем стала для меня Армения.

Страна, в которой один город, одно озеро, одна гора, колыбель моего друга».

«Уроки Армении» и напечатанный до них в «Литературной газете» очерк «Пастораль, XX век» (1967) родились из замеса большой дружбы, признательности и любви к нашей стране и Гранту Матевосяну.

В конце 60-х и в 70-х прошлого века Грант Матевосян не имел широкой читательской аудитории в Армении, зато русский читатель был знаком не только с публиковавшимися в России его книгами («Мы и наши горы», 1967; «Август», 1972; «Хлеб и слово», 1974), но и появлявшимися в русской литературной периодике статьями о его творчестве.

Юрий Карабчиевский честно признается, что взял в руки книгу армянского писателя с предубеждением: «И хотя эту книгу давал мне не просто кто-нибудь, а умный человек и большой писатель, я все равно не поверил. Он был давним другом Матевосяна, а о друге чего не скажешь хорошего?» И, прежде чем приступить к чтению, он искренне делится с читателем своими мыслями об армянской литературе. Высоко ценя поэзию, отмечает, что после блистательного V века в армянской литературе веками «не было сколь-нибудь значительной прозы», что «большая литература возможна только у большого народа. Буквально большого – по численности населения, ну и, конечно, по исторической роли». И далее: каждый начинающий писатель должен начать с нуля, но даже если и начнет, все равно, «как бы ни был талантлив, его удел – провинциализм, перепев с национальным орнаментом». Он уверен, что для создания истинного произведения искусства от писателя требуется достаточная разработанность языка, «соответствующая стилю и духу времени» и, что «не менее важно – степень проработанности общих мест и абсолютный уровень обобщенности». Карабчиевский придает большое значение и

проблеме перевода. Критически настроенный к переводной поэзии («в лучшем случае – стихи переводчика»), в то же время считает, что «проза, безусловно, переводима».

Не имея больших ожиданий от взятой в руки книги и от ее автора, он «начал читать, и забыл все свои рассуждения», и с удивлением и восхищением признается: «В этой книге присутствовали все компоненты высокой прозы: стиль, ритм, точность рисунка, подлинность персонажей. <...> Ни идеализации, ни стилизации, ни сгущения красок, ни разрежения, жизнь, казалось, не подверглась никакой обработке, мы получали ее из первых рук – но это были руки настоящего мастера и удивительного человека». Прочитав, он ищет встречи с Грантом Матевосяном, чтоб сравнить создавшийся в его воображении образ писателя с ним – реальным, ибо «острота чувств, чистота помыслов, доброта, ум и, главное, совесть не могут рождаться лишь в акте творчества и жить лишь в воображаемом мире. Они исходно должны существовать в человеке, до того, как он сел за письменный стол. Так я хочу и так я верю».

Его командировка проходила в одном из ереванских научно-исследовательских институтов, где действовал литературный кружок, а вел его переводчик Георгий Кубатьян – «лучшая моя находка в Армении», как отзывается о нем Карабчиевский. Не исключено, что он, писатель, тоже принимал участие в занятиях – из желания научиться армянскому (как пишет в повести). С Кубатьяном их сближает «общность» литературных взглядов и вкусов: «обменялись статьями о Мандельштаме – даже тут совпадение». Они бродили по осеннему городу, наслаждались кофе и шампанским в ереванских кафе, но для обоих намного более приятна была основная тема их общения – литература Гранта Матевосяна: «Да, – говорит Сергей Асоян-Кубатьян, – ты прав. Грант – удивительное явление. Он работает почти на пустом месте. <...> Тем он и замечателен, Грант, что сумел впить в себя русский литературный опыт, да, наверное, и не только русский, каким-то чудом пропустив его через армянский язык. И пишет он так, будто он вовсе не первый, будто была до него большая ар-

мянская проза, и не в древности, когда она действительно была, а вот теперь, сейчас, еще в прошлом году... А между тем и с самим языком тоже все далеко не просто. <...> Здесь отсутствие в течение столетий большой прозы сказалось роковым образом. <...> И наш замечательный Грант, создавая новую армянскую прозу, совершает еще и чудовищную работу по сближению литературного и устного языков. Простым механическим переносом здесь, как ты можешь понять, не отделаешься. А то, как это ему удастся – просто чудо и тайна...»

Повесть «Тоска по Армении» многослойна. Мы оставим обсуждение этих «слоев» на будущее и обратимся к главе «Грант» – к встрече русского писателя с Грантом Матевосяном.

И долгожданное знакомство наконец состоялось. Вообще надо сказать, что Юрий Карабчиевский рассказывает искренне и непринужденно, делая читателя участником всего происходящего, передавая ему свои тревожения (от робости заплетался язык, не находил слов) при встрече с армянским писателем. Думаем, поклонникам творчества Матевосяна интересно, благодаря Карабчиевскому, побывать осенним (октябрьским) вечером 1976 года у 41-летнего писателя, в его новой квартире, послушать их сколь многогранную, столь же занимательную беседу, увидеть любимого автора вблизи, в семейной обстановке, с женой и детьми, насладиться теплом и гармонией гостеприимного дома, «где, конечно же, кормят, и даже в одиннадцать вечера», «почувствовать» атмосферу, способствующую его творчеству, взглянуть на готовящуюся к печати рукопись его «новой книги» («Наш бег»? Или «Деревья»?), пишущую машинку, письменный стол, за которым создавалась выдающаяся литература Гранта Матевосяна.

«Я подхожу к столу и, наконец, впервые вижу машинку с армянским шрифтом:

– Эта мне не нравится, – говорит Грант. – Прямой шрифт, слишком далекий. <...>

– А пишешь... ты... на какой? – спрашиваю я.

– Нет-нет-нет! – мотает он головой. – Только рукой, иначе не могу. Другой ритм, другая проза. Рука должна сама...»

В свойственной ему манере русский писатель в деталях описывает объявшее его в тот вечер (и плавно передающееся читателю) «ощущение радости и какого-то удобства, довольства, соответствия. Ни секунды не было мне неловко, ни на миг не почувствовал я себя чужим».

В их беседе не только отражаются воззрения и суждения Гранта Матевосяна о литературе, но и вырисовывается образ живущего судьбой своей страны и своего народа пронизательного мыслителя. Нелишне отметить, что то, чем он был озабочен, что его беспокоило в 1976, сегодня, полвека спустя, столь же злободневно.

Мы видим его таким, каким знали. Русскому писателю удалось создать точный образ Гранта Матевосяна, начиная с описания внешности: «Он был худ, высок, но довольно широкоплеч и, хотя руку мою пожимал легко, я почувствовал в нем сухую нервную силу. Большие глаза его были слегка красноваты, как бы немного воспалены, и от этого его умный и острый взгляд приобретал еще особую пронизательность. Да и во всем его облике, с обтянутыми скулами, с нервными, хотя и полными губами, с высоким, накатывающим на темя лбом, чувствовалась какая-то воспаленность – именно это слово первым пришло мне в голову и осталось потом как главная характеристика». И далее: «Мощный лоб, туго обтянутый кожей, развитые брови, лицо крупное, сужающееся к подбородку, твердая линия худых скул. По китайской системе “чтения лиц” – натура художественная, эмоциональная, с большой творческой энергией, но и с обостренным чувством трагического. На процветающего литератора он не похож. Ну и прекрасно. Но какая тяжесть у него на душе?!»

Над душой армянского писателя довлеет не одна «тяжесть», и их беседа протекает вокруг них, этих «тяжестей».

Матевосян, у которого, к удивлению Карабчиевского, на родине мало читателей, говорит: «Мое положение безнадежно. Писатель без читателя. Я знаю почти всех своих читателей – лично, заочно или понаслышке. Мои читатели – это мои знакомые. Как ты думаешь, может писатель писать для своих знакомых?» Вопрос застаёт Карабчиевского врасплох, и он возражает: у писателя

Гранта Матевосяна много читателей в России, один из них – он сам, в Армению его привела литература Гранта. Но он ведь в первую очередь пишет для армянского читателя. Отсюда и огорчение.

70-е были трудными для Гранта годами. В отличие от армянского читателя, зарубежные с его творчеством были давно уже знакомы. Перед печатавшимся за границей – в Берлине (1969), Софии (1975), Дебрецене (1976), Варшаве (1977), Братиславе (1977), Праге (1973, 1977), Варне (1978) и в союзных республиках – в Молдавии (1969), Литве (1974), Грузии (1971, 1977), Киргизии (1972), Эстонии (1974), Украине (1975) – писателем на родине двери в издательства были закрыты. С 1960-х, с самых первых шагов Грант Матевосян стал известен литературным кругам, но не широкой читающей аудиторией Армении. Возможно, немногочисленные «знакомые» писателя знали его как автора единственной, изданной в 1967-м, книги «Август» да сценария снятого в 1969-м фильма «Мы и наши горы» (не исключаем и доступную в Армении русскую литературную периодику). Истинное признание на родине ему принесли вышедшие в свет только спустя два года после описываемой встречи, в 1978-м, «Наш бег» и «Деревья». А до этого им было столько пережито, особенно в связи с изданием «Деревьев». В «Я – это я» (2005) он поведал о злоключениях того периода: «Первая книга должна была выйти до 1967-го. Набрали и рассыпали... Те, кто это сделал, наверно, сослались бы на ЦК, не знаю. Кое-как, с большим трудом напечатали. Словом, снова Москва широко распахнула двери. Сурен Агабабян⁴ добился, чтоб в “Литературной Армении” напечатали “Мы и наши горы”, и московские рецензии сделали меня в глазах здешних кем-то заметным. После этого отношение несколько изменилось. Я не спешил со второй книгой. Книга для меня – святое, нельзя превращать ее в конвейерное производство... Короче, “Деревья” не получились цельной книгой. Из “Августа” выкинули “Месроп”, в цикле “Тягловые лошади” был. Хорошие парни выкинули, хотя в Москве он уже был опубликован и получил ежегодную премию

⁴ Известный армянский литературовед (1922–1986).

“Дружбы народов”. На армянском “Месроп” впервые напечатали в 1969-м за границей, в еженедельнике Андраника Царукяна “Наири”. В книге 77-го тот же “Месроп” да еще “Похмелье” мне душу вымотали. Эти клыкастые, которых и сегодня немало, задним числом видящие себя героями вчерашней площади, не говорят – что мы наделали?! Книгу с опозданием в четыре года выпустили. Опротивел себе сам, они, бумага с ручкой. Было просто мерзко. Что натворили?! Испортили “Похмелье”... Ночью сократили пятьдесят страниц и так отправили в печать. Поменяли обложку книги, бумагу, цену... Выпустили 78-копеечную книжку за одну ночь. А я не из тех, кто кидается потом вкладывать-прикладывать. Сыт был всем по горло... Мушег, дорогой, дорогой Мушег⁵... не коснувшись и запятой в моей рукописи, спустил книгу в типографию, а сам ушел с работы. Потом стали его дело расследовать. Так вот, я тоже был одним из его «дел». Из типографии книгу вернули и искромсали, разнесли в пух и прах. Эссе “Мецамор”, “Месроп”, “Похмелье”. Угробили просто. Был вынужден отрывки из “Месропа” повторить в “Похмелье”, целыми кусками. Если не разрешаешь, чтоб я здесь сказал, скажу в другом месте. Конечно, предпочитаю свободу, конечно, свободу, конечно, пусть даже равнодушие, но не это обостренное, это враждебное отношение».

Интересно мнение Гранта Матевосяна «...о сходстве культур и судеб, о корнях, о древности, о трагизме, о стойкости национального духа» (в беседе – армян и евреев). Тем временем Карабчиевского поражает угнетающая душу писателя большая «тяжесть» – данная им оценка поведения «...почти из первых рук» принявшего христианство армянина: «Для армян, как ни для одной нации в мире, оказался губительным отказ от религии. Христианство для армян было всем, а не просто многим. Ведь Армения – первая страна в мире, где христианство стало государственной религией. Армяне как будто только ее и ждали, были к ней абсолютно готовы. Церковь стала государством, школой, наукой, литературой, культурой. Божий храм оставался для армянина ду-

⁵ Писатель Мушег Галшоян (1933–1980).

ховным и организующим центром даже тогда, когда он утратил это значение для всех других христианских народов. Даже в национальной жизни поляков церковь не играла такой исключительной роли. Но поляки с честью пронесли свое католичество через все катаклизмы, а армяне оказались духовно слабее, не выдержали, отказались – и остались ни с чем. И кому-кому, а нам это с рук не сойдет. Я не знаю, не знаю, сохранимся ли мы теперь как народ, только чудо нас может спасти...» Эмоции переполняют Матевосяна; от наблюдательного взгляда русского писателя не ускользает внутреннее самосожжение коллеги, его ответственность за все, что творится на родине: «Тема эта для меня не нова, но он излагает ее так вдохновенно, – и это ведь все на чужом языке! – что я чувствую себя не на шутку захваченным. Я смотрю на прекрасное его лицо и думаю о том постоянном внутреннем пламени, которое сжигает этого человека. Здоров ли он физически? <...> Человек, живущий такой самоотдачей, не может быть абсолютно здоров». Не стали ли слова выдающегося писателя «оказались духовно слабее, не выдержали, отказались» доказательством-предвидением потрясшего армян преступления в Национальном собрании 27 октября 1999 года – в преддверии 1700-летия христианства?! Не стали ли причиной всех наших национальных трагедий отступление от веры, отдаление от армянской церкви, жизнь не по-христиански?! И не жизненно ли важно для нашего народа, стоящего сегодня перед серьезными геополитическими вызовами и катаклизмами, важнее, необходимее, чем воздух и вода, сплочение вокруг Армянской Апостольской Святой Церкви, обретение силы, чтоб воспротивиться выпавшим на нашу долю испытаниям?! Читаем объемистую книгу интервью большого писателя со «сверхплотным» (его слово!) содержанием и во всех ответах отслеживаем ту же озабоченность судьбами родины, что в разговоре с Карабчиевским, но с гораздо большей долей тревоги и беспокойства. Как он говорил, «сменилась эпоха», и ступившая на путь независимости и государственности нация должна мудрой, правильной государственной политикой преодолеть непреодолимые трудности.

А когда Карабчиевский с восторгом отзывается «о тайне национального духа, об удивительной стойкости и изворотливости» армянского народа, на так интересующий его вопрос – где, в конце концов, Армения? – слышит ужасающий и жестокий ответ (еще одна «тяжесть» на его душе): «Не знаю. Я теперь и не знаю, где Армения. Да, скорее была в деревне, дольше всего держалась. Но деревня тоже испортилась, все потеряла. Она стала такой же пустой мешанкой, как город. Нет Армении, Юра, где ни ищи, есть только наша тоска по Армении!»

С самого вступления на писательскую стезю Гранта Матевосяна тревожило поведение не чувствующего ответственности за «землю под собственными ногами», равнодушного, отчуждающегося, отдаляющегося от своей земли, враждебного своей земле, не ощущающего себя хозяином своей страны армянина (не только). Первые аккорды этой проблемы слышатся уже в «Степи», затем в «Ахнидзоре» («Уезжают на заработки, вместо них приходит одно-два письма, потом и эти не приходят; идут в армию, переезжают в Кировакан, Ереван – в город, не важно какой...»). То же в «Мы и наши горы» («Однажды свел счеты с овцами, забрал семью, уехал в город». «Конечно, Ишхан, городу без тебя не выжить, засыпает, просыпается, почему это Ишхан не приехал? Иди, Ишхан, становись посреди улицы и посвистывай. Просыпайся ночами, насвистывай из окна зов пастуха, сопровождай стадо овец на бойню»). Эти тревоги через несколько лет в художественно более сгущенной, более обостренной форме появятся в «Хозяине», «Ташкенте», «Крепыше». Исчезающие ценности и традиционные человеческие отношения, оставшийся без работы армянин, пропадающий в поисках хлеба насущного в дальних далях. Из-за опрометчивой политики отмахивающихся от всего «бессердечных, бездушных, безразличных» и обезличенных руководителей – наводняющее город население, заброшенные деревни («Уже был угасающим народом – как свеча, что вот-вот погаснет...») и постепенно теряющая свое лицо «мещанская» столица...

В родившейся от этого беспокойства-волнения еще в 1970 году статье «О цивилизации» Грант Матевосян рассуждает о том, где

кроются корни этой враждебности, почему своя земля стала чуждой армянину, и приходит к следующему выводу: «Этот разлад между землей и земледельцем, вероятнее всего, начался в тридцатых, углубился в пятидесятых и стал тревожащим в прошлом десятилетии. Процесс цивилизации страны должен был возродить <...> прежнюю зависимую любовь к земле, культ природы, а между тем, как неизбежное следствие насильственного приобщения к цивилизации отсталой страны, он перерос в высокомерное, явно враждебное к ней отношение. Это было также следствием нашей негибкой политики по отношению к деревне... Сегодня мы стоим перед фактом враждебного к деревне поведения крестьянина.

А перелистав страницы летописи советской армянской литературы, предстанем перед наглой красивой ложью, мол, крестьянство водило с землей дружбу по отдельности, индивидуально, а сейчас дружит коллективно» ...

Грант Матевосян особо акцентирует миссию писателя: он должен иметь глаза и уши, быть бдительным, честным летописцем, ибо «литература – хроника народных чаяний и тревог; наша литература тридцатых доводит до сегодняшнего поколения кое-какие тревоги и чаяния испанского фашизма и испанской демократии, однако доводит ли до нас хотя бы пару аккордов тех тревог, которые сегодня более чем слышны и начало которым было положено в тридцатых годах? И как нам уважать эту глухую и слепую литературу, почему должно завтрашнее поколение уважать нашу сегодняшнюю глухую и слепую литературу, поклявшуюся не вынимать из ушей затычки и не раскрывать глаза?»

В «Тоске» особое внимание уделяется ставшей в то время актуальной в России деревенской прозе, «к которой, – пишет Карабчиевский, – младенческая наша критика, естественно, причисляет и Гранта». Примечательно важное наблюдение иноязычного писателя о Гранте Матевосяне: только ознакомившись с его произведениями Юрий Карабчиевский пересмотрел свое прежнее отношение к современной сельской литературе. Дав высокую оценку некоторым произведениям лучших русских авторов («Мы схо-

димся на том, что среди русских “деревенщиков” два-три заслуживают уважения, это талантливые и честные люди, по крайней мере в некоторых своих произведениях»), он по достоинству соблюдает Гранта. По его мнению, в творчестве русских авторов «правда жизни, выступавшая как правда поступков и слов» была тем «пределом», которого они достигли. У них «... на этом кончалась непостижимость, обрывался путь в бесконечные глубины души. Эту безмерную глубину и сложность, эту ускользающую тонкость душевных движений в “человеке земли”, его духовную полноценность, безо всяких, пусть даже лестных скидок на естественность и отсутствие рефлексии – Грант Матевосян показал впервые». По Карабчиевскому, читатель Гранта Матевосяна уверен, «что автор знает несравнимо больше, чем говорит, что он знает попросту все о данном предмете. Но еще важнее для нас уверенность, <...> что Матевосян именно такой автор: чувствует происходящее, <...> все нюансы, все стороны, всю многосмысленность действия и весь бесконечный спектр реальных и возможных ощущений героя. Текучая, подвижная емкость его прозы вмещает не только сугубую предметность, свободную от всякой идеализации, ощутимую до озноба, до шершавости земли, до температуры тела и тембра голоса, но и нечто неизмеримо большее: душу человека, его божественную сущность. В тех сферах ничего нельзя утверждать, а тем более ни на чем нельзя настаивать, но, при всем отсутствии в прозе Матевосяна провозглашенной, декларированной духовности, только такими непривычными словами хочется о ней говорить: Божий человек, Божий мир...»

Видимо, русский писатель не был знаком со статьей Гранта Матевосяна «О так называемой деревенской прозе» (1968), где дается четкая формулировка литературы: «Нет деревенской прозы или городской прозы, есть только взгляд человека на природу и мир».

Не только этот взгляд Матевосяна отличает его творчество от творений русских писателей-деревенщиков, но и, по Карабчиевскому, еще нечто весьма важное, о чем он пишет спустя десятилетие после их встречи, в 1986 году. Возвращаясь к герою своей

повести и отвечая на вопросы своих многочисленных читателей о Гранте Матевосяне – человеке, личности, писателе – и вновь обращаясь к русским деревенщикам, Карабчиевский пишет: «Сегодня я твердо сказал бы так: Грант Матевосян – настоящий писатель. <...> Он не только написал три⁶ настоящие повести, он еще и сделал нечто в литературе, а это, согласитесь, удастся не каждому хорошему писателю. Те же наши русские деревенщики тоже кое-что сделали, трудно спорить, но – вместе, скопом, не важно, кто раньше, кто позже. Их много, а Грант Матевосян один, и позиция, метод его мне лично намного ближе: Грант Матевосян – интеллигент из деревни, а не деревенский интеллигент. Что бы и как ни писал он дальше, он уже зафиксировал своим творчеством некоторый особый подход к реальности. <...> В отличие от большинства современников, нерусских и русских, Грант Матевосян – писатель с собственным стилем. <...> Грант – первый армянский прозаик, который на нашем имперском рынке достиг конкурентоспособного уровня. Не мало, не просто!»

В этих строках Карабчиевский дал высокую оценку гражданской позиции собеседника. На некоторые вопросы армянский писатель дал очень «мощные, острые и жесткие» ответы. Приведение их в исконном виде было бы чревато в советской действительности крупными неприятностями для Гранта Матевосяна. А вот спустя десять лет он признает, что слегка ослабил остроту высказываний, «могших, как мне тогда казалось, повредить ему после их публикации. Он в некоторых своих суждениях оказался гораздо резче, чем я ожидал...»

Одной из тем беседы становится проблема перевода произведений армянского писателя. Именно благодаря «очень достойным», высокохудожественным переводам Анаит Баяндур русский писатель стал гостем Гранта Матевосяна: «Хороший русский язык, подвижная, гибкая проза, с некоторой естественной стилизацией, но без злоупотребления инверсиями и акцентами». От внимания читателя не может ускользнуть, что Карабчиевско-

⁶ Имеет в виду сборник «Хлеб и слово».

му импонирует крайняя щепетильность Матевосяна к своим произведениям (очередная «тяжесть»): «...это ее книги. <...> Но я пишу тяжело, у меня тяжелый, трудный язык, а она – скачет и резвится. Нет, это не я...» Соглашаясь с мнением Гранта о том, что истинный писатель не может считать себя автором переведенного текста, Карабчиевский, ссылаясь на Холдена из «Над пропастью во ржи» Дж. Д. Сэлинджера, подчеркивает, что перевод редко когда передает читателю нечто весьма важное, но он должен быть признателен «...за эту реализованную невозможность и за трату, превышающую все запасы, – велика ли за это любая плата? Любая мала... но грех не поддержать, не сказать похвалы, если есть хоть малейшее к тому основание. Грех утаить, не вернуть хоть частицу тепла и света. И тут, как, впрочем, и всегда в жизни, лучше передать, чем недодать...»

Для Гранта Матевосяна, как он говорит в одном из своих интервью конца прошлого века, «литература – религия». Выдающийся писатель всю свою жизнь прожил Литературой. И неслучайно во время встречи с русским писателем в 1976 году он произносит такой тост: «Выпьем за Литературу! Она одна осталась еще в этом страшном мире, единственное наше прибежище и утешение». А в 1982 году (в очерке Андрея Битова «У подножия действующего вулкана», посвященном Гранту Матевосяну) он, поднимая бокал, скажет: «Я хочу выпить за Литературу, которая не менее точна, чем наука, а может и более точна, и которая не менее великая действительность, чем жизнь, а может она и есть сама жизнь... Это счастье!»

В беседе с Карабчиевским Грант Матевосян также говорит о важности работы, проделываемой человеком: «Надо работать, надо много работать, иного выхода у нас нет...»

В результате этой нескончаемой работы создалось огромное, появившееся, к сожалению, лишь посмертно, в 2004 году, матевосяновское наследие: сборник портретов представителей литературы и искусства, общественных и политических деятелей «Перед белой бумагой», и исключительно ценная, устанавливающая планку высокого эстетического вкуса книга интервью «Я – это

я», которая «не представляет и половины колоссального объема рассеянного по армянской и зарубежной прессе целого». Проведенные с 1970 по 2000 год эти интервью, каждое из которых можно рассматривать как отдельный очерк, полны удивительных предвидений, оценок не только в области литературы (армянской, русской и мировой) и национально-общественной жизни Армении, но и многостороннего, блистательного знания истории, быта армянского народа, глубоких философских раздумий.

В 2017 году вышли два объемистых тома «Неопубликованного», столь долго ожидавший публикации роман «Крепыш». Бесценны составленное Грантом Матевосяном «Избранное» (1997) и скопированная и напечатанная по его инициативе в Венеции «Книга дороги» (1997) Егише Чаренца; «Рассказы, интервью, эссе, воспоминания» Вильяма Сарояна (1999), «Избранное» Ованеса Туманяна (2001), и все это – с его высокохудожественными предисловиями, глубинным и точным анализом времени. *«И к сформулированному им суждению: “Их было четверо, тех, кто создали для нас родину”⁷ (имея в виду Хоренаци, Абовяна, Туманяна и Чаренца), позволим себе добавить, что пятый... Грант Матевосян... Его литература для нас – родина...»*

Встреча Гранта Матевосяна и Юрия Карабчиевского завершается приятной для читателя новостью о находящемся в процессе написания рассказе, и было интересно узнать, вошел ли он в готовящийся к изданию сборник:

«Передай нашему другу, – говорит на прощанье Грант, – что повесть, которую я пишу, называется “Божий свет – свет моей Совести”.

– Он у нас теперь – как Лев Толстой, – смеется Вержинэ⁸. Она в черном пиджаке Гранта, он в одной белой рубашке, бережно обнимает ее за плечи. – Он теперь у нас как Лев Толстой. Пишет на темы морали и озаглавливает полными предложениями.

– Обязательно передай, – серьезно повторяет Грант. – Потому что, когда вы ее прочтете, она будет называться совсем ина-

⁷ Каринэ Месропян. Чаренц создал для нас родину, «Норк», Ер., 2023.

⁸ Жена Гранта Матевосяна.

че. А на самом деле все именно так: “Божий свет – свет моей Совести”».

В писаниях Гранта Матевосяна Божий свет – всюду...

Русский писатель пересек сотни километров для того, чтоб отдать дань, возвратить Гранту Матевосяну свою долю света и тепла. Резюмируя их беседу, отметим, что из повести «Тоска по Армении» читатель черпает немало сведений об этом периоде жизни большого писателя – периоде 70-х годов прошлого века.

Спустя два года, прошедших после командировки, сводя воедино впечатления об Армении, Юрий Карабчиевский писал: «Я был счастлив тогда в Ереване – убедившись в том, что Грант Матевосян так же прекрасен, как его книга; и я был снова счастлив теперь в Москве, оттого что его книга также прекрасна, как он».

Литература Гранта Матевосяна, опубликованная во многих странах, «показывает миру место Армении» и, по мнению Юрия Карабчиевского, раскрывает для иноязычного читателя (возможно и для армянского) предназначение армян под этим солнцем: «они как легирующая присадка, и в этом их историческая миссия».

Сегодня рядом с созданным Андреем Битовым образом Гранта – «друга», мы имеем созданный Юрием Карабчиевским образ Гранта Матевосяна – армянского писателя, чья литература и человеческая порода стали поводом для раздумий и написания книги о нашей стране.

ПОСЛЕ ТУМАНА

Светлана Ованесян. Туман. Повесть.

Изд-во «Феникс». Ростов-на-Дону, 2026

Такое чувствуется, когда книга по душе, возникают какие-то воспоминания, впечатления, что-то неуловимое, напоминающее. Вот и повесть Светланы Ованесян «Туман» – короткое, но образное название, даже в анонсах книги возникали в памяти давние впечатления от когда-то прочитанных. Узнаете? Алик Деткин. «Очень страшная история» Анатолия Алексина или «Пленники Барсова ущелья» Вахтанга Ананяна. Захватывающие, с приключениями, с опасностями, дружбой и хорошим финалом, книги из того ушедшего времени.

Так и было. Прочитал с удовольствием. Не сразу, хотя читается увлекательно, прочитал с паузой. То есть повесть разделилась у меня на две части, до того, как ребята сели в злополучный автобус, и после. Пауза случилась неумышленной и поставила мое собственное читательское разграничение на до и после. В книге есть и оригинальное оглавление с давней доброй традицией обозначения имени и места и динамикой сюжета: «*Артём*», «*Валерка*», «*Инга*»... старший класс средней школы ... школьная рутина и неблагоприятные поступки жестоких подростков, терпение и безразличие родителей и порой удивительно «нейтральных» педагогов... «*Неблагоприятный прогноз*» запускает события, за ним тот самый «*Туман*», за которым прячется «*Страх*» – самый настоящий, – и вероятность исчезновения навсегда: самому и в памяти самых близких.

По законам жанра, в том числе детективного, начинает и раскручивается «*Розыск*» – «*Внутри*» и вне... Не удивительно, что появляется хладнокровный и добрый следователь Чернов (хорошо, что у главного героя будет отчимом именно он).

По свидетельству многих, в жизни хуже всего ждать и догонять. Глава 16. «В режиме ожидания» оправдывает это и подтверждает постулат, что из любого положения есть (или может быть) «Выход» – даже самый неожиданный и необъяснимый. Необъяснимый на первый взгляд...

Вот что может рассказать живое, путеводящее оглавление повести Светланы Ованесян.

Неплохая привычка читать с конца: последнюю страницу, оглавление хорошей книги. Но затем добрый, понимающий читатель, хоть подросток, хоть взрослый, должен окунуться в сам Текст. В современном подростковом «читательском» мире есть понятие «в пересказе». Может, этот феномен, когда роман, классика прочитывается вместо шести часов за 20 минут, дает эффект в учебных гонках, однако хорошую книгу нужно читать! И не в пересказе!

Почти детективная, драматичная, почти ужасная небольшая повесть, где есть сюжет, есть характеры.

Вспомнить кое-что, узнать кое-кого. Нравится «развертывание» текста, с раскрытием характеров и историй героев. Подростков и их родителей. Последние выглядят молодыми (иллюстрации подчеркивают этот факт), совсем не «предки» и это хорошее поливание воды на мельницу «подростковой литературы». А, впрочем, сколько им должно быть лет? Отпрыскам, учащимся 8 класса по 14-15 лет. По большому счету "родаки" главных героев приятно положительны – даже Лиля, новая мама Валерки. Обычно современная литература, и особенно кино, подают мачеху отрицательной, не переваривающей детей нового мужа и строящей всякие козни. А тут в повести неожиданно симпатичная молодая женщина с номерами в своем телефоне «одноклассников, классного руководителя, участкового педиатра и тренера по футболу», к «которому вместе ходили записываться» с пасынком, про что отец и не в курсе. И понимающая: «Ему не я, чужая тётя, нужна. А родной отец! Ты ему нужен!» – говорит Лилия мужу в острый момент истины.

Хорошо придуман сюжет: пошагово и поактово (Светлана это умеет – сужу по журнальным публикациям). Плавное запус-

«ужастик» – сюжетное приключение (авторы малых и больших хорроров делают это по-разному; Стивен Кинг тут учитель)– и выход из него. Есть ощущение, что неожиданные «порталы» туда и оттуда могут быть рядом, в шаге от реальной жизни. Понимается и смысл того, что случилось. И для чего. Например, встреча с ушедшими навсегда.

Светлана Ованесян знает реалии современной школы, ее проблемы. Одна из них буллинг, который, может, под другим названием и не в таких масштабах, но был и 20-30 лет назад, когда *воспитание*, а не только «знание предмета», считалось неотъемлемой частью учебы в школе. Другая – расслоение по материальному признаку. А ещё – нагрузка, учёт/контроль, на педагогов. Особенно когда в классе столько же человек – почти три десятка, – как и эпоху назад. Полный список. От А – Абрамян Соня (эх, карглазая, нехорошо, что не дала своей подруге даже поддержать куклу – тоже элемент возможного в будущем буллинга, ранний, пока только создающий фон для неприятностей посерьезнее), до Я – Яковлева Инга, девочка, которой одноклассница Соня не дала куклу, потому что Инга ... «вонючка» – её мама работает техничкой в школе, а дочка помогает ей с уборкой. Конечно девочки, как пелось в звонкой пионерской песенке, сделаны не из того же материала, из чего делаются мальчики, особенно такие, как Осипов (Оса) и Воробьев (Воробей). Это они, «не ведающие, что творят», придумывают обидные клички, оплевывают, бьют. Автор дает одну важную примету их характерам: *«Оба какие-то... не совсем: не глупые, а глуповатые, не подлые, а подловатые, не трусливые, а трусоватые»*. Можно посмотреть и концепции воспитания от родителей («дать ремня» и более «мягкие»). Кроме них (надежда на исправление все же остается!) почти все учащиеся класса симпатичны, и даже Света, староста класса, дочка тревожной мамы. Но куда девается эта симпатичность, когда дети сбиваются в стаю и начинают дружить против кого-то.

Обычные неприятности и даже жестокость по отношению к Артему к середине повести «Туман» достигают ситуационного накала и неминуемого для жанра разрыва во времени и про-

странстве посредством одного из характерных для хоррора видов транспорта, – летящего в страшное неведомое автобуса. Дальше кому как повезет. Трем героям книги повезло – они попали в опасный Переход и нашелся Выход (или они его нашли).

Может ли книга быть страшной, детективной, поднимающей проблемы и вопросы (кроме традиционных: кто виноват и что делать), когда в ней нет однозначных злодеев, радикальных мерзавцев? В «Тумане» Светланы Ованесян их нет или почти нет. И это хорошо. «Вставлять» (этого требуют издатели, публика!) может и позитив – самый дефицитный товар на сегодняшний день. А то ведь современный читатель после первой малой крови (повесть начинается со слов: «Он даже не успел закрыться. Удар пришёлся в скулу и скользнул по носу...») ждет большей; ожидает не только мурашек от страшного водителя автобуса без лица, но и его разрушительных действий.

А злодеи, как и негатив, исходящий от них, конечно, есть. В *тумане*, и особенно, когда он рассеивается. Часто ужасны не просто люди, а обстановка, ими создаваемая. Сперва – в школе, затем – во взрослой жизни. Сначала ребенок не делится куклой, добрым отношением, потом соглашается и сам участвует в травле одноклассника – травле, которая удивительно забывается теми, кто травит, и десятилетиями, лишь немного вытесняясь сознанием, остается в памяти тех, кто пострадал. Взрослые безответственно рвут связи и создают новые реальности, совершенно не обращая внимание на «третью» (как отмечал один известный классик-философ) сторону семейной жизни – своих детей, вмиг становящимися беспритульными в тупиковых для психики ситуациях. Нужно разобраться. В мире реальном.

Автор добрый человек, однако злодеи-мерзавцы, сплетники, завистники, равнодушные (!) в повести, как и в жизни, в наличии... Главное, чтобы они не доминировали. *«Жизнь длинная... И очень короткая...* – напоминает нам автор голосом бабушки Валеры, пришедшей на несколько минут из вечности. – *Надо учиться прощать и не требовать от людей большего, чем они могут дать, не отравлять себя обидами и нелюбовью».*

Бывают люксовые автомашины, люксовые квартиры, а в книге «Туман» Светланы Ованесян люксовый финал. Просто суперлюксовый. Его «разгадывает» вечером вахтер школы. Вы же помните, что в школе всегда есть кто-то, даже ночью...

И еще в повести есть один герой-загадка, очень важный. И он не человек, но на стороне света.

Сергей Исиханов

РУСЛАН СЕМЯШКИН

НЕРАЗГАДАННЫЙ ТАРИВЕРДИЕВ

Восприятие музыкального произведения дело, разумеется, глубоко индивидуальное. Но зачастую мы сами не замечаем, что становимся почитателями той или иной мелодии, песни, отдельного ее куплета. Что-то нас в них неожиданно заинтересовало, почему-то понравилось. И вот мы уже начинаем напевать, полюбившийся мотив всё более нами овладевает, и кажется, будто бы мы знали его всегда, словно бы он жил в нас давно, с молодых лет, а может еще раньше... Ничего удивительного в том нет, наши потаенные струны души постоянно нуждаются в чем-то глубоком, способном по-настоящему волновать и радовать.

Так десятилетиями на женских посиделках поют нестареющую песню со словами «На Тихорецкую состав отправится...». И совсем не важно, что солидные дамы, ныне пребывающие в бальзаковском возрасте, давно уже не питают каких-либо иллюзий и не ждут от жизни чуда. А вот таривердиевская песенка их по-прежнему волнует. Волнует вроде ненавязчиво, но так, что вновь в их душах что-то трепещет, а сознание напомнит о молодости, о зарождении большого чувства... И опять для них «вагончик тронется, перрон останется... платочки белые, платочки белые, глаза печальные».

В мужских компаниях неопределенного возраста частенько продолжают горланить «Оркестр гремит басами, трубач выдувает медь...». И все участники таких не запланированных заранее выступлений испытывают непередаваемые чувства. Их души переполняет светлое и радостное ощущение чего-то необыкновенно близкого, родного, неотъемлемого...

Ну а как передать то приятное внутреннее замешательство, то волнение, то соприкосновение с самым сокровенным, когда мы слышим «Песню о далекой Родине» на стихи Роберта Рождественского?

*Я прошу, хоть ненадолго,
Боль моя, ты покинь меня.
Облаком, сизым облаком
Ты полети к родному дому,
Отсюда к родному дому.*

*Берег мой, покажись вдали
Краешком, тонкой линией.
Берег мой, берег ласковый,
Ах, до тебя, родной, доплыть бы,
Доплыть бы хотя б когда-нибудь.*

Эта музыка завораживает. От нее исходит всё самое доброе, светлое, высоко духовное и нравственное, чувство принадлежности и сопричастности. Принадлежности к свету, к добру, к справедливости. В самом широком понимании этих слов, в полной мере олицетворяющих фундаментальные ценности на земле.

О Микаэле Таривердиеве, 95-летие со дня рождения которого приходится на 15 августа 2026 года, немало сказано и написано. Но, по сути, феноменальность таривердиевской музыки, узнаваемой безошибочно буквально по нескольким тактам, и прежде всего вокальных шедевров – объяснить до сих пор не получается. И в том нет ничего удивительного, так как постичь и осознать творческое существо гения всегда сложно, а скорее невозможно. Ну а в том, что Таривердиев, пришедший в искусство в конце 50-х – начале 60-х годов вместе с плеядой молодых, чрезвычайно талантливых, ищущих композиторов, таких как Р.Щедрин, А.Пахмутова, А.Петров, С.Слонимский, был гением, сомневаться не приходится. Как нет и сомнений, что музыке этого удивительного композитора самым провидением дарована долгая-долгая жизнь.

Недаром выдающаяся армянская советская камерная певица Зара Долуханова на сей счет однажды сказала: «Таривердиев – один из самых узнаваемых современных композиторов. У него есть свой почерк, своя интонация. Я имею в виду интонацию не только в узко музыкальном смысле слова, но шире – интонацию души, сердца. Это в равной степени относится и к его романсам, и к его песням. И, может быть, в этом кроется главный секрет его популярности».

Каждый настоящий художник глубоко индивидуален. Творческая же индивидуальность Таривердиева столь несомненна и очевидна, что ее ни подтверждать, ни опровергать в общем-то не требуется. Собственно, о яркой и неповторимой индивидуальности композитора, его разносторонности и исключительной работоспособности убедительно говорит даже скупая на проявление чувств и переживаний статистика, подтверждающая, что Микаэл Леонович написал музыку к 132 кинофильмам и ряду спектаклей, более сотни песен и романсов, четыре балета («На берегу», «Допрос», «Герника», «Девушка и смерть»), четыре оперы («Кто ты?», «Граф Калиостро», «Ожидание (монолог женщины)», «Женитьба Фигаренко»), а также множество камерных и симфонических произведений, среди которых Симфония для органа «Чернобыль», концерты для органа «Кассандра» и «Полифоническая тетрадь», два концерта для скрипки с оркестром и «Концерт в романтическом стиле для альта и струнного оркестра», написанный по заказу выдающегося альтиста и дирижера современности Юрия Башмета.

Своеобразие творчества Таривердиева, разумеется, заключается не в количестве созданных им произведений, а в их содержании и тематике. Потому-то не стоит его творческий портрет сводить лишь к вокальной составляющей. Да и ординарными мерками масштаб творчества этого большого мастера никак не оценить, что в свое время отмечал и выдающийся советский, российский композитор Родион Щедрин: «...К Таривердиеву такой подход решительно неприменим. У него собственное решение: «что такое хорошо и что такое плохо», что нужно и что не нужно,

своя мера вещей. Его сочинения, думаю, можно воспринимать только непредубежденно. В старой побасенке говорится: когда пьешь пиво, не ищи в нем чая. Лишь постигнув законы его музыки, можно постичь его творчество. Он, вне сомнения, строго следует своему «своду законов», выстроил их в стройную систему, а отнюдь не идет ощупью, ведомый только интуицией. В его композиторской работе обнаруживается и принципиальная последовательность выбора «ходов» и средств выражения, последовательность во взаимоотношениях с поэтическим словом, в гармонических склонностях (тут трудно не заметить своего рода «арки», которые он стремится перекинуть из сегодня к баховской, скорее даже к генделевской традиции – явление, вообще характерное для наших дней, но преломляющееся у него по-своему). <...>

Поиски взаимопроникновения и взаимодополнения жанров, а в конечном счете – поиски связей с тем адресатом, для которого музыка пишется, – дело исключительно важное. Таривердиев делает это, прибегая часто к непростым, непривычным средствам. Вспомним крупные его сочинения последних лет – Скрипичный концерт, недавно прозвучавший впервые, и оперу «Граф Калиостро». В опере занимательность сюжета (которая, видимо, всегда его очень привлекала и в кинематографической работе), сама по себе идея, необычный выбор этого рассказа Алексея Толстого – всё очень свежо и благодарно. Хороши в «Калиостро» ансамбли, удачно построена музыкальная форма, найдены пропорции «серьезного» и «легкого», уместны и изящны версификации «генделевских» арий, декламации. И неизменно – соотношение, связь с временем нашим. <...>

У этого талантливого музыканта свое лицо, свои завоевания, свои открытия. У него есть огромная аудитория, которой вправе позавидовать сегодня любой композитор. Есть свой взгляд на вещи, свои «отношения» и с музыкальной формой, и с интонацией, и с гармонией, и с инструментовкой».

Да, у Таривердиева было «свое лицо» и всё остальное, что необходимо профессиональному музыканту, а также и то, что заметно выделяло его среди других отечественных композиторов, работавших в 50-е – 90-е годы прошлого столетия. Выделяло,

подчеркнем, в первую очередь благодаря вокальным произведениям, обращенным к широкой слушательской аудитории, обеспечившей ему настоящую популярность в народе. И это обстоятельство, конечно, ни в коей мере не затмевало его инструментальных сочинений, адресованных музыкально более просвещенной и взыскательной публике.

Кстати, адресовал свои творения Таривердиев в действительности слушателю не равнодушному, не праздному, не прожигающему жизнь. Нет, Микаэл Леонович ориентировался на людей активных, целеустремленных, размышляющих и о жизни, и о ее смысле, и о целях, которых следует добиваться, и о тех проблемах, с которыми неизбежно приходится сталкиваться на жизненном пути. Таков, конечно же, был и герой таривердиевских произведений, в большинстве своем предельно современных. Об этом качестве музыки Таривердиева как-то выскажется и Александра Пахмутова: «Что характерно для музыки Таривердиева? Мне думается, прежде всего современность. Современен его герой, современен строй его мыслей и чувств. Его герой – человек интеллектуальный, сложный, с богатым и тонким внутренним миром. Люди, в особенности молодые, это чувствуют. Они тянутся к произведениям, раскрывающим этот мир».

Важно при этом подчеркнуть, что все те музыкальные жанры, к которым обращался Таривердиев, в творчестве его были тесным образом взаимосвязаны, что в свою очередь позволяло им взаимодействовать друг с другом. Потому-то, не разобравшись в одном таривердиевском сочинении, не осознав, не прочувствовав природу этого произведения, за поспешное прослушивание другого браться не стоит, его специфика слушателю останется непонятной. Так, к примеру, музыкальная драматургия фильмов «Спасите утопающего» и особенно «Король-олень» режиссера П. Арсенова имеет много общего с оперными творениями мастера. А вот оперы «Кто ты?» и «Граф Калиостро» были теснейшим образом связаны с его массовой, эстрадной музыкой. В то же время вокальный цикл композитора на стихи Хемингуэя с его музыкально-композиционной целостностью трудновато понять, не познакомившись с Таривердиевым как с театральным композито-

ром, вне его музыки к спектаклю «Прощай, оружие!». Сонеты же Шекспира, явившиеся вполне самостоятельным творением, сразу обретут иное звучание, откроют новые грани, да и окажутся вдобавок созвучными с поэтикой телевизионного фильма «Адам женится на Еве» В.Титова, к которому и писались. И подобные примеры в творческом багаже композитора совсем не единичны.

Так в чем же проявляется своеобразие и значимость творчества Таривердиева? Думается, прежде всего в четком видении и ощущении жизни, в ее реалистичном понимании, в стремлении придерживаться своих мировоззренческих взглядов и развивать те темы, которые ему были близки.

Сильной стороной его творчества являлся тонкий лиризм, заключавшийся в особом – сокровенном, задушевном тоне разговора композитора со слушателем. Собственно, отсюда формировалась романтичность его музыки, в полной мере реализованная в блестящих вокальных сочинениях, с которых и начинался профессиональный композиторский путь. Нелегкий путь уроженца Тбилиси армянского происхождения, сына советского служащего, увы, оказавшегося репрессированным. Отец, Леон Навасардович Таривердиев, имел экономическое образование и был директором Тбилисского государственного банка; мать, Сатеник Григорьевна Акопова, была географом, философом, подлинным любителем и ценителем музыки. Юный выпускник Тбилисского музыкального училища по классу композиции известного композитора и педагога, профессора Шалвы Мшвелидзе (один из основоположников грузинской советской музыки фактически первым распознает в юном Таривердиеве незаурядное музыкальное дарование) полтора года проучился в Ереванской консерватории (за это время он успел неплохо овладеть родным армянским языком), а затем успешно окончил Московский музыкально-педагогический институт имени Гнесиных, где обучался в классе композиции самого Арама Хачатуряна, который тогда, в самом начале 50-х годов, был, что называется, педагогом начинающим.

Бесспорно, Таривердиеву крупно повезло, что его учителем в Москве являлся великий Хачатурян, занятия с которым станут для него школой не только художественного мастерства, но и че-

ловческой зрелости. Для будущего композитора, конечно, имели значение и довольно широкая направленность художественных устремлений Арама Ильича, и его активная общественная деятельность. Гениальный композитор, автор симфоний, концертов, балета, как известно, со всей серьезностью работал и в жанрах массовой музыки, в драматическом театре и кино. Естественно, эта творческая разносторонность затем благоприятно отзовется и в произведениях Таривердиева. Отзовется она и в его творческой судьбе, повлияет на становление позиции музыканта.

Что же касается романтичности музыки Таривердиева, о которой высказывались многие критики, музыканты и коллеги-композиторы, то обратимся к мнению выдающегося русского советского композитора Андрея Петрова, так же, как и Микаэл Леонович, писавшего лиричные, одухотворенные сочинения и плотно работавшего для кинематографа: «...главное, что характерно для творчества Таривердиева, это его романтичность или – это слово представляется мне более точным, – поэтичность, качество, к сожалению, не столь частое в музыке XX века. Он избрал для себя атмосферу поэзии и старается ввести в эту атмосферу любую тему, идею, к какой бы он ни обращался. У композитора встречаются элементы сатиры, драмы, бытовые зарисовки, но это не главное. Определяющим же, пронизывающим всё его творчество является Поэзия с большой буквы, то есть мир явлений и образов возвышенных, приподнятых над повседневным, одухотворенных. Таривердиев не боится ограничиться этим миром, справедливо считает его настолько объемным, настолько богатым и безбрежным, что ему вполне хватает его границ и пределов, чтобы высказать всё, что он хочет, и при этом избежать однообразия, монотонности».

Лиризм, поэтичность Таривердиева станут заметны уже в первых его вокальных циклах, написанных на стихи Аветика Исаакяна, Шекспира, средневековых японских поэтов. В этих циклах он усердно работал над трактовкой отдельных музыкальных миниатюр и над поиском выразительных средств, способных отразить поэтический строй избранных им стихов. И при этом он стремил-

ся быть убедительным, тем паче, что романсы Исаакяна следовало передать посредством народного армянского мелоса, присущих ему внутрислоговых орнаментальных распевов, тем самым демонстрируя национальный колорит; а вот вокальные партии на сонеты Шекспира, учитывая их обобщенно-философский характер, требовали иного подхода, достигавшегося за счет голоса и фортепиано, образовавших два центра притяжения.

Особое место среди ранних сочинений, да и во всем творчестве Таривердиева занимает его цикл «Акварели» на стихи средневековых японских поэтов, написанный в 1957 году. Впоследствии это произведение музыкальные критики будут считать первым творением Микаэла Леоновича, позволяющим говорить о его самобытном даровании и проявлении собственного стиля. С «Акварелей» фактически берут начало все его последующие камерно-вокальные произведения. При этом заметим, что художественные достоинства данного цикла сразу оценил и Хачатурян. Всегда чрезвычайно требовательный к работам своих учеников, познакомившись с циклом, Арам Ильич рекомендовал его к печати и выступил инициатором издания этих романсов, впоследствии вошедших в репертуар многих известных камерных исполнителей.

Среди самых выдающихся камерных певиц, исполнявших «Акварели» и многие другие вокальные произведения Таривердиева, прежде всего назовем непревзойденную Зару Долуханову, по существу, более шестидесяти лет назад открывшую молодого композитора серьезному и вдумчивому московскому слушателю в Зале имени Чайковского и в Большом зале Московской консерватории. «Зал был полон, – напишет Таривердиев в автобиографической книге «Я просто живу». – Зара вызывала меня на сцену. Я не посмел подняться – боялся, что непременно упаду, если буду подниматься по лестнице. Зара пригнулась ко мне, я поцеловал ей руку. Это был счастливейший день в моей жизни».

«Когда я впервые познакомилась с вокальными циклами Таривердиева, я сразу ощутила в них сильную, какую-то особенно концентрированную выразительность, представляющую богатейший материал для камерных певцов, – отмечала Зара Александровна, искренне любившая, даже боготворившая творчество Та-

ривердиева и высоко ценившая его как талантливую, по-настоящему увлеченную и благородную личность. – Работая над его сочинениями, я поняла, что они требуют от исполнителя речитативного мастерства, умения донести до слушателя каждое слово. Не случайно композитор всегда использует совершенные поэтические тексты. Не владея речитативным даром, актерскими данными, к его музыке трудно подойти. При этом богатая и тонкая декламационность не исключает в романсах Таривердиева широкой мелодической линии, кантилены. Композитор гибко сочетает эти два типа вокализации, строя на их соотношении внутреннюю драматургию романса».

Вслед за «Акварелями» последуют циклы на стихи В.Маяковского, С.Кирсанова, Л.Мартынова, Б.Ахмадулиной, Е.Винокурова, Э.Хемингуэя (в переводе А.Вознесенского), М.Светлова (за вокальный цикл «Мы с тобою, товарищ» на стихи этого легендарного уже при жизни поэта, с которым композитор был знаком лично, он в 1976 году удостоится премии Ленинского комсомола). Напишет Таривердиев и семь песен-речитативов на стихи Г.Поженяна и четыре вокальные новеллы на стихи Л.Ашкенази. Немало песен он напишет на стихи Н.Добронравова, Е.Евтушенко, А.Вознесенского, Р.Рождественского, М.Цветаевой, Б.Пастернака, Д.Самойлова и других.

Немаловажно в этой связи отметить и то, что Таривердиев умел профессионально «внимать» практически любому поэту, но обязательно талантливому и самобытному. Казалось, он буквально проникается ритмом, мелодией стиха, выразительно перекладывая слово на музыку. В общем, можно сказать, что у композитора «сначала было слово». Сам же Таривердиев свою приверженность слову однажды прокомментирует следующим образом: «Только в моем первом вокальном цикле «Акварели» на стихи средневековых японских поэтов, – я написал это по совету Арама Ильича Хачатуряна, учась на втором-третьем курсе Музыкального института имени Гнесиных, – я шел от формы, поразившей меня лаконичностью и глубиной. Но это исключение.

Никогда не иду от слова – только от мысли. Сначала возникает музыкальная мысль. Начинаю искать эквивалент в поэзии или в

прозаических вещах, которые как-то приближены к тому, что я хотел сказать <...> меня интересует проблема слова, звучания слова. Написанное слово – это не просто соединение напечатанных букв. Оно вызывает свои образные ассоциации и затем уже звуковые. <...> Есть у меня циклы на стихи С.Кирсанова, Б.Ахмадулиной, сейчас увлечен Е.Винокуровым (всего написано двенадцать циклов – около ста романсов). Но самым любимым был и остался ранний – на стихи Маяковского. Маяковский чрезвычайно близок мне как поэт, личность. <...> Когда писал на стихи Маяковского, было свободно и легко. И безумно интересно. В цикл вошли «Лиличка, вместо письма», «А вы могли бы?», «Тучкины штучки», «Послушайте, если звезды зажигают, значит, это кому-нибудь нужно?». Этот цикл и положил начало моим экспериментам в области вокальной музыки, а вокальная музыка (это к разговору о слове) в настоящем ее виде – это синтез музыки и поэзии и никоим образом не примат одного или другого явления. Только соединение двух полноценных образов – музыкального и поэтического – дает иное, новое качество, которого нет в отдельности ни у музыки, ни у поэзии».

Тут же обязательно следует заметить, что вышеназванных советских поэтов (за исключением Николая Добронравова, написавшего в том числе слова для удивительной их совместной с Микаэлом Леоновичем песни «Маленький принц»; Григория Поженяна, писавшего для многих композиторов и написавшего стихи для песен Таривердиева, украсивших фильм о Великой Отечественной войне «Прощай», автором сценария и режиссером которого был сам Поженян; Роберта Рождественского, являющегося автором замечательных таривердиевских «Мгновений» и «Песни о далекой Родине») поэтами-песенниками никак не назовешь. «Я помню время, – признавался Андрей Вознесенский, – когда считалось невозможным положить на музыку стихи таких поэтов, как Борис Пастернак, Семен Кирсанов, Евгений Винокуров. Таривердиев своими сочинениями доказал, что сложный стих обладает своей богатой музыкальностью. Композитор относится к ткани стиха с большой бережностью. Его грациозная ма-

нера не нарушает внутренней поэтической логики, но и не дублирует ее, а всегда дополняет и развивает».

Создавать музыку на стихи любимых Микаэлом Леоновичем поэтов было совсем не просто. И дело даже не в каких-то сугубо музыкальных особенностях, обеспечивающих создание произведения, выдержанного в нужных тонах и во всех отношениях завершенного, а в том, что композитору предстояло сохранить мысль поэтов, представленную в яркой поэтической форме. Бесспорно, Таривердиеву это в полной мере удалось, что отмечали не только поэты-современники, радовавшиеся тому, что их стихи обретали бесподобное музыкальное выражение, а и многочисленные слушатели, восторженно их принимавшие.

Музыка к шести песням советских поэтов («Мне нравится» и «У зеркала» М.Цветаевой, «Никого не будет в доме» Б.Пастернака, «Со мною вот что происходит» Е.Евтушенко, «Я спросил у ясеня» В.Киршона, «По улице моей» Б.Ахмадулиной) в 1974 году украсит ставший воистину культовым фильм Эльдара Рязанова «Ирония судьбы, или С легким паром», более полувека успешно демонстрирующийся на телеэкране и давно разобранный на цитаты.

«Произошел некий казус, как потом оказалось, весьма счастливый, — признавался выдающийся режиссер. — У нас с Эмилем Брагинским была пьеса «Ирония судьбы», которая прошла по многочисленным театрам страны. Это был водевиль с элементами буффонады. В 1974 году я задумал ставить по этой пьесе фильм. В то время я как бы искал иное направление в комедийном жанре: хотелось поставить фильм лирический, чуть грустный, ностальгический, о людях не очень счастливых, и чтобы в нем непременно звучало восемь песен на стихи Пастернака, Цветаевой, Ахмадулиной, Киршона, Евтушенко, Львовского. Я пригласил — такая была странная идея — четырех композиторов: Андрея Петрова, Яна Френкеля, Исаака Шварца и Микаэла Таривердиева — с тем, чтобы каждый написал по две песни. Мне казалось, что один композитор не справится с этой сложной задачей. Но, видимо, такой «колхоз» не слишком пришелся мэтрам по душе, и под благовидными предлогами трое отказались. Остался только

Таривердиев, чему я безмерно рад. Песни-романсы, созданные им, отмечены знаком его прекрасного поэтического, тонкого дарования и кроме того – единством стиля, что оказалось очень важным... Во всяком случае, это чисто таривердиевские песни, оригинальные, неповторимые и по интонациям, и по характеру. Они лежат как бы на пограничной полосе между современной эстрадной песней, бытовым романсом и бардовской песней».

Музыка в «Иронии судьбы», развивавшаяся от откровенной комедийности к тонкой лирической драме, сыграет свою определенную роль, она выступает в фильме самостоятельным «голосом». С самого начала фильма композитор постарался ввести зрителя-слушателя в круг сложных человеческих проблем, что удалось сделать благодаря песне на стихи Евгения Евтушенко «Со мною вот что происходит» – лирическому и грустному раздумью о том, как крайне непросто, порой парадоксально складываются отношения между людьми, – о «разобщенности близких душ» и, напротив, «чужих людей соединенности». Далее композитор представляет другие свои песни-размышления, которые существенно дополняют комедийность фильма глубокими раздумьями. В 1977 году за музыку к этому фильму Таривердиев совместно с авторами сценария Э.Брагинским и Э.Рязановым (он же – режиссер-постановщик), а также исполнителями главных ролей А.Мягковым и Б.Брыльской был удостоен Государственной премии СССР.

А вот музыка к многосерийному фильму «Семнадцать мгновений весны», увидевшему свет в 1972 – 1973 годах, ставшая всенародно известной, Таривердиеву высоких наград не принесла. Маститый советский режиссер Татьяна Лиознова, снимавшая этот один из самых известных советских киносериалов, о работе с композитором отзывалась достаточно благосклонно: «Я понимаю, почему Таривердиев не сразу согласился писать музыку к «Семнадцати мгновениям» – он не мог себе представить, как ему с его лирическим дарованием найти место в этом остросюжетном фильме. Но я не случайно обратилась именно к Таривердиеву. Я хорошо знала его музыку, любила ее, она привлекла меня своей удивительной проникновенностью, щемящей нежностью. Мне были знакомы и взгляды Таривердиева на роль музыки в кино:

ведь я была слушательницей его лекций, когда он преподавал во ВГИКе, а я там училась. И мне нужен был именно такой композитор, который бы не шел вслед за материалом, а силой своей индивидуальности, своего мироощущения привнес бы в картину то, чего ни я, ни оператор, ни актеры не смогли бы выразить».

И тем не менее, несмотря на несомненный успех музыки фильма и ее безусловные художественные достоинства, на Госпремию СССР, по воспоминаниям композитора, он рекомендован не был: «На премию были выдвинуты Лиознова, Тихонов, Семенов, оператор Петя Катаев – никуда не денешься. А меня она вычеркнула. Ну и плевать, дело не в этом, это я пережил.

Картина имела бешеный успех. В том числе и музыка – у меня начался новый наворот известности. Песни исполнялись по радио, телевидению бесконечно. На телевизионном фестивале «Песня-72» обе песни получили две первые премии. Меня просто разрывали на части».

Следует сказать, что при всей своей всесоюзной известности и народной популярности Таривердиев удостоивался высоких государственных наград не так уж часто. После премии Ленинского комсомола и Государственной премии СССР несколько позже, в 1979 году, ему присвоят звание заслуженного деятеля искусств РСФСР. В 1986 году он удостоится звания народного артиста РСФСР. А за заслуги в производстве советских телевизионных фильмов и участие в создании фильма «Семнадцать мгновений весны» композитора лишь спустя десятилетие после выхода сериала наградят орденом Трудового Красного Знамени.

Впрочем, к наградам, профессиональным званиям и премиям, таким как небезызвестная национальная кинематографическая «Ника» (ее он удостоивался трижды: за фильмы «Загадка Эндхауза» В.Дербенева, «Русский регтайм» и «Летние люди (Дачники)» С.Урсуляка) и премия Американской академии музыки (за сюиту к многосерийному фильму «Ольга Сергеевна» А.Прошкина), Таривердиев относился довольно сдержанно. Не кичился он и своим официальным положением в мире музыки ни будучи секретарем Союза композиторов СССР, ни до того, когда возглавлял жю-

ри телевизионного конкурса «Молодые голоса» и вел передачу «Алло, мы ищем таланты!».

О Микаэле Леоновиче можно говорить подробно и долго. Говорить о работе в кино, на эстраде, рассуждать о его операх и балетах, среди которых особо выделяется опера «Граф Калиостро» – «опера-юмореска», как называл ее выдающийся советский оперный режиссер Борис Покровский, заметивший, что в этой опере «постоянно присутствует и наблюдает за происходящим эдакий насмешливый, подмигивающий глазок». Конечно, с восхищением следует говорить и о его симфонической музыке, например, о том же Скрипичном концерте, искреннем, взволнованном, душевном произведении со множеством всевозможных оттенков и градаций: то мягких и элегичных, то восторженно-экстатичных, то возвышенных и гармоничных, то суровых и сдержанных. И о каком бы таривердиевском творении мы ни вели речь, как бы детально ни рассматривали мы его эмоциональный строй, в конечном счете всё сведется к лирике. К лирике, являвшейся для всей его бесподобной музыки качеством доминантным.

Объять необъятное в рамках небольшого очерка невозможно. Как невозможно представить Микаэла Таривердиева всего и сразу. Невозможно постичь весь ход его гениального творческого пути. Впрочем, музыка – явление, не нуждающееся в доскональном разборе. Наоборот, совсем не плохо, если то или иное произведение после его прослушивания оставляет некую недосказанность. Еще лучше, если окажется в нем и что-то неизвестное, непонятое, таящее в себе некие секреты... К счастью, выдающийся армянско-русский лирик в этом отношении постарался на долгие годы и десятилетия вперед. И музыка его по-прежнему звучит, волнует, очаровывает и таит свои секреты, которые, возможно, когда-нибудь кто-то и разгадает. Для нас же, знакомых с музыкой Микаэла Таривердиева с детства, она навсегда останется светлой, доброй, немного грустной, глубоко поэтичной, дарящей ощущение полноты жизни. Жизни как главного дара на земле...

АРЦВИ БАХЧИНЯН

ГДЕ-ТО В ГЛУБИНЕ ДУШИ...

Беседа с композитором Кармеллой Цепколенко

Кармелла Семеновна Цепколенко (род. 1955, Одесса) – известный украинский композитор, лауреат Национальной премии Украины имени Тараса Шевченко (2024), лауреат премии имени Б.Н. Лятошинского (2001), педагог, профессор, кандидат педагогических наук, секретарь правления Национального союза композиторов Украины, заслуженный деятель искусств Украины. В 1962–1973 годах обучалась в Одесской средней специальной музыкальной школе. Продолжила музыкальное образование в Одесской консерватории (1973–1979), где изучала композицию и фортепиано. С 1986 по 1989 год училась в аспирантуре Московского педагогического института. Три раза посещала композиторские мастер-курсы в Германии. С 1980 года – преподаватель композиции в Одесской государственной музыкальной академии имени А.В. Неждановой. В процессе обучения использует собственную авторскую методику «Сценарная разработка музыкального материала». Неоднократно проводила мастер-классы в учебных заведениях Германии, Молдовы, России, Швейцарии, США. Участница многочисленных международных фестивалей и форумов, лауреат международных композиторских конкурсов. Была инициатором организации в 1995 году и артдиректором ежегодного фестиваля современной музыки украинских и зарубежных композиторов, преимущественно экспериментального направления, «Два дня и две ночи новой музыки» в Одессе. Также Кармелла Цепколенко является инициатором создания, основателем и председате-

лем правления Международной общественной организации «Ассоциация Новая Музыка» – Украинского отделения Международного общества современной музыки (ISCM). Создала школу современной композиции на юге Украины, среди выучеников которой немало лауреатов национальных премий и международных конкурсов.

После начала русско-украинской войны для своей авторской военной стратегии Кармелла Цепколенко придумала слоган «Украинские женщины-композиторы со своим оружием» и создала проект, в котором приняли участие композиторы и поэты с произведениями, написанными в период войны.

– С 2022 года, общаясь с украинцами, я всегда начинаю разговор с пожелания скорейшего мира – в Украине и во всем мире. Одесса, где вы живете, недавно вновь подверглась бомбардировке со стороны российской армии. Тем не менее вы продолжаете проведение фестиваля «Два дня и две ночи новой музыки»...

– Да, как раз сегодня (16 июня, 2025 г.) в один из бесчисленных дней этой ужасной войны, была одна из самых разрушительных атак на Одессу и Киев. Целые кварталы в центре города разрушены или повреждены. Российская армия стала применять очень мощные беспилотники, в которых взрывчатки по 150-200 килограммов и пускают их стаями. У нас не хватает возможностей сбивать их всех. Поэтому очень сильные разрушения и жертвы среди мирного населения.

Наш международный фестиваль современного искусства «Два дня и две ночи новой музыки», который ежегодно проводится в Одессе, уже несколько десятилетий представляет современное украинское искусство на уровне лучших мировых образцов. В годы войны фестиваль стал мощным художественным оружием в борьбе против захватчиков и в своих программах объединяет произведения украинских и иностранных композиторов, написанные во время войны. Фестиваль возник в первые годы независи-

мости Украины и является почти ровесником молодого украинского государства. Все эти годы усилия фестиваля были направлены на развитие современной академической музыки, за это время участие в фестивале приняли тысячи украинских и иностранных композиторов и исполнителей.

За все годы существования фестиваля только в 2022 году из-за начала широкомасштабной войны проведение очередного, 28-го фестиваля оказалось невозможным и состоялось в 2023 году. Несмотря на войну, 29-й фестиваль с успехом состоялся в 2024 году, а 30-й фестиваль планируется провести в августе 2025 года как большую культурную акцию, которая покажет миру, что украинская культура непобедима, существует и развивается даже в чрезвычайных условиях.

– В мае этого года, во время ереванского фестиваля современной музыки «Перекрестки - 2025», мы слушали ваши произведения. В одном из них, как мне показалось, звучали ноты тревоги, связанные с войной. Прав ли я?

– В Кантате «Откуда ты, черная, валкая птичья стая?» («Woher, schwarzer Tross, fliehender Schwarm, kommst du geflogen?») для сопрано, меццо-сопрано, тенора и баритона на стихи Сергея Жадана, которая звучала во время семинара, действительно имитировались взрывы бомб, звуки сирен воздушной тревоги и пулеметные очереди. Эта кантата была написана в мае 2022 года в Одессе по заказу объединения «Maezenatentum» для известного австрийского ансамбля «REIHE Zykan+» при финансовой поддержке Федерального министерства жилищного строительства, искусств, культуры, средств массовой информации и спорта Австрии, а также специальном финансировании в помощь Украине. Текст был переведен на немецкий язык немецким издательством «Suhrkamp Verlag». Первое исполнение произведения состоялось 3 октября 2022 года в замке Шлайнинг (Бургенланд, Австрия) на торжественном мероприятии, посвященном 40-летию Австрийского центра по изучению проблем мира и урегули-

рования конфликтов. Среди присутствующих было много известных политиков, в их числе – федеральный президент Австрии.

Официальная же мировая премьера произведения состоялась 24 октября 2022 года в Вене в Доме культуры Венского радио в рамках концерта «За украинское будущее II». Австрийская телерадиокомпания ORF профессионально записала концерт для трансляции в своем эфире.

Развивая произведение в драматическом развертывании, я применила игровые методы формообразования, а для усиления эффекта драматизации активно использовала состязательность отдельных голосов. В кульминационных моментах фактура насыщается полилинейными, многослойными смыслообразующими структурами. Диалогичность образов, их противоборство и слияние, внутренние и внешние конфликты формируют последовательное драматическое действие, которое полностью разрешается в эмоциональной стихии. Особое внимание уделялось феномену времени: усиливая плотность событий во времени и применяя приемы его двунаправленности и виртуальных инверсий, я пыталась достичь эффекта сжатого субъективного восприятия времени.

В кантате использован лейттематический принцип развития, а также широко применяется линейное наложение различных ролевых линий в кульминационных структурах. В целом главными событийными моментами становятся музыкальная объемность и театральная насыщенность.

– Вы побывали в Армении уже в четвертый раз. Расскажите, пожалуйста, о ваших предыдущих визитах и связях с армянскими музыкантами.

– Первая поездка – это 1978 год. Участие во Всесоюзном фестивале творческих вузов. Это было безусловно незабываемо! Мы находились в Ереване полторы недели. Масса интересных концертов, встреч, общений, поездки в Гарни, Гехард, Севан, Звартноц... Первый свой диплом за произведение «Вариации для фортепиано» я получила на этом фестивале. Общение с такими гигантами музыки, как Эдвард Мирзоян, Александр Арутюнян...

Вторая поездка – 1982 год. Одесская организация Союза композиторов СССР приехала в Армению. Тогда, в советское время, были привычными обменные концерты между республиканскими организациями СК СССР. Это тоже было незабываемо. Концерты в Дилижане, в Ереване (Камерный зал имени Комитаса), в Сарда-рапате. И, конечно, посещение Эчмиадзина, где нам разрешили спуститься в подземелье и увидеть языческое капище, на котором был воздвигнут храм.

Третья поездка случилась в 2019 году. В Ваназоре была организована выездная сессия Международного конкурса молодых музыкантов «Music Olymp»*, где я была членом жюри. Ереван поразили своими масштабами (прошло всё-таки 40 лет после последнего посещения). Был подписан контракт о сотрудничестве между Киевской и Одесской Академиями и Ереванской консерваторией имени Комитаса. К сожалению, из-за войн контракт пока не смог осуществиться...

Четвертая поездка состоялась в 2025 году. Участие в Международном фестивале «Перекрестки - 2025» по приглашению общественной организации Quarter Tone NGO, где, кроме участия в фестивале, прошел семинар, посвященный моему творчеству, с показом основных моих произведений, концерт с исполнением двух произведений, одно из которых было заказано общественной организацией Quarter Tone NGO для фестиваля, и мастер-курс со студентами ереванской консерватории.

По заказу Quarter Tone NGO для фестиваля было написано произведение под названием Collisions for Flute, Clarinet, Piano, Violin, Viola and Cello. Это произведение также навеяно войной. В нем я пыталась отразить систему столкновений, которые происходят между мирной жизнью и войной. В этом сложном многоплановом процессе сталкиваются противоположные ценности, образы мышления, ритмы жизни, формы поведения и даже само восприятие времени и пространства. Исполнено в мае 2025 года

* «Odesa Music Olymp» – международный художественный конкурс, основанный одноименной общественной организацией. Мероприятие ежегодно проходит весной в Одессе и объединяет молодых музыкантов разных стран мира.

ансамблем «Ассонанс». Я благодарна членам ансамбля за высокопрофессиональное и вдохновенное исполнение сложного авторского замысла.

Второе произведение «Im Träumen... und hier unten auf der Erde» («В мечтах... и здесь внизу, на Земле») для флейты, виолончели и фортепиано также было великолепно исполнено ими в рамках этого же проекта. В этом произведении противопоставлены друг другу две части. Первая – меланхолическая, монотонная и ослабленная, витающая в облаках. Вторая – действенная, мятущаяся в попытках достичь совершенства.

Все посещения Армении оставляют неизгладимое впечатление. Когда бы я ни приезжала – это и новые впечатления и что-то еще, что невозможно объяснить словами. Это таится где-то в глубине души... Что-то, что объединяет тебя с предыдущими поколениями.

Много армянских музыкантов приезжало к нам по финансируемой Институтом открытого общества программе «Культурные связи» (ее координировал с армянской стороны Арцви Бахчинян, с одесской стороны – я и мой муж, музыковед Александр Перепелица). Это были проекты самой разной направленности, в которых участвовали композиторы, исполнители, танцоры, театралы. Участники из Армении бывали также на одесских фестивалях «Два дня и две ночи новой музыки»: Эдвард Айрапетян, Ваче Шарафьян, Роберт Амирханян, трио «Шелл», Сурен и Гаяне Ахназаряны, Цовинар Мовсисян, Геворк Дабагян, Михаил Кокжаев и другие...

Была еще одна крупная акция под названием «Передвижная академия музыки», которая была организована Одесским отделением Института открытого общества «Видрождения» («Возрождение»), в ней также принимали участие армянские исполнители и артисты.

– С Арменией вас связывают не только творческие, но и семейные узы. В 1998 году я познакомился с вашим мужем, который тогда рассказал, что вы – армянка по материнской линии

и что ваши корни уходят в Западную Армению. Было бы интересно узнать больше о вашем армянском происхождении.

– Дедушка по материнской линии – Кеворк Каспарович Демурчан, 1881 года рождения, был родом из автономной общины Хоторджура (Западная Армения, Эрзрумский вилайет). Поселок городского типа Хоторджур был населен армянами-католиками, поэтому поселение называли еще «маленький Рим». В 1900 годах Кеворк – сын преуспевающего дельца – поехал учиться в Россию, в Киевское коммерческое училище, по окончании которого вернулся на родину, женился на Элбис Апозян (из семьи священника) и через некоторое время снова, уже вместе с женой и дочерью, уехал в Россию открывать свой бизнес. На этот раз он поселился в Николаеве, где купил мельницу, несколько пекарен, кондитерские. В Николаеве в 1914 году и родилась моя мать – Мариам Кеворковна Демурчан. А через несколько месяцев в Хоторджуре произошло то, что известно всему миру как геноцид 1915 года.

Дедушка хорошо играл на флейте и на мандолине. Дома часто устраивались концерты, в которых принимали участие другие члены семьи: его старшая дочь Сирануш (Люба) хорошо играла на фортепиано, сын Каспар играл на скрипке, а моя мама Мариам танцевала.

С раннего возраста моя мама занималась с гувернерами, изучала языки – немецкий, французский, постигала искусство игры на фортепиано, хорошо рисовала. Под наблюдением опытных наставников она осваивала искусство классического балета.

Когда в 1928 году в Николаев приехал московский Большой театр ставить балет Рейнгольда Глиэра «Красный мак», мою маму отобрали для участия в спектакле: она исполняла роль одной из китаянок. Балетмейстер Александр Ширяев предложил маме продолжить обучение в Москве в школе балетного танца при Большом театре. Однако в это время колесо фортуны начало вращаться в обратном направлении. На семью обрушились несчастья. Бабушка умирает во время родов. Четверо детей остаются

без матери: самой старшей, Сирануш, 19 лет, а моей маме Мариам 14, были еще и младшие – Огиде (Ольга) и Каспар. Дедушка арестован как «враг народа». Начинается тяжелейшая борьба за существование, буквально выживание без средств, без родителей. Дети перебираются в Киев к двоюродному брату Вартану, который занимал в столице Украины большую партийную должность (впоследствии, якобы за поддержку партии Дашнакцутюн, он получил 10 лет лагерей). Здесь моя мама, умевшая хорошо рисовать, устраивается работать в проектное бюро чертежницей. Во время войны она была переводчицей при штабе, так как в совершенстве знала немецкий, вместе с войсками дошла до Берлина. Ольга закончила мединститут в оккупации, когда освободили Киев, пошла на фронт военным врачом и тоже дошла до Берлина. Каспар также был на фронте, вернулся капитаном. Дальше работал инженером в Киевэнерго. Так как он очень любил музыку, то организовал самодеятельный оркестр, где сам играл на скрипке и дирижировал.

После войны мама вместе с сестрой Ольгой и дедушкой переехала в Одессу. Вышла замуж за Цепколенко Семена Дмитриевича – моего отца.

– Сохранялись ли в вашей семье какие-либо армянские традиции – в музыке, кухне или, возможно, в других аспектах?

– Так как мой дедушка и Вартан жили у нас в семье, то они разговаривали с мамой на армянском. К сожалению, я не освоила армянский, вероятно из-за того, что в те годы во всех сферах доминировал русский язык. Теперь я очень жалею, что не погружалась в армянский язык. Дедушка хорошо готовил, выпекал пасхи по старинным рецептам (кстати, это его спасло во время репрессий: в лагерях он занимался хлебопечением). Из армянской кухни мама готовила толму, гату, танапур, шакар-лохум, кавурму.

– Кармелла, вы автор более ста музыкальных произведений для оркестра, камерных ансамблей, вокала, фортепиано,

органа, трех опер. Есть ли среди них что-то, связанное с Арменией?

– Да, «Поминальная симфония», написанная в 1988 году. Я рассказывала, что в 1982 году я была в Сардарапате, который на меня произвел особенно сильное впечатление. Сардарапат – это символ победы над врагом, что стало важным толчком для дальнейшего художественного осмысления исторических событий. Через шесть лет после посещения Армении я начала работу над симфонией. Впечатление от Сардарапатской битвы, которое глубоко запечатлелось в моем сознании, постепенно кристаллизовалось в музыкальный сценарий симфонии. Музыка будто сама укладывалась в логическую и эмоциональную форму, отражая внутренний мир моих переживаний.

Тема армянского геноцида для меня не была просто историческим фактом, я воспринимала его как личную трагедию. Как уже рассказывала, мой дедушка по материнской линии родом из Хоторджура, одного из городов, ставших центром массовых убийств армянского населения. Но он был еще и одним из центров самообороны (я храню книгу, в которой есть фотография моего дедушки в военной форме как участника самообороны). Многие дедушкины родственники не успели покинуть Хоторджур и погибли во время массовых актов резни. Кстати, одним из выживших наших родственников (из тридцатипяти тысячного населения Хоторджура осталось в живых пятьдесят человек) является армянский поэт Франсуа Борчаниян (в конце жизни он вернулся из Франции в Армению и был монахом в Эчмиадзине).

Симфония стала одной из форм художественного осмысления трагических и одновременно значимых исторических событий. Поводом для написания симфонии явились два события – геноцид армян и Сардарапатское сражение. Мне хотелось передать две основные составляющие исторической памяти: трагическую скорбь по уничтоженным родственникам и погибшим соотечественникам – и величественный дух борьбы и победы, который спас армянский народ от окончательного уничтожения. Эти два

события, трагическое и эпическое, стали интерпретационной основой для музыкальной драматургии «Поминальной симфонии». «Поминальная симфония» – это своеобразный музыкальный памятник, в котором средствами симфонической выразительности отражен трагизм и героизм важнейших вех в армянской истории.

– Благодарю за ответы, дорогая Кармелла. Желаю, чтобы вы вновь посетили родину своей матери – уже с новыми произведениями. И пусть как можно скорее восстановится мир – в Украине и во всем мире!

Ереван – Одесса

Поступающие в редакцию рукописи не рецензируются.

При перепечатке материалов ссылка на журнал
“Литературная Армения” обязательна.

Адрес редакции:
0019, Республика Армения,
Ереван, пр. Маршала Баграмяна, 3.
Телефоны: +374 10 563557
 +374 10 563666
e-mail: info.litarmeria@gmail.com

Сдано в набор 02.04.2026
Подписано в печать 27.05.2026
Формат 70х100/16
Печ.л. 11. Заказ N 100
Бумага офсетная. Тираж 500 экз.
Регистрационный номер 43
Отпечатано в типографии ООО “ВМВ-ПРИНТ”